

НА ЗЕМЛЕ ЕДИНОЙ

Развитие Алтайского края обусловлено трудовым вкладом представителей многих национальностей, проживающих в регионе. В 2024 году, объявленном в России Годом семьи, важно закрепить понимание, что мы не только большая семья народов, но мы – трудовая семья. Закрепление позитивного образа трудового многонационального вклада через конкретные примеры, описанные в рассказах и очерках сборника «На земле единой», позволяет сохранять, укреплять и развивать межнациональное сотрудничество, создавать позитивные примеры для молодого поколения. Труд является объединяющим фактором не только между отдельными людьми, но и между национальными сообществами, проживающими в Алтайском крае. В современных условиях крайне важно предупреждать любые обострения межнациональных отношений, что можно сделать в том числе и через объединяющие образы труда на единой земле и в контексте общероссийской истории.

Книга издана на средства субсидии на реализацию информационных и издательских проектов по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации, в рамках реализации государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», утвержденной постановлением Правительства Алтайского края.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
ОБЩЕСТВЕННАЯ АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

НА ЗЕМЛЕ ЕДИНОЙ

**АЛТАЙСКИЙ КРАЙ – ТРУДОВАЯ
СЕМЬЯ НАРОДОВ**

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ И ОЧЕРКОВ**

Барнаул
2024

ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 122

На земле единой: сборник рассказов и очерков / рук. проекта А.А. Самойлова, ред.-сост. И.Ю. Образцов, худ. ред. Н.М. Ревкова. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2024. – 208 с.

ISBN 978-5-98550-674-7

Сборник рассказов и очерков «На земле единой» является единственным в своём роде изданием, которое посвящено теме трудового вклада представителей разных национальностей в историю развития Алтайского края. В книге представлены истории самых разных людей, чьи личные судьбы и трудовая биография складывались в условиях напряжённого времени непростых социальных перемен, подъёмов и спадов общественной жизни.

Книга рекомендуется для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98550-674-7

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© ОАКПО «Союз писателей России», 2024
© ОАО «Алтайский дом печати», 2024

О ПРОЕКТЕ

Развитие Алтайского края обусловлено трудовым вкладом представителей многих национальностей, проживающих в регионе. В 2024 году, объявленном в России Годом семьи, важно закрепить понимание, что мы не только большая семья народов, но мы – трудовая семья. Закрепление позитивного образа трудового многонационального вклада через конкретные примеры, описанные в рассказах и очерках сборника «На земле единой», позволяет сохранять, укреплять и развивать межнациональное сотрудничество, создавать позитивные примеры для молодого поколения.

Труд является объединяющим фактором не только между отдельными людьми, но и между национальными сообществами, проживающими в Алтайском крае. В современных условиях крайне важно предупреждать любые обострения межнациональных отношений, что можно сделать в том числе и через объединяющие образы труда на единой земле и в контексте общероссийской истории.

В истории нашей страны есть периоды подъёма и развития общественной жизни, когда трудовые достижения отдельных людей и целых коллективов становились примером для подражания, вдохновляли на достижение новых целей. Но необходимо понимать, что не менее важно обращать внимание на времена кризисов, когда терпеливый и напряжённый труд позволял сохранять самые основы социального и межличностного единства. Именно поэтому сборник «На земле единой» показывает сущностную основу человеческого труда как объединяющего и необходимого условия для развития и процветания как всей страны, так и отдельных её регионов.

Книга издана на средства субсидии на реализацию информационных и издательских проектов по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации, в рамках реализации государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», утвержденной постановлением Правительства Алтайского края.

РАССКАЗЫ

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АНАТОЛИЙ АРЕСТОВ. ПРАКТИКА

Агроном совершал объезд владений на стареньком УАЗе и наслаждался видом. Одинокое стоящая в степи берёза позеленела, листья, как монеты, усыпали ветви. Скрюченный кустарник шиповника ещё не выпустил первые листики, лишь толстые почки обрамляли колючего монстра. Травы тянулись к свету, прорезая дернистый, отыгравший своё, мёртвый слой. Коршун, паривший в бескрайнем небе, промелькнул крылатой тенью, сделал несколько кругов в высоте и исчез.

Непрерывное движение – заметное и незаметное – порождало особенный, загадочный мир. Первобытное «чувствование» жизни в живых существах, заложенное кем-то миллиарды лет назад, обострилось.

Мир, где нет человека... Где он не нужен.

Человек способен лишь на одно – принести в мир навязчивую волю, привнести асфальтобетонный хаос и посеять смерть в этом степном океане жизни.

Не переиграть песню жаворонка симфонией Моцарта. Не запечатлеть степь на картине великолепнее, чем она есть. Не передать изысканными словами, рифмами и поэтическими размерами свежесть порыва ветра.

Нет. Человек здесь неуместен.

Открытое окно в кабине донесло ни с чем не сравнимый запах поля, алтайского поля. Да, когда-то он приехал сюда в Змеиногорский район совсем молодым специалистом, мечтавшим поднять сельское хозяйство, что, в принципе, у него и получилось.

Он хотел поработать несколько лет, чтобы подтвердить диплом и переехать в другое место, ближе к столице, но эти просторы...

Просторы всегда притягивали его взгляд, входя в самое сердце, обнимали изнутри и обволакивали

душу, и он остался здесь, полюбил всем сердцем эти степи, эту землю, этих людей.

Дорога, укатанная колёсами сельхозтехники, пылила. Пыль взлетала, как нечто таинственное, словно прах минувшего времени собирался и скапливался именно здесь, где пробивалась живучая трава-мурава, подорожник, полынь-чернобыльник.

«Ведь живёт же на обочине дороги и как-то выживает! – пронеслась мысль в голове агронома и, найдя почву для дальнейшего философствования, начала укореняться. – Как на обочине жизни. Никому не нужная, никем не уважаемая – не приносящая пользы.

А дорога? Сколько смысла в обычном слове: жизнь человека – дорога, смена времён года – дорога, всё существующее куда-то движется по дороге.

Для чего человеческая жизнь? Люди, как природо-рожные травы, стоят у обочины жизни, смотрят на неё, но не понимают, что она такое, кем дана и что нас ожидает в конце пути?

Дорога уходит за горизонт... Будет ли она через сотню лет или зарастёт травами? Никто не знает даже такой мелочи...»

УАЗ мчался, раскачиваясь и подпрыгивая на неровностях, напоминая своим видом старого козлика. Впереди на краю поля показался трактор.

УАЗ остановился. Агроном отбросил философские мысли, занимавшие голову всю дорогу, и шагнул навстречу существующей действительности.

– Сеять почему прекратил? – крикнул агроном, обращаясь к трактористу.

– Пшеница закончилась, Иваныч! Машину жду, чтобы сеялки зерном заправить. Сейчас приедет, и начну. Ты бы мне лучше севца в помощники дал, сеялки не новые, он бы контролировал расход зер-

на, а то мне приходится останавливаться и самому проверять.

– Где я его найду, севца? Может, студенты из сельскохозяйственного приедут на практику, тогда отправлю их к тебе.

– Ладно. Договорились. Когда они будут, студенты?

– Будут. Не переживай!

Агроном сел в машину и поехал в контору созваниваться с представителями сельскохозяйственного вуза, которые должны были по договорённости с агрофирмой выделить недостающую рабочую силу в такое ответственное время, как посевная.

Ранним утром в понедельник на крыльце здания управления стояли два студента: худого звали Анатолий, подкачанного – Сергей. Они ожидали особого приглашения, но никого и в помине не было. Из подъехавшего ГАЗ-66 выбежал мужчина и направился к студентам.

– Чего стоите жмётесь? Вам к кому?

– На практику прислали. Мы агрономы!

– Ха! «Был бы дождик, был бы гром...» Ха! Вам, наверное, к Иванычу на второй этаж, в двести одиннадцатый кабинет. Он у нас агроном. Агрономы... Ха!

Студенты переглянулись, пожали плечами от весьма избитой шутки про профессию и направились по предложенному маршруту.

В здании царили полумрак и приятная прохлада. На втором этаже располагались три кабинета: главного агронома, главного инженера и генерального директора фирмы.

Двери кабинетов имели плачевное состояние, что тут же бросилось в глаза будущим специалистам.

Висевшая боком синяя табличка с цифрами «211» указывала на верное направление.

Анатолий постучал и сразу приоткрыл дверь.
– Здравствуйте! Мы на практику.
– Поздравляю. Вы к кому?
– К агроному.
– Напротив, – коротко ответил мужчина и добавил: – В двести тринадцатый!

– Спасибо. Извините, – тихо произнёс Анатолий и закрыл дверь. – Вот мужик – весельчак: то поговоркой подколол, то с кабинетами обманул. Местный юморист! Теперь ты постучись, Серёга.

Сергей постучал костяшками сильнее, чем его товарищ, но подождал, пока ответят.

– Войдите! – послышался глухой голос.

– Здравствуйте! Это мы. Прибыли проходить практику! – как можно громче произнёс Анатолий, но вышло не очень, голос сорвался в какой-то визг.

Сергей хлопнул товарища по плечу и улыбнулся.

Студенты подошли к столу советских лет, пожали руку агроному, присели на неудобные стулья и начали разговор.

– Значит, на практику? – уточнил главный агроном и посмотрел оценивающим взглядом на ребят. – Что ж, давайте перейдём сразу к делу: на данный момент устоялась положительная температура воздуха, соответственно, почва достаточно прогрелась, но не потеряла нужную для семян влагу. Конечно же, вы и без меня знаете, что да к чему! Наше хозяйство испытывает нехватку рабочих рук, а именно севцов. Вы готовы работать на сеялках?

– Да! – в один голос ответили студенты и закивали головами.

– Нам любая работа по плечу! – выдал Сергей и покосился на недовольного Анатолия.

– Хорошо! Спускайтесь на первый этаж, вас посе-

лят в общежитие и всё расскажут. Завтра сможете приступить к работе?

– Да! Да! – поочерёдно выпалили студенты, вставая и задвигая за собой массивные стулья.

Сотни раз отремонтированные сеялки семидесятих-восьмидесятих годов до сих пор принимали участие в аграрных делах. Севцы должны были стоять на задней площадке сеялки и контролировать выход зерна в почву из сошников, чтобы те не забились или не кончилось зерно в бункере.

От тихого и ровного поля, подготовленного под посев, исходил жар.

Синий трактор марки МТЗ в сцепке с красной сеялкой был готов к работе.

Студенты вцепились в поручни, махнули трактористу, и трактор, выпуская клубы сизого дыма, начал разгон.

От одного края поля до другого ехать пришлось минут пятнадцать. В центре поля ветер затих, пыль остановилась серым клубком вокруг сеющего агрегата, стало нестерпимо душно.

От низкой скорости слегка обдувало жарким движением воздуха.

Через четыре полных круга зерно закончилось. Трактор остановился. Подъехавшая машина загрузила в ящики сеялки очищенное зерно, и вновь началась работа.

Несколько кругов по полю заняли, как оказалось, много времени.

Тракторист посигналил, чтобы привлечь внимание студентов и показал пальцем на приближающийся грузовик. Это означало, что наступило время обеда.

Водитель зелёного «Урала» привёз фляги с су-

пом, чаем, картофельным пюре и коробку со свежим хлебом.

Пыльное лицо и руки вымыть было негде, но студентов данное обстоятельство нисколько не смутило! Голод взял в тиски!

Студенты с трактористом уселись на травке в тени возле берёзовой посадки.

– Ну что, практиканты, проголодались? – спросил тракторист.

– Конечно! Ещё как! Растрясло на сеялке, да и воздух у вас здесь свежий! Совсем пробрал! – улыбнувшись, ответил Сергей и застучал алюминиевой ложкой по тарелке.

Анатолий сосредоточенно вылавливал из супа упавший берёзовый лист.

Тракторист это заметил и заявил:

– Ешь, не брезгуй! Больше грязи – шире морда! Это же зелень. Полезно!

Анатолий не прислушался к совету, выловил ложкой злополучный листок и выплеснул в траву, но тут же в суп залетела мошка.

Студент сделал вид, что не заметил, и сдвинул её на сухой край тарелки. Дальнейшего разговора не последовало – неожиданно подъехал агроном.

– Всем здравствуйте! Как вам работа? – обратился агроном к студентам и, не дождавшись ответа, продолжил: – Как поедите, я вас отвезу в общежитие, сегодня отдохнёте, отмоетесь. Завтра будет другая работа. Необходимо срочно заниматься ремонтом тока. Привезли новый зерноочистительный агрегат, и его позарез нужно монтировать по месту!

– Ну ты что, Иваныч? На полдня мне их дал? Лучше бы совсем не давал! – опечаленно выпалил тракторист.

– Что я сделаю, Андреич? – ответил агроном. – Так решил директор! Задавай вопросы ему.

Студенты наконец-то узнали, как зовут тракториста, но это было уже не так важно. Вернее, вообще неважно.

На следующий день ребята занялись установкой нового бинарного центробежного сепаратора, который очищал (как сказал агроном) качественнее и по объёму пропускаемого зерна был производительнее, нежели советские аналоги.

Часть разобранной шиферной крыши тока аккуратно лежала на скошенной траве, лопнувшие листья валялись поодаль в неглубоком овраге.

Кран осторожно поднял с трала невиданный студентами агрегат. Две серебристые колонны, соединённые между собой, висели на стропах в воздухе, словно ступени термоядерной ракеты.

Забежав на ток по крутым и узким ступеням лестницы, студенты помогли рабочим подтянуть агрегат за заранее привязанные к нему верёвки.

Отверстие в крыше было достаточно узким. Аппарат мог выломать несколько листов шифера и, ударившись о железную балку, сорваться на деревянный настил.

– Тяни! – крикнул один из рабочих Сергею. – Что встал?

– Я тяну!

– Вот и тяни!

– А ты там в напряжении верёвку держи! – мужик обратился к Анатолию и посмотрел вверх.

Агроном, следивший за всеми действиями по установке сепаратора, услышал разговор и немедленно вмешался:

– Ты давай не кричи на студентов! Молодые ещё! Объясняй, как нужно и что нужно!

– Я чё? Я ничего! Просто им объяснил! – ухмыль-

нувшись, ответил рабочий и подмигнул Сергею.

– Понятно. Мягче нужно. Ещё научатся! – улыбаившись, сказал Иваныч и отошёл в сторону.

Слаженная работа увенчалась успехом – и скоро зерноочистительный аппарат стоял на уготованном ему месте. Студентам предстояло настроить его, запустить и начать самую ответственную работу – очистку зёрен от плевел!

Асфальт, покрытый микроскопической пылью, напоминал природе о необходимости дождя. Листья деревьев, прежде зелёные и сочные, в этот день висели измождёнными. Шквал падающих солнечных лучей с каждым днём нагревал землю сильнее. Природа подвергалась невыносимым нагрузкам от далёкого космического светила, но дождя всё не было...

Началась уборочная. Инженер проверил сепаратор, похвалил студентов за проделанную работу, пообещал выписать грамоту и дал несколько дней отдыха.

Сергей по какой-то причине отпросился домой. Из дома позвонил руководству и сообщил, что больше не приедет. Скорее всего, просто не захотел проходить практику в пыли и мазуте, нашёл повод и возможность «откосить» от (как он сам сказал) этого неблагодарного дела. Поэтому Анатолию пришлось работать одному. Но ничего страшного – ток работал исправно!

Пока выпала возможность отдохнуть, Анатолий перестирал свои вещи, сварил суп, ведь столовая была закрыта, сделал несколько поэтических набросков о деревенской жизни и нелёгком крестьянском труде, позже решил приступить к заполнению дневника прохождения практики.

В последний выходной день пошёл долгожданный и многообещающий дождь. Так нужный природе, но не нужный человеку!

Позвонил агроном и продлил выходные ещё на два дня.

Струи хлестали в окно, и вскоре из прогнившей деревянной рамы закапало на подоконник.

Анатолию захотелось непременно написать что-нибудь о капле! Да. Именно о капле! И уже через полчаса появилась миниатюра.

«По небу плыла небольшая, не выделяющаяся ничем от остальных, туча. Она содержала в теле несметное количество капель воды. Каждая была маленькой и прозрачной, впрочем, несущественной. Туча не выдержала накопившейся тяжести и скинула их над океаном. Ветер долго носил, трепал, охлаждал, но тем не менее каждая капля добралась до поверхности океана, слилась с ним и стала одной громадной каплей – Мировым Океаном. Поэтому и человеку, чтобы почувствовать себя существующим и существенным, необходимо слиться с чем-то глобальным и стать самому сутью глобальности».

Анатолий ещё раз перечитал сотворённый шедевр, порадовался своим философским способностям и с душевным спокойствием отложил тетрадь.

Шум триеров и лязг металлических цепей агрегатов заглушили звуки природы: поющего в небе жаворонка, голосащую в лесополосе синицу.

Но что делать? Человеку нужен хлеб! Без него никуда!

Анатолий смотрел на площадку перед током, как два грузовика ЗИЛ и ГАЗ, оба с ржавыми и битыми кузовами, – везли с поля золотистое зерно.

Развернувшись на небольшом асфальтирован-

ном пяточке, водитель «газона» сдал назад и заехал на эстакаду.

Профессионального и умудрённого «рулевым» опытом водителя Анатолий узнал сразу – водитель быстро попал в железную колею подъёмника.

Стёртые колёса упёрлись в чугунные ограничители, отчего по автомобилю пробежала дрожь, словно он боялся за сохранность вверенного ему груза. Последовала остановка. Кузов поднялся под напором цилиндров. Водитель вышел из машины, сильной мозолистой рукой открыл борт, и зерно бурным потоком потекло в приёмочную яму.

Студент нажал на пульте управления чёрную кнопку, открыл заслонку, и в работу вступила нория. Звенящая блестящими ковшами на резиновой ленте, она с невероятным усилием поднимала разгорячённое под солнцем добро, отправляя его на самый верх и ссыпая в пасть ненасытного зерноочистительного агрегата.

Раскалённая от невидимых трудов солнца шиферная крыша и безветрие в совокупности с грохотом и вибрацией агрегатов превратили ток в подобие апокалиптического робота-титана, совершающего таинственный процесс. Обволакивающее облако пыли оседало на всё, словно погребало ненужное Вселенной кратковременное человеческое.

Точное и размеренное действие машины принесло долгожданный результат – зерно очищено!

Чистые семена пшеницы, отбитые стальным ситом от травяного сора, до поры упали в бункер. Зерновая пушка переместила зерно в оранжевый кузов увесистого КамАЗа.

Солнце зашло за горизонт. Похолодало. Напряжённый рабочий день подошёл к концу.

Затихшие механизмы отдыхали, остывая от изнурительного летнего жара.

Анатолий выключил аппарат, тряпкой протёр пульт управления, посмотрел в окно на звёздное небо и направился в общежитие. Ещё один день практики закончился...

На пилораме

– Игорь, запрыгивай в кузов. Будешь принимать груз! – крикнул Пётр и добавил: – А я здесь стропы под бруски заведу.

– Справишься один? – спросил Игорь, поднимаясь на высокий борт иностранного грузовика.

– Ещё бы он не справился! Петя у нас парень молодой, подвижный! – высунувшись из кабины управления краном, вставил несколько слов Вадим и стряхнул пепел с рабочих штанов.

Сегодня, как назло, машина за машиной, а что? Пилорама пользовалась спросом! Огромный выбор пиломатериала, низкие цены и, что немаловажно, адекватные непьющие грузчики.

Покупатели приезжали сюда по двум причинам: цена и бесплатная аккуратная погрузка.

С покупателя требовалось только приехать, выбрать, показать пальцем на интересующие доски, оплатить в конторе стоимость заказанного и предъявить чек. Всё!

Погрузочные работы осуществляли двое парней. Худой и малоподвижный Игорь, до сих пор живущий с мамой парень двадцати лет, отучившийся в ПТУ на кондитера, но не служивший в армии по причине артрита. И хорошо сбитый сорокалетний Пётр, успевший отбыть пять лет за колючей прово-

локой – ничего серьёзного, просто невезение. Своровал велосипед – поймали, навешали ещё и отправили в места отдалённые, но не настолько. Ничего! Отсидел нормально – мужиком. Вышел, нашёл себе подругу и устроился на пилораму грузчиком.

– Готово! – Пётр махнул крановщику, сжал пальцы в кулак, а большой палец выставил вверх: – Вира! Вира! Нормально, хорошо пошла. Принимай, Игорь!

Тканевые стропы натянулись, тридцать брусков размером на спиле двадцать на двадцать сантиметров и длиной шесть метров плавно перемещались по воздуху.

Игорь забрался на борт. Конечно, на борту стоять неудобно, зато в случае непредвиденной ситуации можно будет спрыгнуть, нежели находиться возле железного борта и быть придавленным. Техника безопасности всё-таки! Хотя...

Техника безопасности была всего лишь на словах плюс роспись в амбарной книге, но каждый знал, чем может закончиться данное мероприятие.

Три года назад, когда Игорь и Пётр ещё не работали здесь – мужика засыпало точно такими же брусками, стропа порвалась и... Накрыло по полной!

Об этом крановщик рассказал по секрету. Ничего, жив парень. Переломан весь, но жив!

Игорь протянул руку до брусков (они шли перпендикулярно кузову грузовика), с силой толкнул от себя, отчего бруски начали медленно разворачиваться.

Через несколько секунд приблизился противоположный край.

Игорь упёрся ногами в кузов, напряг руки, не давая грузу поворачиваться по горизонтали.

– Майнуй! – громко сказал парень и, придерживая «деревяшки», спустился с борта на ровную поверхность кузова.

Разложенные подкладки – напиленные заранее трёхсантиметровые доски не позволили стропам быть зажатыми между брусками и кузовом.

Пачка легла ровно. Стропы ослабли. Игорь снял их с «паука», вытянул из-под груза и кинул через борт Петру.

Кран тихо, но верно поворачивал за следующей стопкой деловой древесины.

– Ух, приморился я что-то скакать туда-сюда, – тихо произнёс Игорь и достал из скомканной пачки сигарету. – Есть зажигалка? А Вадим без обеда?

Пётр достал жёлтую зажигалку с сигаретой, прикурил и протянул Игорю.

– У Вадима работа закончилась. Кран отгонит да домой поедет. Да-а-а... Три часа ушло на погрузку. Сейчас пообедаем и пойдём доски перекладывать, чтобы подсохли. Машин сегодня больше не будет. Переложим да домой рванём.

– Ага! Хорошо, что сегодня народа немного. Завтра вот понаедут! Выходной же у людей. Попрут затариваться! – ответил Игорь и высморкался на землю.

Возле сторожки сидели две маленькие собачки. Местные «чоповцы-вертухай» – именно такое ласковое прозвище дал им Пётр, памятуя о пяти годах отсидки.

Собачки виляли хвостами и смотрели на руки людей.

– Что вы? Что? Я утром вам принёс много всего вкусного. Хватит! Разжиреете и гавкать не будете, гланды жиром заплывут. Ты вот, рыжий, вообще сильный. Голос пропил! С сучками, поди, развлекался всю ночь?

Пётр разговаривал с животными в своей манере, Игорь только успевал хихикать на сказанное.

Рыжий пёс повернул голову набок с таким взглядом, словно хотел сказать: «Я хотел бы понять тебя, но, к сожалению, не могу!»

Игорь улыбнулся, оббил сапоги от налипших опилок и открыл дверь.

Тёплый воздух сторожки, смешанный с застоявшимся запахом дыма, потных одежд и бергамота, пахнул в лицо.

Мужики положили рабочие перчатки на железную трубу контура отопления и присели за стол...

Солнце разогрело февральский воздух. С тёмной крыши навеса падали крупные блестящие капли. Местами безупречно чистый снег слепил глаза. Аромат сложенных трёхметровыми стопками сосновых досок приятно расслаблял и умиротворял. Ворона клевала обглоданную собаками кость. Собаки лежали на горке золы и дремали. За забором проехал чёрный «Лексус», громко и приятно хрустя колёсами по насту.

Игорь не мог, как ему казалось, полностью открыть глаза. Послеобеденный сон – вот что ему точно бы не помешало!

– Ладно тебе! Сейчас разработаешься. Сон как рукой снимет! Покидаем дощечки малость, а там домой! – Пётр снова повторил ту же фразу, что и до обеда. Он сам хотел домой. Работа – это хорошо, это деньги на необходимое, но дом – это дом! – Кстати, забыл тебе сказать: начальник позвонил – завтра КамАЗ с прицепом кругляк привезёт!

– Ну, ё-моё! Начинается свистопляска! – сонливость испарилась, мурашки пробежали по рукам и скрылись в области подмышек.

Игорь вспомнил, как неделю назад они разгружали Урал без прицепа. Смолистые сосновые брёв-

на – одно к одному. Ни щелочки, ни зазора! Пока одну сторону стропой приподнимешь, пока вторую стропу заведёшь под брёвна, снова опустишь брёвна, снова оденешь стропы на «паука», поднимешь... За один раз больше восьми стволов кран не возьмёт – старенький, не вывезет. Ещё и наплыв покупателей! Ой! Завтрашний день будет долгим.

Пётр заметил, как изменился в лице напарник, и улыбнулся. Нет. Игорёк не был ленивым, просто немного испытывал страх. Это хорошо, только дураки не боятся!

Без пятнадцати пять вечера Игорь с Петром вышли с лесопилки. Переодетые, чистые, с чувством выполненного на сегодня долга и мыслями о родном доме они пошли по февральской дороге.

Пёс Рыжий, или рыжий пёс, – суть от перемены мест не меняется выбежал за ворота, сел на оттаявший клочок земли и долго наблюдал за удалявшимися людьми.

Когда их фигуры исчезли за поворотом, пёс жалобно заскулил, подняв голову к синему небу. Собачке стало невыносимо горько и печально из-за своей собачьей судьбы, из-за непонимания человеческой речи, да что там скрывать – просто хотелось выть!

Глубокое февральское небо подёрнулось белыми полосками облаков, красная жидкость в уличном градуснике стекала вниз в свою круглую постель – температура воздуха падала, сосновый аромат досок всё так же висел в неподвижном воздухе.

Рыжий перестал выть и прислушался. Чёрный «Лексус» на скорости поравнялся с воротами – для опечаленного пса наступил долгожданный миг трансформировать свои эмоции в ярость и скопившуюся злобу на крутящиеся колёса.

Неистово лая, пёс понёсся вслед автомобилю.

Жизненный урок

– Колоть дрова не так просто, как может показаться на первый взгляд! – объяснял отец сыну Володьке. – Смотри!

Отец поднял над головой увесистый топор и резко опустил в центр чурочки, от чего она хрустнула и развалилась на две равные части.

– Нужно быть осторожным. Нужно понимать, что ты имеешь дело с холодным оружием! – Отец поднял топор, и тот зловеще блеснул лезвием в лучах утреннего солнца. – Для больших пеньков у меня припасён колун, который мне выточили на заводе под заказ. Пока поработаешь топориком, колуном ещё рановато.

Володька внимательно смотрел на отца, боясь пропустить важную информацию. Отец рассказал о сучках, что не нужно в них прицеливаться, а лучше повернуть другой стороной или вообще перевернуть, показал, как рубить плашмя, как вытащить топор, увязший в древесине и многое другое.

– Ещё раз закрепим! – Отец подкатил объёмный пень, плюнул на руки и, схватив здоровенный колун с гладкой берёзовой ручкой, поднял над головой. Пень, как маленькая чурочка, издал прощальный звук и развалился. Сырая сердцевина запахла свежестью, а колун на несколько сантиметров ушёл в землю.

– Переборщил малость, – аргументировал отец. – Думал, прочнее окажется! Ладно. Бери топор и пробуй.

– Может, я возьму колун?

– Никаких колунув! Учись топориком работать! Набьёшь руку, намозолишь, только потом. Это не игрушка! – ответил отец, унося орудие труда в сарай.

Володька не боялся физического труда. Ему было интересно пробовать свои силы в разнообразных

мужских работах. Он схватил топор и размахнулся, но попал по краю брёвнышка, отчего топор недоумевающе звякнул и своим весом потянул мальчика за собой.

«Опрометчивый шаг – это спешка!» – Володька вспомнил слова отца, подбирая улетевшее к самому сараю брёвнышко, и снова замахнулся топором.

– Получается? – отец вышел с веранды с двумя кружками прохладного кваса, протянул одну сыну. – Отдохни. Смотрю, ты приловчился! Со временем войдёшь во вкус. С первого раза ничего не получается.

Володька чувствовал усталость.

– Когда я смотрел на тебя, пап, как ты работаешь, казалось, всё просто и легко.

– Но на деле это не так?

Володька покачал головой и залпом выпил кружку домашнего бабушкиного кваса.

– Давай посмотрю, что у тебя получилось! – Отец выбрал несколько поленьев. – Видишь, ты разрубил надвое, а нужно на четыре части. Эти в печь не полезут и разгораться будут долго.

Володька взял топор и сделал как нужно. Отец больше не заставлял сына колоть дрова, а отправил складывать наколотое в поленницу. Ещё один жизненный урок получен!

ВИКТОР АФОНИЧЕВ. ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

*Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает!
Не бойтесь ошибаться – бойтесь повторять ошибки.*

Теодор Рузвельт

Ошибка была совершена мною два года назад – я согласился избираться на должность председателя садоводческого некоммерческого товарищества. Если кратко, то СНТ. Как утверждает один из моих друзей, он по профессии психолог, аббревиатура из трёх букв всегда настораживает. Чтобы не травмировать психику читателя длинным перечислением таких названий, в качестве примера приведу только небольшой список: ЖКХ, США, НЛО, ЦРУ, ФБР, ЕГЭ.

Я не внял предостережениям друга. Сто лет назад Махатма Ганди утверждал: «Грамм собственного опыта стоит дороже тонны чужих наставлений». Свой полученный опыт от председательствования не взвешивал, но по прикидкам это был не один грамм, а гораздо больше.

Теперь о том, что привело меня к опрометчивому решению. В летний тихий вечер на даче ко мне пришли ходоки с уговорами дать согласие на избрание председателем нашего товарищества. По каким параметрам выбрали меня жертвой, не знаю. Взгляд на себя со стороны – ни украсть, ни покараулить.

Они красиво и убедительно начали разговор:

– Видим, вы мужчина хозяйственный.

Сказанное было брошено на благодатную почву.

Жена, стоявшая у меня в это время за спиной, так не считала. И так не считала регулярно. Нет бы ей тогда сказать, опровергнуть их: «Не хозяйственный он у меня!» Напротив, она начала с ними диалог:

– А что с нынешним председателем?

– Написал заявление о сложении полномочий, – сообщили ходоки и сразу поставили меня в статус

«спасителя». – А то придёт какой-нибудь прохвост и всё загубит. Участков почти полтысячи – хозяйство немалое.

Далее они перешли к изложению, что я буду иметь в случае избрания. Диалог завершала супруга:

– Мы подумаем.

За всё время общения я не смог вставить ни одного слова.

Только за ходами я закрыл калитку и ещё не успел открыть рот, как жена огласила вердикт:

– Вова, двадцать тысяч на дороге не валяются!

Что тут возразить. Действительно, не валяются.

Правда, двадцать тысяч в дальнейшем превратятся в пятнадцать.

*Жизнь – игра, в которой каждый думает,
что именно он – козырный туз.
Илья Родионов*

Как только я подал заявление на участие в выборах на должность председателя, так сразу появились у меня группы поддержки. «Мы за тебя. Ни под кого не прогибайся», – подходили неравнодушные за судьбу общества садоводы.

Особенно активной жизненной позицией отличалась семейная парочка Пугачёвых. Они были специалистами во всём. В зависимости от ситуации объявляли себя юристами, специалистами в бухгалтерском деле, в электричестве, в строительстве и прочих отраслях народного хозяйства. «Держись за нас, не пропадёшь...» – при личной встрече шептал, как заговорщик с опытом, глава семейства. Его вторая половина в подтверждение сказанного, стоя поодаль, кивала многозначительно головой.

Мне бы задуматься: за чем им всё это надо? Но

на тот момент я искренне поверил в себя. Мол, выгляжу авторитетно, хожу по участку в новых галошах, шляпа-федора на голове, доставшаяся от отца, рубашка и штаны не рваные. Если честно, то стал заложником своей наивности.

А мотив их активности всплыл позже, когда я уже стал председателем и мне на глаза попало письмо из прокуратуры. Пугачёва незаконно, обманным путём была избрана на общем собрании членом ревизионной комиссии. Она не являлась собственником дачного участка, собственником был супруг, и это противоречило законодательству. Если бы только на этом ограничились нарушения. Далее она провозгласила лозунг Наполеона: «Моё слово – закон, закон – это я».

Принимая участие в проверках, Пугачёва постоянно превышала свои полномочия, сделав из ревизионной комиссии не только орган контролирующей, а ещё орган, правящий и принимающий все решения вместо членов правления товарищества. Самого председателя задвинули на вторые роли, все его действия ставили под сомнение. На такую её прыть подалась председатель ревизионной комиссии и другие её члены. Они захватили, пусть и маленькую, власть, но были опьянены ею, как властью мирового масштаба.

Предыдущий председатель не закрыл глаза на процедуру избрания Пугачёвой членом ревизионной комиссии и обратился за разъяснениями в прокуратуру.

Чета Пугачёвых вместе с председателем ревизионной комиссии проигнорировали письмо из прокуратуры, объявив: «Решение общего собрания котируется выше выводов из прокуратуры, так как общее собрание – это народ, а прокуратура – это его слуги».

Бывший председатель не согласился с таким лозунгом. Поэтому, выражаясь современным языком, они объявили ему санкции. Объединили вокруг себя людей, не способных испытывать положительные эмоции. Определились с врагом – это председатель. При отсутствии неприятеля судьба таких сообществ – пауки в банке. А пока общий враг есть, они друг друга не трогают.

Эта банда, по-другому не могу назвать, стала выносить мозг моему предшественнику по поводу и без повода. Тот рассудил, что мозг у него один и, если хочешь быть счастливым – общайся со счастливыми людьми, если хочешь быть говнюком – общайся с говнюками. Подумал, да и сложил полномочия.

Промежуточной цели Пугачёвы достигли. Теперь им надо было убедить нового председателя, то есть меня: всё, что говорят они, – истина. Им так хотелось быть участниками процесса и при этом ни за что не отвечать. Вот это «ни за что не отвечать» всплыло позднее.

Когда я понял, что должность председателя неденежная и неблагодарная и ещё к этому времени окончательно испортил отношения с Пугачёвыми, предложил главе семейства:

– Вы с супругой активные и знающие люди, берите бразды правления в свои руки. Вы – председатель, жена – бухгалтер.

– Мы что, дураки! – получил я в ответ.

«Тогда кто я?» – возник у меня вопрос. Поразмыслил, появились другие соображения: «А кто они?»

Правда, я так и не сообразил, кому так хочется, чтобы Пугачёва была членом ревизионной комиссии: ей или её супругу? Тогда почему бы ему не переписать, не полностью и не половину, а хотя бы одну

сотую часть участка на неё? И вопрос о законности был бы снят.

Свои предположения по этому вопросу письменно излагать не буду, боюсь, затаскают по судам.

Вот такое тяжёлое наследие досталось мне от предшественника.

Когда Пугачёвы поняли, что я не парус для их сквозняка в голове, они объявили меня врагом, и мне пришлось два года сражаться с ветряными мельницами, воздвигаемыми моими оппонентами.

Всё тот же знакомый психолог прокомментировал эту ситуацию: «Тебе встретились так называемые «контрол-фрики». Они считают себя всемогущими, компетентными во всём, поэтому должны всё контролировать и во всём косвенно участвовать, но в то же время не нести никакой ответственности. Такой человек не может себе признаться, что что-то от него не зависит. Ведь в этом случае он должен попроситься со своей выдуманной уникальностью».

*Тех, кто желает и сам иметь много хлопот
и другим доставлять их, я поставил бы
в разряд годных к власти.*

Сократ

Кроме меня на должность председателя подали заявления ещё два кандидата. Женщина и мужчина. Пенсионеры. Но ещё сохранившие бодрость духа. Она – среднее между амазонкой и продавщицей сельмага.

Почему у меня возникли данные ассоциации? Поясняю. Яркий макияж, резкие движения. Дама не субличного сложения. Ей бы в руки копьё, тут же кого-нибудь проткнула. Примерно так изображают художники воинствующих амазонок. Громкий го-

лос, переходящий в хамство. Это уже типаж работника торговли советских времён, обыгранный сатириками того же периода.

При агитации за себя она на задаваемый вопрос: «Ваша предвыборная программа?» – сначала отвечала: «Меня и так все знают». После этого дачники уже интересовались: «А вы всё-таки кто?»

Стала использовать тезисы, подсмотренные ею из моих распечатанных листовок, без зазрения совести, как свои, не расшифровывая их: «Законность и прозрачность». Какой смысл она вкладывала в эти понятия, мне не известно.

В моей интерпретации: законность – это неотключение электричества и необрезание водопровода у должников, а подача на них исков в суд. За два года моего председательствования должников в СНТ почти не осталось. Кроме долгов, нерадивые садоводы ещё оплатили судебные издержки и пеню.

Создание чатов по улицам с помощью известного мессенджера – это прозрачность. И эту опцию я запустил, как и обещал. Садоводам своевременно сбрасывалась информация обо всех проводимых работах в обществе. Правда, в обратном направлении одно и то же, как испорченная пластинка: «Председатель – жулик, всё делает не так».

В дальнейшем я классифицировал пишущую братию на скандалистов, то есть на «наркоманов гнева», которым нужна регулярная подпитка злостью, и должников. Должники узнаваемы по фразе: «Мы за это платим деньги!» Когда их разоблачали, что вот как раз они и не платят, тогда они становились продвинутыми математиками. По их расчётам средств должно хватать и без их денежных вливаний.

Критиков было раз-два и обчёлся, но их активности позавидовали бы даже кролики. Принцип

пишущих – всё валить в одну кучу, эмоционально, не контролируя себя. Где такое возможно? На работе? Сразу выгонят. Прийти в органы власти и открыть рот? Моментально заберут и надолго лишат дара речи. Такое возможно безнаказанно только в СНТ.

В один из вечеров в общем чате двое – он и она начали с критики председателя, какое-то время активно меня чихвостили, потом ближе к полуночи что-то искрануло между ними, и закончили они свой диалог договорённостью о личной встрече тотчас. Их не волновало, что переписка была доступна для общего чтения. Вот где реалити-шоу снимать надо! Рейтинговые получились бы передачи. Для вздыхателей по «клубничке» – переписка в общем чате. Для любителей скандалов и мордобоя – общее собрание садоводов.

Теперь о конкуренте мужчине. Он – бывший административный работник, не успевший до конца реализовать свой большущий потенциал. Я случайно услышал реакцию дачников на его кандидатуру: «Чур, только не он!» «Чур, только не он» вышел на выборы, как и амазонка, без программы, но с аргументом: «Я был вторым человеком». Где это было? Кто был первым? Я так и не понял из его пламенной речи.

Амазонка после проигрыша немного повозмущалась, объяснив свой проигрыш гендерным неравенством, и успокоилась. Бывший администратор пылил долго. Звонил мне на сотовый телефон.

– Это председатель? – начало всех его разговоров со мной.

– Да, – подтверждал я.

– Над моим участком висят провода под напряжением.

– Когда вчера вечером вы ложились спать, их там не было?

– Они уже двадцать пять лет висят! – явно с раздражением отвечал он.

– Что вы хотите от меня?

– Чтобы ты их убрал!

Далее шло долгое выяснение обстоятельств. Как в истории с курицей и яйцом, что первоначально появилось: курица или яйцо, так и с проводами, и дачей бывшего административного работника. И самое непонятное в этой ситуации, если всё-таки решаться на перенос столбов с проводами: то куда? Ответ я не получил от своего оппонента. Только услышал:

– Это твои проблемы!

Следующий разговор с ним после установки на въезде в общество автоматического шлагбаума, открывающегося по звонку с телефона.

– Это председатель?

– С большой вероятностью да.

– Ты когда настоящим делом займёшься? Всё в бирюльки играешь!

– Что случилось?

– Ты шлагбаум установил!

– Да, установил. Что в этом плохого?

– Как им пользоваться?!

– Набираете номер телефона, который написан на шлагбауме, если телефон в базе данных, шлагбаум откроется. Звонок бесплатный.

– А если я телефон дома забуду?

– Тут как в песне: «По утрам, надев трусы, не забудьте про часы». В нашем случае телефон.

– Ты бы не острил, а лучше ливневую канализацию сделал на улицах.

– Это утопия. Её в городе толком нет. Это большие деньги.

– Это твои проблемы! – очередную выдуманную причуду навесил на меня бывший второй человек во Вселенной. В конце добавил: – А шлагбаум я разнесу вдребезги!

Следующий звонок. Опять ни здрастье, ни до свидания.

– Это председатель?

– Нет. Это его секретарь.

– Где председатель?!

Товарищ абсолютно не понимал, что его троллят.

– Он сейчас занят. Что ему передать?

– Прыщ какой-то, а всё туда же!

Дальше общаться было бессмысленно. Тот же друг-психолог после моего рассказа резюмировал: «У индивида нарушение психической деятельности. По любому поводу наступает декомпенсация, то есть организм не может адаптироваться к изменению внешней среды. На этом фоне он требует к себе повышенного внимания. В дальнейшем болезнь будет только прогрессировать».

Я заблокировал его номер.

Все люди, посланные нам – это наше отражение, и посланы они для того, чтобы мы, смотря на этих людей, исправляли свои ошибки, и когда мы их исправляем, эти люди либо тоже меняются, либо уходят из нашей жизни.

Борис Пастернак

Через несколько дней после вступления в должность ночью меня разбудил звонок телефона.

– Вы наш председатель? – задал вопрос женский голос, на фоне других слышавшихся в телефоне мужских и женских голосов. Мадам, судя по интонации, была подшофе.

– Да, – подтвердил я.

– У нас нет электричества.

Спросонья начинаю соображать. Ночь. Частый стук капель дождя по крыше и раскаты грома. Благодаря вспышке света от молнии за окном разглядел время на настенных часах. Второй час ночи. Завтра, то есть уже сегодня – понедельник. Мне рано утром вставать на основную работу.

– Что вы от меня хотите? – задаю встречный вопрос.

– Вы слышите? У нас нет электричества.

Хотелось по-модному ответить: «Я вас услышал». И отключить телефон. Но я – консерватор, тяжело даются мне модные фишки.

– Гроза закончится, и утром будет электричество, – ответил я.

– У меня маленький ребёнок, он боится спать без света.

– Может, вы хотели сказать: засыпать.

– Пусть засыпать, – соглашается дама.

– А вас не смущает, что второй час ночи и ваш маленький ребёнок ещё не спит? Вы неблагополучная семья? – задав такие вопросы, тем самым перевёл наше общение в другую плоскость.

– Вам какое до этого дело? – сменила дама самодовольный тон.

– Могу просигнализировать в органы опеки. А там – как знать. Могут и родительских прав вас лишить.

Отключил телефон и после этого ещё долго не мог уснуть. Утром свет был.

Другой случай. Время ближе к полудню. Звонок.

– Что за безобразие! Днём отдохнуть нельзя. Наш участок крайний, рядом с деревней. У селян в хлеву постоянно корова мычит.

– Я обязательно попытаюсь решить вашу проблему, – ответил я.

У меня сразу возникла мысль, как будто я попал в психиатрическую лечебницу. Что я могу решить? С коровой поговорить? Чтобы она вошла в положение отдыхающих дачников и больше никогда не мычала? Или поговорить с хозяевами коровы? А что я им предъявлю? Что они нарушили вместе со своей коровой? Ничего! Деревня и существует, чтобы там держали коров! Как это объяснить дачнице?!

Пока не был председателем, считал жизнь в нашем садоводческом обществе тихой, размеренной и даже однообразной. Оказалось, много чего я не знал. Не знал, что у нас есть настоящие революционеры, а именно последователи идеологии анархо-коммунизма.

Я их поделил на две группы: подпольщики и кто уже вышел из тени и открыто ведёт борьбу. Борьбу «за новую справедливость».

Подпольщики не озвучивают идеи всенародно. Они тихо гнут свою линию, подворовывая электроэнергию разными хитростями: «жучок», «левый ноль» и другим тысяча и одним способом.

Борцы, не стесняясь, в открытую борются «за новую справедливость», взяв на вооружение лозунг несунув времён бывшей политической формации: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё».

Один из таких садоводов перегородил дорогу между участками, ведущую к реке, поставив на месте прохода ворота, и тем самым прихватил кусок общественной земли в своё пользование, несмотря на возмущение соседей. Аргумент привёл своим действиям: мол, кто попало тут ходит. Под «кто попало», по его рассуждениям, попали все дачники, кроме него и его жены.

С его слов, так как он – не радикал, может пойти навстречу обществу. Пусть только председатель, то

есть я, даст ему бумагу, что дорога, ведущая к реке, является его собственностью. Он даже согласен за эту землю платить налоги.

Всё это товарищ говорил с таким видом, что я должен был в конце его речи или расплакаться от умиления, или подпрыгнуть от радости.

Я ему объяснил, что, если я и дам такую бумагу, она будет противозаконной.

Мои доводы его не убедили.

Пожалуй, он никогда не изменит своих взглядов и не станет эгалитаристом.

Другой борец за справедливость на платформе анархо-коммунизма пригнал экскаватор. На дороге общего пользования возле своего дома выкопал колодец для канализации и красочно его огородил в стиле поп-арт. Теперь все нечистоты с его дома стекают в эту яму, и всем машинам, следующим по дороге мимо его дачи, приходится щемиться к забору соседа напротив, объезжая шедевр.

Хозяин канализации производил впечатление братка из девяностых. Угрюмая личность высокого роста в пластиковой бейсболке на голове. «Нагну тут всех», «Строить вас надо», «На счётчик поставлю» – выражения, регулярно проскальзывающие в его речи при общении с соседями, представляющими в основном «очкастую интеллигенцию».

«Очкастая интеллигенция» между собой по-другому, как «людоед», его не называет. «Людоед», по слухам, когда-то был долларовым миллионером. С потерей статуса состоятельного человека пропал у него интерес к загородной жизни. Который год пытается продать свой дачный участок с трёхэтажным домом очень дорого. Дураков, конечно, много вокруг, кому-то из них даже нужна дача, но дураки с большими деньгами ему не попадают.

Теперь у него фишка – повесить ликвидность своего актива. Подвести газ, и тогда дача уйдёт влёт. Приходил ко мне, как председателю, по этому вопросу с математическими выкладками, больше похожими на бизнес-план. Его умственные рассуждения напомнили мне выдержку из «Алисы в Стране чудес»: «План, что и говорить, был превосходный. Простой и ясный, лучше не придумать. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение».

Теперь о самом плане. От точки подключения к газовой магистрали до своей дачи он трубу решил тянуть не по дороге, а напрямую через все дачи, аргументируя своё решение: «А кто мне откажет?!» Для подсчёта цены материалов взял цену металлолома самой низкой категории. Данное решение обосновал: «Мы же это всё потом покрасим». И самое интересное, он ещё запланировал получить доход с этого дела. «В дальнейшем все захотят подключиться к моей трубе. Я буду уже давать разрешение на подключение по коммерческой цене» – такими выкладками завершил оглашение своего бизнес-плана.

Мнение психолога всё объясняет: «У этих двух господ явный признак психического отклонения под названием «иллюзия превосходства». Получен он был в детстве. Родители внушали ребёнку, что он самый лучший, и одновременно потакали его капризам. Другая крайность, которая могла сформировать «иллюзию превосходства», – это уже дефицит внимания со стороны родителей. В первом и во втором случае ребёнок болезненно начинает воспринимать критику. Будучи взрослым, он не признаёт своих ошибок, с трудом принимает чужие правила. «Иллюзия превосходства» – крайняя форма эгоизма.

Такой человек уверен, что он избранный, исключительный и самый лучший. Это приводит к недооценке конкурентов, возникают проблемы на работе и в бизнесе».

Как утверждают социологи, только один процент людей на виду. Перенесём этот показатель и на садоводческое товарищество, то есть от общего к частному. Получается, о девяноста девяти процентов дачников я за свои два года председательства так и ничего и не узнал.

Не узнал бы и о поэте, имеющем в нашем обществе участок, если бы на него не поступили жалобы. Две дачницы – одинокие женщины с разницей в один день подали на него заявления. Мол, их сосед – поэт, на дачу приезжает с дамами, и причём каждый раз с разными. Цель приезда – попить вино и поплавать на лодке. «От мастера глаголом жечь сердца людей» жалобщицы требовали скосить траву на своём участке, а вино и дамы – это так, для информации. Психолог прокомментировал: «Вот это – настоящий дачник!»

*Дайте человеку необходимое – и он захочет удобств.
Обеспечьте его удобствами – он будет стремиться
к роскоши. Осыпьте его роскошью – он начнёт взды-
хать по изысканному. Позвольте ему изысканное – он
возжаждет безумств. Одарите его всем, что он
пожелает, – он будет жаловаться, что его обманули
и что он получил не то, что хотел.
Эрнест Хемингуэй*

Основной наказ дачников, когда заступал на должность, – вода, свет, охрана. Вода и свет и до меня были без проблем, подразумевалось, чтобы в дальнейшем хуже не было. Хуже не стало. Лучше стало

с охраной. Организовал второй пост, после этого ни одного случая воровства.

Положительной оценки свершившемуся чуду от дачников не получил. Зато завалили вопросами: «Почему увеличились членские взносы?»

Встречный аргумент: «Разве за год ничего не изменилось? Минимальную заработную плату разве правительство не подняло? Потому и пришлось увеличить оплату труда охране и рабочим на насосной».

Ответ убийственный: «Цены за год не изменились. Охране можно платить меньше минимальной заработной платы. Указы правительства к нам не относятся. Мы – СНТ. У нас власть народа. Как порешим, так и будет».

Если бы только поговорили и на этом бы всё и закончилось. Но нашлась инициативная группа, которая про власть народа, заработную плату меньше минимальной изложила в форме заявления в прокуратуру и в полицию одновременно. Точнее будет: накатала. В полиции мне принесли свои соболезнования по поводу моей должности. Пояснили: «Как заканчивается дачный сезон, так почти на всех председателей садоводческих товариществ заявления в прокуратуру и полицию пишут. Прокуратора заявления отправляет к нам. Председатели меняются, а писатели одни и те же. И даже написанное одно и то же. Меняют только дату».

И в завершении. Разговор по телефону с одной из дачниц.

- Мы с какого бюджета получаем финансы?
- Как с какого? – не понял я суть вопроса.
- С местного, регионального или федерального? – пояснила дачница.
- С членских взносов. Что соберём с дачников, на эти финансы и существуем.

*Никогда не заходи в комнату,
выхода из которой не знаешь.
Китайская мудрость*

При существующих законах об СНТ выскочить из должности председателя очень сложно. Как будто попал в какое-то закрытое сообщество. Надо собрать собрание, на котором должно присутствовать не менее пятидесяти процентов садоводов. Потом за кандидатуру председателя должно проголосовать не менее чем двух третей от присутствующих на собрании. Если два кандидата, то один должен выглядеть намного убедительней второго. А если их больше? Два тура выборов закон не допускает. Не выбрали председателя с первого раза, начинай всё сначала. И так можно бесконечно долго.

Звёзды сошлись – избрали. И это ещё не всё. Потом надо зарегистрироваться у нотариуса, который требует документы, относящиеся не к выборам, а к организации деятельности самого СНТ. Если документация велась при предыдущем председателе плохо, то у нотариуса на законных основаниях зарегистрироваться нет никакой возможности. Сдаётся мне, процедура избрания президента страны легче.

Мне повезло – нового председателя избрали. Через полгода, уже зимой, встретил своего сменщика. Спросил его: «Как дела?» Он ответил: «Работать некогда. Хожу по судам. Всё уже надоело». – «Держись, тебя выбрали всего на два года», – дал ему своё напутствие.

Р. С. Тому, кто винит других, предстоит длинная дорога. Тот, кто винит себя, уже прошёл половину пути. Тот, кто не винит никого, дошёл до конца.

Буддийская мудрость

АЛЛА БАЛАБИНА. ХИРУРГ ОТ БОГА

Так получилось, что писать статью о хирурге Таманском редактор поручил именно ей – Ольге Сергеевне. Сказал:

– Понимаю, медицина – не твой конёк, зато в души человеческие заглядывать лучше тебя у нас пока никто не научился. Уж постарайся – номер-то праздничный!

– Но у меня с понедельника отпуск! – не скрывая досады в голосе, напомнила ему Ольга Сергеевна.

– А я вообще без них живу, как ты знаешь, – парировал редактор. – И ничего.

Ольга Сергеевна, надеясь разжалобить шефа, напомнила, что у неё – семья и планы на отдых. Что уже заказаны билеты на море.

– У меня и семьи нет, ты в курсе, и отдыха. Только этот кабинет и редакция. Войди хоть один раз в моё положение!

Редактор не лукавил: умный, энергичный, не из последнего десятка мужчина, он был холостяком и, кажется, менять в своей судьбе ничего не собирался: газета стала его единственной заботой, детищем, которое он поставил на ноги и теперь уверенно вёл, как шутили за глаза сотрудники, «в необозримое светлое будущее».

Ольга Сергеевна вздохнула, вернулась в кабинет за диктофоном и блокнотом, по пути сочиняя убедительные фразы для мужа, который непременно вскипятится и пошлёт всех во главе с их сумасбродным редактором куда подальше.

– И будет прав, – сама себе договаривала она, за-талкивая в переполненную покупками сумку диктофон.

– «Хирург от Бога»! Вот и писал бы про него сам, раз уже такие эпитеты нашёл для своего Таманского.

А она теперь что, должна на целую неделю от семьи отстать?

В том, что муж и сын полетят без неё на море, она и не сомневалась: у мужа – отгулы две недели, а сыну всё равно, с кем из них из дому вырваться, лишь бы поскорее.

– О Таманском? – выслушав Ольгу Сергеевну, переспросил главврач больницы и, как ей показалось, посмотрел из-под очков сочувственно. Потом спохватился: – Нет-нет, не волнуйтесь, Дмитрий Дмитриевич – человек своенравный, но очень порядочный. Определю вам в помощники Станиславу Игоревну, она, думаю, поможет найти подход к доктору.

Самолюбие Ольги Сергеевны было слегка задето: ещё ни разу она не нуждалась в помощниках, готова о ком-то материал. Похоже, будущий герой очерка действительно крепкий орешек, раз главврач не решается отправить к нему её одну.

В это время вошла улыбчивая, чем-то знакомая медсестра и позвала гостью в свой кабинет. Там Ольгу Сергеевну облачили в белый халат, переобули, попросили убрать волосы под белый колпак и надвинуть его на лоб. Проходя в таком виде мимо зеркала, Ольга Сергеевна, взглянув на себя, сыренизировала: «Родная мама бы не узнала».

– Подождите у ординаторской, – попросила Станислава Игоревна, прежде чем повести туда Ольгу Сергеевну, – я скоро.

«Скоро» выйти назад у спутницы не получилось. «Наверное, не соглашается говорить со мной, – мелькнуло в голове Ольги Сергеевны и, не найдя веских доводов – почему не соглашается, она решила: – Цену себе набивает».

В её практике не было ещё ни единого случая, когда бы человек вот так упорно отказывался от славы. Впрочем, нет, один был, вспомнила Ольга Сергеевна. Тоже хирург, имя которого в памяти не удержалось, потому как та была уже прочно забита деловой информацией, да и появился он так же стремительно, как потом и исчез. Когда это было? Лет семь назад.

Жили они с семьёй в те годы в другом городе, сюда приехали к родственникам мужа, и надо же случиться такому: пошли на озеро, расположились у самой воды под густым деревом. Андрей взялся спиннинг налаживать и вдруг, застонав, осел на песок.

Ольга Сергеевна вызвала скорую, пока мужа везли в больницу, он два раза терял сознание.

Доктор, осмотрев больного в приёмном покое, решил, что у того обычное отравление. Но этого не могло быть! Они не успели ещё позавтракать, да и кратковременные боли беспокоили Андрея за несколько дней до этой поездки, но всё быстро проходило.

Ольга Сергеевна пыталась сказать об этом доктору. Он не отреагировал, уверенный в том, что его диагноз верный.

Андрея перевезли в стационар и через какое-то время ей сообщили, что у мужа аппендицит и ему нужна срочная операция.

Она сидела в коридоре, переживала и считала минуты, надеясь, что операция надолго не затянется: аппендицит, как она слышала, не так уж и страшен, обойдётся, бог даст.

Но время шло, а двери операционной оставались плотно закрытыми.

Потом оттуда спешно вышла, нет – выбежала мед-

сестра, пронеслась мимо Ольги Сергеевны, звоня на ходу кому-то.

До Ольги Сергеевны долетели обрывки фраз, среди которых оказались страшные слова: «...не выживет! Срочно! Машину уже отправили!..»

Время потянулось так медленно, что Ольга Сергеевна сама чуть не лишилась чувств.

Тот, за которым была послана машина, наконец появился. Ольга Сергеевна поняла это, потому что за ним почти бежала та самая медсестра, которая и звонила.

Медсестра была испугана, а вот лица хирурга Ольга Сергеевна не разглядела: маска почти скрыла его. Разве что взгляд удалось ей уловить: спокойный, уверенный, который и её привел в чувство.

«Всё обойдётся теперь, всё обойдётся... – стала повторять она как молитву. – Теперь всё будет хорошо...»

Потом она узнала, что у Андрея оказался перитонит, что он мог погибнуть, если бы...

Ольга Сергеевна попыталась вспомнить имя хирурга, но не смогла.

Медсестра, уже улыбаясь, сказала, что у хирурга – юбилей, что его ждут гости, а с мужем всё в порядке теперь.

Через неделю, когда Андрей пошёл на поправку, Ольга Сергеевна попыталась связаться по телефону с их спасителем, просила встречи.

Её благодарные слова хирург принял, но от встречи отказался, сообщив, что у него отпуск и он уезжает.

«Но я бы хотела написать очерк в вашу газету», – сказала тогда Ольга Сергеевна и услышала резкое: «Простите – нет!»

Наконец, Станислава Игоревна пригласила Ольгу Сергеевну в ординаторскую. Сама устроилась в уголке, рядом с Таманским, а гостье предложила сесть напротив.

Первое, что Ольга Сергеевна увидела, были глаза: живые, выразительные, ироничные. Или ей показалось, что ироничные? С чего бы? Она ещё и полслова не сказала.

Какое-то время все молчали, потом Станислава Игоревна положила начало беседе:

– Вы хотели спросить Дмитрия Дмитриевича о работе отделения, кажется?

Ольга Сергеевна кивнула и взялась настраивать диктофон.

– А на память нынешние корреспонденты что, уже не надеются? – Дмитрий Дмитриевич улыбнулся, его улыбка тоже показалась Ольге Сергеевне ироничной.

Ей стало вовсе неудобно, она успела ещё раз мысленно послать шефу недобрые слова за этот вынужденный визит в больницу и только потом возразить:

– Так сегодня работают все корреспонденты. Есть определённый стандарт, всё должно быть записано...

– Да-да, простите, это я так – поинтересовался, – прервал её Дмитрий Дмитриевич и взялся подробно рассказывать об истории отделения, о том, как трудно нынче выбивать оборудование, но главврачу это удаётся...

Диктофон записывал слова хирурга, а Ольга Сергеевна поглядывала на убывающую плёнку и думала: «Нарочно уводит разговор в сторону или ему о себе особо сказать нечего?»

Из анкеты она уже знала о том, что Таманский –

ведущий хирург, что есть опыт, хотя он – человек ещё в самом расцвете сил, есть награды. За что – не известно, в личных делах подробности не фиксируются. Ну, так разве у него одного такой послужной список? И другие хирурги – не хуже!

Дмитрий Дмитриевич взялся рассказывать о коллегах, когда Ольга Сергеевна всё же спросила:

– А о себе можно?

– Что – о себе? – переспросил хирург, подсадив на то, что его прервали.

– У меня задание – написать очерк о вас, – пояснила Ольга Сергеевна.

Глаза Дмитрия Дмитриевича выдали новую порцию иронии.

– Но тогда вы слишком рано ко мне пришли, – сказал он и посмотрел почему-то не на Ольгу Сергеевну, а на Станиславу Игоревну. – Правда, коллега?

Станислава Игоревна смутилась:

– Опять на своего конька сели, Дмитрий Дмитриевич, поговорите с корреспондентом серьёзно, пожалуйста!

– Вам ли не знать, как я этого не люблю. – Дмитрий Дмитриевич взглянул на часы и поднялся, давая понять, что беседа окончена и ему пора готовиться к очередной операции.

– А корреспонденту разрешили присутствовать, – сообщила Станислава Игоревна, уверенная, что хирург скажет своё «нет!».

Он не сказал, вышел торопливо, и они остались в ординаторской одни.

– Почему я пришла рано? – спросила Ольга Сергеевна.

Станислава Игоревна засмеялась:

– Дмитрий Дмитриевич у нас шутник еще тот! Рано, потому что он ещё живой.

– И что?

– Так человека взахлёб хвалят, сами знаете когда.
– Станислава Игоревна не решилась продолжить эту тему, только добавила: – О себе рассказать зря его попросили. Вот вы бы сумели на такую просьбу отозваться?

– Пожалуй, нет. Но как мне теперь быть? – растерялась Ольга Сергеевна. – Статью писать надо срочно.

Станислава Игоревна только плечами пожала, жестом приглашая Ольгу Сергеевну пройти за собой.

Сунув диктофон в карман халата, та поднялась, про себя думая: «Вот тебе и – помощник. Зря главврач понадеялся на неё».

И вот она – в операционной.

Дмитрий Дмитриевич шутит, обращаясь к Станиславе Игоревне:

– Нашатырь наготове?

Та кивает, поглядывая на Ольгу Сергеевну:

– Может, не понадобится?

– Не уверен, – уже ни на кого не глядя, бросает хирург.

Операция начинается.

Из того, что нашептала Ольге Сергеевна на ухо её «помощница», та поняла, что пациент – совсем юноша, колхозник, который, оступившись, неудачно упал со ступеньки комбайна на какой-то штырь.

Когда этот штырь извлекали, Ольге Сергеевне захотелось отвернуться. Остановливая мысль – опять хирург не упустит случая пошутить над ней.

И она продолжала смотреть, хотя, как ей каза-

лось, ничего особенного не происходило: в фильмах про врачей и не то показывают.

Правда, там Ольга Сергеевна страшные моменты пропускала, не боясь, что её назовут трусихой.

Диктофон оставался в кармане, включать его не было смысла – работали молча. Только один раз Дмитрий Дмитриевич сердито произнёс слово, никак с операцией не вязавшееся: «Собачка!»

Ольга Сергеевна в недоумении посмотрела на Станиславу Игоревну. Та пояснила:

– Если бы не женский персонал, было бы другое слово. Значит, кто-то оплошал, а он не смог стерпеть.

Ольга Сергеевна усмехнулась про себя: всякую замену крепким выражениям слышала, но такое – впервые.

Операция шла к завершению, и Ольга Сергеевна, уверенная, что с парнем будет теперь всё хорошо, стала оценивать факты, добытые за время общения с Таманским.

Самым весомым было то, что вершилось на её глазах. Конечно, она постарается преподнести всё как можно ярче. Добавит своих эмоций, чтобы читатель поверил: этот хирург – лучший.

Однако через некоторое время она засомневалась, что доказательств избранности героя будущего очерка достаточно, а ещё позже вовсе расстроилась: чтобы легко и интересно писалась статья, она обычно набирала материала, как говорится, за глаза.

Правда, потом хватало малого, зато самого необходимого. А остаточный материал – играл на фон, на тональность даже проходной статьи.

Тут же требовалась особая – ко Дню медика, дата которого совпала с юбилеем их газеты.

– Ольга Сергеевна, – отвлекла её от раздумий Ста-

нислава Игоревна, – нам можно уходить. Теперь больного повезут в реанимацию.

Ольга Сергеевна согласно кивнула и направилась к выходу. Остановилась на пороге, оглянувшись назад, встретилась взглядом с хирургом, улыбнулась ему натянуто.

Тот помахал ей рукой ещё не в снятой перчатке. И они расстались.

На завтра была обговорена встреча с коллегами Таманского, с больными, которых он недавно оперировал.

Все отзывы были для Ольги Сергеевны предсказуемы, она заранее знала, что станут они походить один на другой.

А изюминка? Та самая, которая должна стать основой статьи?

Времени на её поиски нет, срок сдачи материала короткий, да и Андрей с сыном её ждут на море.

– И всё-таки вы чем-то озадачены, – шагая рядом по коридору и всматриваясь в лицо гостыи из газеты, спросила Станислава Игоревна.

– Да, – созналась Ольга Сергеевна, боясь, что её не поймут, если она станет раскрывать все журналистские секреты.

Станислава Игоревна не только поняла, но уже и сама готова была отдать в распоряжение корреспондента главный козырь, припасённый, как она сказала, «напоследок»: случай с женщиной, которой Таманский вернул кисть руки.

– Как? – не сразу поняла Ольга Сергеевна, веря и не веря в услышанное.

– Вы же наблюдали сегодня мастерство Дмитрия Дмитриевича? Операция была очень сложная, мало кто другой бы справился. – Станислава Игоревна

оглянулась, боясь, что её может услышать хирург. Но тот ещё задерживался, и она продолжила: – Конечно, вы – не медик, вам показалось, что ситуация обычная: извлекли, зашили. А знаете, сколько опасений было? Там целых сосудов почти не осталось! – Станислава Игоревна приостановилась, доставая из кармана бумажку. – Вот адрес той самой женщины. Это недалеко. Встретитесь, поговорите, поверите. Она у нас на учёте года три стояла. Теперь совсем успокоились. Прямо сегодня и сходите, – уже во дворе больницы посоветовала Станислав Игоревна.

Всё оказалось правдой. Наталья Андреевна рассказала, как с ней такая беда случилось.

– Я была на работе, готовила бетономешалку, в это время напарница нечаянно включила агрегат. Правая кисть повисла на волоске. Пока приехала скорая, пока оказывали первую помощь, прошло много времени, но для меня оно остановилось, я ничего, кроме боли, не помнила. Хотя нет – билась в голове ещё одна мысль: как остаться без руки? Что будет теперь с детьми, у которых я одна кормилица? – Женщина посмотрела на двери соседней комнаты: там, у телевизора, сидели её ребята, они смеялись чему-то, и женщина тоже улыбнулась и продолжила рассказ: – Знаете, сколько времени шла операция? Восемь часов! Когда очнулась после реанимации, Дмитрий Дмитриевич сказал: «Всё хорошо, будешь жить, а за руку придётся повоевать!» Мы воевали полтора года, и, когда я начала работать кистью, когда пришли в движение пальцы, надо было видеть лицо моего спасителя! Я вот не так давно была у родственников в Новосибирске, они показали меня профессору, «светиле медицины», как они его назвали. Тот посмотрел выписку

из больницы, поудивлялся, что в провинциальном городе – и такое возможно, назвал хирурга талантлищем, а меня – счастливой, что к такому попала. «Видать, Таманский ваш – хирург от Бога, не иначе! Надо его в наш центр забрать».

– Не забрали почему-то, – проговорила Ольга Сергеевна.

– Не согласился, – поторопилась с ответом Наталья Андреевна. – Ему и писали, и «сватать» приезжали. Нет, не поехал. Характер у Дмитрия Дмитриевича особый. Такой бы – каждому мужику!

Женщина была в халате, Ольга Сергеевна пробовала разглядеть на руке шрамы, но они, если и были, скрывались под рукавом.

Наталья Андреевна не стала мучить гостью: прощаясь, протянула для пожатия руку, и Ольга Сергеевна почувствовала её силу.

– Та самая? – спросила, не утерпев.

– Та, – снова улыбнулась хозяйка квартиры и приподняла рукав.

Уже побелевший шрам шёл поперёк кисти, и, если бы Ольга Сергеевна не знала, что он обязательно должен быть, при простой встрече с этой женщиной не обратила бы на него внимания.

Историю Натальи Андреевны дополнили в больнице, когда туда вернулась Ольга Сергеевна. А вернулась она потому, что забыла в кармане халата диктофон. О нём она вспомнила, только оказавшись на остановке: записывать слова Натальи Андреевны было не к чему – каждое осело в памяти прочно и навсегда.

Вернулась и столкнулась со Станиславой Игоревной.

– Так мы же на завтра договорились! – удивилась та.

– Я – за диктофоном, – пояснила Ольга Сергеевна.
– Вечером надо сделать расшифровку. А у Натальи Андреевны я уже побывала.

– И как она сегодня? – живо поинтересовалась Станислава Игоревна.

– Отлично! – сказала Ольга Сергеевна.

– А знаете, сколько было споров в тот день, когда она поступила к нам, – присаживаясь на стул, сообщила Станислава Игоревна. – Дмитрию Дмитриевичу чуть ли не запретили делать операцию.

– Почему? – Ольга Сергеевна приготовилась выслушать дополнения к истории Натальи Андреевны.

– Так с доставкой с места происшествия в больницу затянули, отправлять в край было поздно: можно было потерять не только руку, но и пациентку, – охотно стала рассказывать Станислава Игоревна. – И Дмитрий Дмитриевич пошёл на рискованный шаг: он оперировал, пытаясь сделать всё возможное, чтобы сохранить руку. Хотя другой хирург возражал. Где-то он был прав, когда настаивал на том, что больную срочно надо отправлять в край, к нейрохирургам. Дмитрий Дмитриевич объяснил коротко: «Не дотянет». До трёх часов ночи все были в операционной. И все только ассистировали Таманскому.

Ольга Сергеевна отметила, что по фамилии Станислава Игоревна назвала хирурга, кажется, впервые – настолько огромным было её уважение к Дмитрию Дмитриевичу.

– А если бы не получилось? Что тогда? – Ольга Сергеевна пытливо взглянула на собеседницу.

– Тогда Дмитрия Дмитриевича сняли бы с должности заведующего отделением и уволили бы с работы.

– Уволили бы? Почему?

– А он не имел права проводить такую операцию в нашей больнице. До суда дело бы дошло.

– Хорошо, что не дошло! – искренне порадовалась Ольга Сергеевна. Потом посмотрела в окно: там уже надвигалась ночь.

– Мне пора, до завтра, – сказала она Станиславе Игоревне.

– До завтра. Только завтра Дмитрия Дмитриевича не будет. Да хотя бы и был, вы от него мало чего услышали.

Они спускались по этажу, когда Станислава Игоревна сказала:

– А он ведь вас узнал. Он вашего мужа оперировал несколько лет назад. Память у нашего хирурга отличная – каждого больного помнит.

Ольга Сергеевна резко остановилась:

– Это правда?

– Конечно, – медленно шагая вниз, проговорила Станислава Игоревна. – Вы-то, вижу, запомнили – столько времени прошло. Да и уехал Дмитрий Дмитриевич тогда сразу. А домой к нему меня срочно на машине отправляли. Так вот.

Стоит ли убеждать моего читателя, что очерк о хирурге от Бога был в праздничном номере самым ярким и что Ольге Сергеевне объявили за него благодарность в редакции?

А когда она прилетела на море, муж, выслушав её горячий монолог, не высказал заготовленный упрёк, а, приобняв, повёл на берег, откуда махал им рукой сильно загорелый сын, радуясь, что видит родителей в мире и согласии!

ИГОРЬ БОРОДАЕВ. АМО

Пашка с удовольствием жмурился от чистого искристого снега. Настроение молодого шофёра приподнялось до весёлости, волнение ушло на первом километре дороги. Первый самостоятельный рейс!

Хотелось петь. Тянуть «Песенку фронтového шофёра» ему никто не мешал, но петь Пашка не умел. Слова знал, но заорал так, без слов, залялякал по-глупому. Ведь глупости его никто не видит, и не узнает никто о Пашкином легкомыслии на этой заснеженной безлюдной дороге.

Дорога была знакома водителю-перволетку до последней колдобины. Не раз он проезжал её ещё до войны, с отцом. Отец брал молодого Пашку с собой в рейс на этой же безотказной АМО, знакомил сына с родными местами, с романтикой дальних дорог.

Не удалось Пашке повоевать, возраст не вышел. Промастерил с малых лет всю войну в гараже, куда его приняли без вопросов, как сына отличного шофёра.

Не взяли на войну недоростка, но Пашка знал, что ему ещё представится случай отомстить за отца, не пришедшего с войны.

Вот только пройдёт уборочная, меньше года осталось, и призовут молодого парня в армию. Вот тогда держитесь, буржуи! По всей строгости ответят империалисты за погибшего отца!

Жажда мести прошла у Пашки только много лет спустя, сменилась благодарностями к судьбе, что посчастливилось ему не искалечить никого на длинной шофёрской дороге, протянувшейся через жизнь.

Машина легко влетала на взгорки, безотказно заводилась после наката, когда Пашка экономил на холостом ходу бензин.

Досконально изучивший матчасть под строгим надзором механика Михалыча, он сам восстанавливал свою машину, подчистую списанную с фронтальных дорог по многочисленным ранениям. Лелеял её, протягивал каждую гаечку, смазывал, подкрашивал. И вот, наконец, получил – первую свою «любовницу», обласканную и заведённую. Выехал с ней в «свадебное путешествие», в первую свою дальнюю дорогу.

Эх! Видела бы его сейчас Наташка! Или Иришка... Пашка не решил ещё, кто ему больше нравится. Обе знакомые девушки откликались на его неумелые ухаживания, хихикали над его глупыми шуточками. Обе с русыми косичками в разные стороны. Глубокие глаза с голубыми искринками. Обе – из одной деревни родом, одинаковые. Как тут выбрать?

Мороз смягчился до тридцатиградусного, весело пощипывал пальцы на руле. Да какие озорные морозы способны напугать молодого сибиряка?! Пашку грела весёлая дорога, любимая машина, ватник, выданный заботливым завхозом. Грел пуховый платок, подаренный матерью.

Пашка прятал тот платок от товарищей и поддевал его только в крайних случаях. Злые языки шоферов и механиков легко засмеют за женский гардероб в шофёрской экипировке. Юмористы ещё те! От них просто так не отделаться.

Километры алтайских просторов скоро пронеслись под резвой машиной, и Пашка свернул на приметный извороток, ведущий в Ложкино. Пути осталось всего ничего.

Вдруг впереди мелькнуло тенью какое-то четырёхное. Пашка и разглядеть-то толком не успел, кто это

был: то ли волчонок какой рисковый, то ли лиса.

Пашка вильнул рулём, пытаясь спасти из-под колёс животину неразумную. Машина вылетела из наезженной колеи, подпрыгнула, взбрыкнула, завияла, лишённая выверенного пути, и завалилась набок.

Пашка вцепился в руль, вдавился в сиденье и упёрся в педали, отжав их до предела. Повис боком в перевернутой кабине. Машина взревела натужено, раскручивая колёсами пустой морозный воздух, и заглохла.

Несостоявшийся шофёр выбрался из кабины, забегал вокруг машины, оценивая ущерб, нанесённый неумелыми действиями. Кабина упала на ледяную глыбу, пассажирская фанерная дверца была вдребезги разбита. Вылетело лобовое. Капот повис над снежным валом, заливая белизну ржавой водой из радиатора. Мотор, должно быть, не был повреждён. Кузов мягко приземлился в сугроб, и от него отлетела только одна верхняя доска с нарощенного борта.

Пашка в пылу схватился за заднее колесо, повисшее в воздухе, и попытался поставить свою АМО на место. Сам провалился в сугроб почти по пояс.

– Что я тут сделаю? Эти две тонны и Поддубному от земли не поднять, – укорил себя вслух за неумение соображать.

Удручённый, он присел на мешок, один из разбросанных по всему зимнику, задумался над своей горькой участью. Хорошо ещё, что груз ему доверили небьющийся, валенки да тулупы, – помощь города замерзающей деревне.

«Что будет, что будет, – гадал Пашка о своём незавидном будущем. – В то время, когда страна из руин поднимается, когда для изголодавшегося народа ценен каждый колосок выращенной пшеницы, я

умудрился разбить целую машину – залог будущего Родины, разграбленной фашистами. Нет мне прощения! Преступник я! Теперь точно в тюрьму сяду. Наверное, расстреляют за порчу народного имущества. Вот и кончилась моя счастливая жизнь, едва начавшись... И о чём я сейчас думаю?! – тут же укорил себя Пашка за упаднические мысли. – Я же комсомолец! Мои ровесники без страха на смерть шли ради того, чтобы я жил да страну из руин поднимал! Я же тюрьмы убоялся! Надо до села, к людям, сознаться честно. Виновен, мол!.. Проехал я больше тридцати километров – это факт. Значит, до Ложкино всего ничего-то и осталось. Надо идти».

Пашка приподнялся и почувствовал резь на мочках ушей. В горячке он и не заметил, что бегаёт по тридцатиградусному морозу без шапки, которая слетела во время аварии.

Он заглянул через ветровой проём в кабину, нащупал ушанку и натянул её на обмороженные уши. Согрелся, вздохнул обречённо и затопал по дороге с мыслями о своей горькой участи.

Деревня показалась скоро, сразу за дорожным изгибом, и Пашка ускорил шаг. Он чуть не пропустил нужную ему МТС, которая спряталась за леском и высокими придорожными сугробами. Свернул на еле приметную дорогу, очерченную припорошенными следами от гусениц, и вскоре уверился в верности своего пути по одиноко стоящим воротам без забора, на арке которых арматурой была выплетена надпись: «Районная МТС».

Пашка прошёл в гараж и в тусклом свете одиноко горящего светильника различил знакомого железного коня – гусеничный трактор СТЗ, который горделиво стоял посреди обширной площадки, загромождённой станками и железом.

– Здравствуйте! Есть здесь кто? – громко заявил Пашка о своём присутствии.

– Здорово, коль не шутишь, – вылез из-под открытого капота пожилой мужчина строгой наружности. – У нас принято шапку снимать, когда в помещениеходишь.

Пашка смял шапку в руках.

– Помощь мне нужна, – осмелился сознаться горемыка. – Полуторку перевернул, недалеко, за поворотом уже.

Мужик пристально всмотрелся в незнакомца и выдал скупое:

– В каптёрку зайди. Вон та дверь.

Пашка открыл дверь в каптёрку, и оттуда повалили клубы табачного дыма. Он присмотрелся и разглядел в тумане неясные фигуры мужиков, которые сидели за столом и стучали костяшками домино.

– Здорово, мужики! Тут дело такое: трактор нужен. Поможете, а? Моя машина застряла здесь, недалеко.

Из-за стола вылез высокий мужик, пронзил гостя насмешливым цыганским взглядом из-под густых бровей и прошёл навстречу.

– Здоров, здоров, – протянул Пашке руку и усмехнулся с кхмыком: – Ты же только что мимо Порфирьяча прошёл. Не заметил, что ли, тракториста на тракторе?

– Поговорили мы с ним, – смутился Пашка под острым взглядом мужика. – Он меня к вам направил.

– А, ну да, ну да, – задумался мужик. – Правильно. Верно он тебя направил. Тут, видишь, какое дело... Просто так трактор тебе не даст никто, документы надо оформить.

– Так я сейчас, скоро, – засуетился Пашка. – А куда идти за разрешением? Я быстро сбегаю, туда и обратно.

– Сбегает он, – передразнил Пашку мужик. – Ты уши свои видел?

– Уши? – обозлился Пашка на непонятные приколы. – Как я могу свои уши видеть? Да и при чём здесь они? Мне трактор нужен! Срочно! У меня рейс, понимаете?

– Рейс у него. Слышали, мужики? Да у тебя всё ухо белое. Присядь, погрейся, ухо отойдёт, тогда и пойдёшь. Кипяточку выпей. Сам-то кто будешь?

– Павел.

– Лёха, – мужик пожал Пашке руку вторично ради знакомства. – Пашка. Вижу, что Пашка, а не Машка. Я спрашиваю, будешь из чьих?

– Красильниковы мы.

– Красильников... – задумался Лёха. – Ну да, заезжал такой, до войны ещё. Отец твой? Как он там?

– Не вернулся он. Погиб.

Мужики примолкли, зацыкали сигаретками.

– Так я пойду. Где разрешение-то получать? – опять заспешил Пашка.

– Да ты хоть кипяточку отхлебни! – забеспокоился Лёха и протянул горячую кружку. – Вот. Перемерз же весь. Согрейся чуток...

Пашка, обжигаясь, отхлебнул кипятка и вернул кружку.

– Ну вот, пойдём уж, колготной. Провожу. – Вон, видишь три дома особнячком? – вывел Лёха Пашку из гаража. – В середине – контора. Спросишь Зинаиду Петровну. Запомнил: Зинаида Петровна.

Пашка прошёл в указанном направлении и не увидел никакой конторы. Два жилых дома за оградками окружали сельмаг. Ошибся, видать.

Он не огорчился особо от своей несообразительности, в деревне легче всего найти нужного человека, а уж сельмаг работает лучше справочного бюро.

За прилавком незнакомого покупателя встречала приветливая продавщица средних лет – в простеньком платице, без привычной для магазина униформы, в расстёгнутой военной телогрейке не по размеру.

– Здравствуйте, молодой человек. Что желаете? Контора? Нет у нас никакой конторы. У нас-то и правления нет. В бывшем правлении эвакуированных расселили, так они там и живут. Прижились. Председатель собрания на дому проводит. Не до строительства сейчас. Колхоз бы поднять, план по сдаче зерна выполнить.

– Мне Зинаида Петровна нужна, – уточнил Пашка. – Документы на транспортировку машины оформить.

– Зинаида Петровна? – удивилась продавщица. – А кто тебя послал-то к ней? Ах, этот! Лёха! Так, теперь понятно всё. Шофёр, говоришь?

Продавщица выставила на прилавок поллитровочку под сургучом:

– Вот твой документ. С тебя 21 рубль 20 копеек, молодой человек. Нет у нас другой Зинаиды Петровны, кроме меня. А с Лёхой ты бы поменьше общался. Этот баламут тебя до добра не доведёт. А что у тебя, в дороге чего случилось? Застрял? А что везёшь, если не секрет? Валенки? Нам? Вот спасибо!

По дороге к МТС Пашку уже встречал СТЗ, лязгая гусеницами. Из кабины высунулся Порфирьич и зазвал пассажира рукой:

– Ты где шляешься, шаромыжник? Я завёлся давно. Переморозишь машину, потом ходовую менять будешь, все детали порвём, пока дотащим. Наслушался Лёху-баламута! Никогда не верь ему! Ещё тот фрукт.

Опытный тракторист, Порфирийч ловко поддел Пашкину полуторку под угол кузова, и та встала на все четыре колеса, в привычное положение, пристойное машине.

Оба шофёра дружно закидали разбросанные мешки в кузов, и тракторист потащил Пашку к гаражу. Делов-то, когда техника в опытных руках.

Процессию, ведомую СТЗ, встречали всем гаражом. Даже кочегар присоединился, сверкая одними глазами и зубами, мыться в мороз некогда. Дружно затолкали АМО в гараж вместе с Пашкой – погреться. Кочегар прикатил тачку с горячей золой под мотор замёрзшей машины. Угарный газ от дымящейся тачки никого не смутил. Каждый норовил вставить умное слово по поводу аварии. Пашка осмотрел мотор, залил воды в опорожнённый радиатор.

– Ну как, Паха? – поинтересовался Лёха. – Заведёшь, может? Попробуешь?

Пашка пожал плечами и молча полез за кривым стартером. Подкачал бензонасосом, крутанул стартером пару раз в четверть оборота, примериваясь, и дёрнул рукояткой вкруг с усилием. Машина фыркнула, просыпаясь, и заурчала приветливо. Мужики зацыкали в ответ удовлетворённо.

– А ты, Паха, молодец, – похвалил Лёха. – Хорошо машину содержишь. Мотор сам регулировал?

– Ну, как сам? – поскромничал Пашка. – Михалыч помогал.

– Михалыч? – задумался Лёха. – Нет, не знаю.

– Ну, ладно, мужики! – засобирился Пашка. – Мне пора. Спасибо вам большое за всё. А, кстати, чуть не забыл, – достал из кабины и протянул Лёхе бутылку водки. – Мужики, а где мне завхоза отыскать, груз оформить? Подскажете?

– И куда ты собрался, обмороженный такой? – по-

вертел в руке бутылку Лёха. – А ну, ухо покажь. Порозовело. На молодых всё враз заживает. Ты вот что, давай-ка сюда путёвочку свою. Без тебя всё оприходуем. И кабину тебе отремонтировать надо. Как в мороз с открытым ветровиком поедешь? Застынешь весь. Так что отдыхай пока. Грейся.

– Я на своей машине сам всё делаю, – начал было отнекиваться Пашка. – И спешу я. И так из графика выбился. В гараже меня за это не похвалят. Доеду уж как-нибудь потихонечку. Не застыну.

– Ты мне это брось! – остудил Пашкин пыл Лёха. – Доедет он, в ночь-то! Здесь у нас инструмент свой, и кому попало мы его не доверим. Материал тот же – фанера, гвозди. А если испортишь, с кого спрашивать? Так что иди, отдыхай пока. А вообще, раз прыткий такой... Ты как думаешь, на такую толпу бутылочки хватит? Вот! Так что сбегай-ка ты ещё разок к Зинке, она по тебе скучает уже, поди. Деньги остались ещё?

В те времена колхозники денег не видели. Платили им трудовыми, и водка для деревенских мужиков была в диковинку, стояла в сельмагах бедной родственницей другим продуктам, указанным к безналичному расчёту. Деревенские не огорчались особо по этому поводу, они привыкли давно к «нововведениям» сверху. А хороший хозяин на деревне полностью самодостаточен и независим от государства, если государство само не навязывает ему зависимость. Потому «слеза божья» у крестьянина испокон веков была в наличии своя и ничем не хуже заводской. Пшеницу, как-никак, растят, буряк – основу основ.

А вот у Пашки деньги были. Когда он пришёл из магазина, работа по восстановлению его машины уже шла полным ходом: кто-то рихтовал погнутый

каркас, кто-то размечал фанеру под дверь, а кто-то достал оконное дефицитное стекло, и оно лежало на верстаке, поблёскивая радостно, готовое к разметке.

От помощи Пашку отстранили резко. Он прошёл в каптёрку, присел за столом одиноко, заскучал, пригрелся и уснул на сложенных руках.

Разбудил Пашку шум в каптёрке: мужики собирали на стол кто что принёс, весело переговаривались и нисколько не пытались охранить сон спящего – пора просыпаться.

Пашка вышел к своей машине и увидел её сияющей, покрашенной и готовой подмять под себя любые километры. Он открыл пассажирскую дверь, на сиденье лежала подписанная путёвка. Плавно прихлопнул дверь, она закрылась без лишнего шума, будто не было никакой аварии, всё, как до ремонта, не отличить.

– Спасибо, мужики! – сказал Пашка. – Век не забуду! Ну, что же, мне пора. Попрощаемся по-доброму?

– Ты что такой неуёмный, Паха? – подошёл к нему Лёха. – А кто разливать будет? У нас так не принято. Кто виноват, тот и разливает. Прав я, мужики?

Каптёрка зашумела утвердительно.

– Вот скажи-ка, куда ты поедешь на ночь глядя? – успокаивали Пашку за столом. – С одной фарой, заменить вторую у нас нечем. Краска не выветрилась ещё, угоришь за рулём. Нам потом по новой ремонтировать. А оно нам надо? Переночуешь здесь, а поутру со свежей головой – в путь. Прими для сугреву и будь спокоен.

Чему-чему, а выпивке Пашка обучен не был. Он смутно помнил дом Лёхи, его приветливую добрую жену. Дочь, не по возрасту женственную, успевшую

вымахать выше Пашки в свои четырнадцать лет.

Пашка стеснялся её почему-то, отворачивался от режущих девичьих глаз. А она всё хихикала над великовозрастным увальнем, которого отец зачем-то притащил в дом.

Пашка выпался на мягкой перине, молодой организм легко справился с токсичным отравлением за короткий здоровый сон.

Поднялся он первым, бодро, оделся по-тихому, стараясь не разбудить никого, но уйти, не попрощавшись, не получилось.

Лёха вышел ему навстречу:

– Ты, Пашка, не объезжай наши края. Заезжай, если что. Просто так. Поздороваться.

За мужем вышла жена:

– Ты что это гостя выпроваживаешь в рань такую, не поемши?

– Спасибо, поеду я уже.

Лехина жена быстро собрала гостинец Пашке в дорогу:

– Вот, собрала. В пути перекуси. Яички тут, пирожки с картохой. Лучок очищенный, погрызёшь для полезности.

На базе Пашку не корили за задержку и разбитую фару. На зимней дороге всякие сюрпризы встречаются, и если за каждую промашку осуждать, в стране шофёров не останется.

И только механик Михалыч отвёл своего подопечного в сторонку и спросил по-отечески:

– Ты где машину-то перевернул? Кто кабину помогал ремонтировать? Ты, Павел, осторожней будь! Машиной, это тебе не лошадью править.

ЕВГЕНИЙ БРИКМАН. Ещё одна ночь

Что такое работа в розыске? На этот вопрос вряд ли кто из оперов со стажем сможет ответить сразу, вот так – навскидку. Ответы могут быть разными: «Это – интересно», «Это – заразно», «Это – жизнь...». Но последнее, скорее всего, будет наиболее ёмким, верным и – правдивым.

Именно такой вопрос задавал себе Николай Степанович Боровиков. Три месяца на пенсии, двадцать семь лет работы в милиции, из них двадцать – в уголовном розыске. Пятьдесят лет, в общем-то, не такой большой возраст, вот только ночи в последнее время стали длиннее.

Сидит Степаныч на кухне при потушенном свете, курит да в окно на ночной город смотрит. Отличный вид из окна, большая площадь в центре города. Три проспекта пересекаются, и ещё одна небольшая улочка. Редкие прохожие, машины, водители которых самым бессовестным образом нарушают правила движения. А рано утром, с первыми лучами солнца, дворники метлами шуршать начинают.

Да... пенсию назначили по сравнению с токарем или учителем – божескую. Выходное пособие выплатили, и, похоже, что на этом – всё.

На работу устроиться сложно. Можно, конечно, и сторожем в гаражный кооператив. Да только рано ещё гаражи и погреба сторожить.

Собственно, что он умеет? Стрелять, хотя оружие, при всём к нему уважении, – не любит. Умеет водить машину, так жизнь этому научила. В основном – умеет думать. Работать в уголовном розыске и не уметь думать – туши свет, зажигай свечи.

Только вот не эти самые навыки и способности

сейчас нужны там, где хорошо платят. Как посмотрят записи в трудовой книжке, немедленно следует вежливый отказ. Всё верно... честно хороших денег не заработать.

Кому под боком честный опер нужен, пусть и пенсионер? НИ-КО-МУ! Да и не пойдёт на сделку с совестью Степаныч, не станет позориться. Деньги есть, дача, машина, пусть и старенькая, пока жить можно.

Интересно, сколько будет длиться это ПОКА? Это сейчас – дача, рыбалка, грибы-ягоды, а когда зима настанет? У сына внук в школу в этом году пойдёт... одни вопросы.

Чуть слышные шаги в коридоре: жена решила проверить, чем муж занимается.

– Ты чего опять полуночицаешь? – включая свет, спросила Наталья. – Нормальные все уже спят.

– Так то – нормальные, – тихо ответил Степаныч. – Днём выспался, да мысли всякие спать не дают.

– Опять про работу думаешь? Смотри, ум свернёшь окончательно. Всё вроде бы есть, хватает на жизнь, само что-нибудь придумается.

– Так-то оно так, да только делать чего-то надо, само в карман не прыгнет. К жуликам на поклон идти не хочется, а самому дело открывать – деньги большие нужны. Опять же, на поклон в банк, а там пенсионеров не сильно хотят видеть.

– Вот я и говорю, днём думать станешь, а сейчас – спать иди, четыре часа ночи, а ты филина изображаешь.

– Я, наверное, сейчас на рыбалку соберусь да на пару дней уеду. Мужики говорят, что вода спадает, может, что путное получится. Среди недели под Барсуково народу не так много.

– Вот и поезжай, если надумал, может, мужики что толковое подскажут.

У хорошего рыбака сборы недолгие, всё наготове. Осталось только продукты в сумку из холодильника переложить и одежду на себя накинуть. Машина во дворе, идти далеко не придётся.

Через пятнадцать минут, поцеловав на прощание жену, Степаныч вышел из своей квартиры. Приветливо мигнул фонарями автомобиль, снятый с сигнализации.

Открыв крышку багажника, Степаныч уложил в него сумку с припасами, упакованные удилица. Там, на месте рыбалки, он будет пить чай, а сейчас с собой в салон он взял термос с горячим кофе. Вполне может случиться так, что захочется чашечку, вот и будет возможность дрему стряхнуть.

Послышались шаги неспешно идущего человека. К машине подошёл невысокий мужчина с сумкой в руках.

– Доброй ночи вам! – хриловатым голосом поздоровался незнакомец. – Вижу, на рыбалку собрались?

– И тебе, мил человек, всего доброго! – Степаныч окинул незнакомца быстрым оценивающим взглядом. – Не спится что-то, решил съездить проверить.

В голове тревожно закрутились мысли. Где-то он мельком видел это молодого мужичка, и не так давно.

– А не в сторону Павловска поедете? Может, до Михайловки подбросите, так ещё и на бензин зарабатываете?

– К Барсуково собрался, только на нашей стороне, так что садись, у поворота с трассы высажу.

Мужичок обрадованно заулыбался и пошёл к пассажирской двери, а у Степаныча прояснение наступило: Леший! Вот ты какой, вживую-то. И чуть заметная хромота на левую ногу, и если ещё шрамик над левой бровью имеется, так это ты и есть.

Шрамик имелся, его Степаныч разглядел, когда в машину сели, при свете салонного фонаря... тут и сомнения отпали.

Месяца четыре назад, перед самым увольнением, в городе произошли две кражи. Сами по себе кражи – факт привычный, да только эти кражи – необычные, очень много шума наделали. Дача чиновника краевой администрации и квартира известного реставратора подверглись визиту незваных гостей.

Начальство всех уровней топало ногами, метало молнии, грозило и ругалось. Это когда у рядовых жителей крадут – нормальное дело, а когда неприкасаемых коснётся – суета начинается.

Выйти на след помогла одна симпатичная девушка, учащаяся художественного училища. А нашёл её – Степаныч, когда с молодыми операми выезжал на третий за сутки по счёту осмотр места происшествия.

Кража была совершена во время отсутствия хозяев, а они отсутствовали целую неделю. Степаныч тогда по неприметной тропинке вышел на небольшую поляну возле протоки. Сидит девушка, делает набросок будущей картины. Стало интересно, как процесс создания возможного шедевра идёт, разговорились.

Когда девушка узнала, что дядечка из милиции, работает в уголовном розыске, на какое-то время задумалась, а потом решила на откровение.

– Вы знаете, с неделю назад я была здесь рано

утром, рисовала рассвет над протокой. Первые лучи солнца, лёгкий туман над водой – в общем, красиво было. Так вот, по этой тропинке к станции с сумками в руках спешили двое мужчин. Мне ещё интересно было, успеют на электричку или нет. А потом, днём уже, узнала, что дачу какой-то важной особы обворовали.

Боясь спугнуть удачу, Степаныч с большим интересом посмотрел на девушку.

– А ты, случайно, не запомнила их, описать сможешь? Я имею в виду самые внешние детали, возраст, рост, телосложение?

– Одного совсем не запомнила. А вот второго помню, и неплохо. Какой-то лохматый он, есть в нём что-то лесное. Мне ещё подумалось: уж не леший ли из кустов вышел?

– А ты вот так не боишься, одна, утром и вообще?

– Да чего здесь бояться и кого? – слегка удивилась девушка. – Я с четырёх лет в айкидо хожу, теперь ещё и рукопашным боем вот уже второй год как увлеклась. Давайте я попробую портретный набросок сделать?

Достав из планшета чистый лист бумаги, девушка слегка задумалась, потом уверенными движениями руки минут за десять сделала очень неплохой портрет. С листа бумаги на Степаныча смотрел молодой мужчина, своим видом действительно напоминавший лешего. Было в нём что-то, что придавало такое сходство.

К вечеру личность его была установлена. Как ни странно, кличка этого человека была – Леший. Он получил её ещё в юности, когда после первой кражи три месяца в лесу отсиживался. Тогда и ногу повредил капканом, а бровь ему в зоне разбили.

Машина на маленькой скорости выехала со двора на проспект. Степаныч усиленно думал. Если бы Лешего нашли, его сразу определили бы под арест. Значит, что? Правильно, в розыске он. А в Михайловское едет – лёжка там у него. Скорее всего, очередное дельце провернул, спрятаться спешит.

– А что так поздно домой? – задал Степаныч вопрос.

– Да засиделись с друзьями, поздно спохватился. А сейчас перебрали они слегка, ссориться стали, вот я и ушёл. Сам не пью, так что, когда буза начинается, терпение моё заканчивается. Вот и шёл на вокзал, а тут вы на мою удачу.

Вот ты, милоч, сам всё и подтвердил. Именно такая у тебя характеристика в розыском деле лежит. Что же с тобой делать? Есть у тебя оружие или нет? Доехать бы до контрольного поста на выезде из города. Наряд не должен спать, было бы совсем неплохо привлечь внимание автомобильного патруля. Двери машины на блокировке, сам он их не разблокирует. Даже если решится на меня напасть с ножом или ещё с чем, толку большого не выйдет. Сумка, что сейчас у него на коленях, ему же и будет мешать. Ударить ножом во время движения – не посмеет, должен понимать, что на скорости гробнёмся оба.

Ага, на ловца и добры молодцы из ларца. Патрульная машина ДПС была именно там, где и должна находиться. За этим перекрёстком жилых домов нет, потому как дальше – промышленная окраина города. Прямая трасса Павловского тракта на этом участке имеет контрольный пост ДПС, дальше мост над железнодорожными путями, поворот к аэропорту и – прямая дорога к Павловску.

Перед самым перекрёстком Степаныч вдавил педаль газа, двигатель взревел, и машина резко увеличила скорость.

Проскочили перекрёсток на красный свет, машина с удивленными инспекторами осталась сзади. Надо отдать должное, быстро они среагировали на наглецов, вот и маячки замелькали, приближаясь.

– Ты зачем так сделал? Они же догонят или на посту сейчас тормознут!

– Всё нормально будет, ты только не дёргайся, Леший...

– А если я тебя сейчас ножом?

– А ты сначала подумай. За кражи тебе лет пять навясят, а за нож накинута прилично. Меня завалишь – угробимся вместе с машиной. Выживешь – пожизненное будет. Ты же не душегуб, умный мужик, так что – думай. Вон и пост уже видно. Мой тебе совет, когда подъедем – сдайся тихонечко, я за тебя словечко замолвлю, где надо. Получится, что вёл ты себя в машине прилично и сам попросил меня довезти до поста, чтобы сдать в руки милиции.

– Мент ты... – вздохнул обречённо Леший.

– Бывший, но ты прав, мент. Согласись, всё честно, без подлянки. Сам в машину напросился, я и подвёз. Так не дури, подъедем – выходи спокойно, не суетись, иначе стрелять станут.

Степаныч сбросил скорость, свернул с трассы к домику поста ДПС и остановился перед удивлёнными инспекторами.

Сзади скрипнула тормозами машина с разозлёнными гаишниками.

Леший обречённо вздохнул, отстегнул ремень безопасности и, оставив сумку на сиденье, вышел из машины.

Он окинул тоскливым взглядом пятерых инспекторов, стоящих в напряжённых позах с оружием в руках, поднял руки, повернулся к ним спиной и положил ладони на крышу машины Степаныча.

Потом, видно, вспомнил, что ритуал выполнен не в полном объёме, расставил ноги на ширину плеч, слегка отступив от машины.

Он стоял, наклонив голову к земле, а Степаныч только ещё выходил.

– Старший наряда, подойдите ко мне, вот мои документы. Я – подполковник милиции в отставке Боровиков Николай Степанович. Этот человек находится в розыске за ряд совершённых им преступлений. Прошу отметить, что он вам сдался добровольно, во время задержания силовые меры к нему не применялись.

К Степанычу подошёл капитан, посмотрел его документы и вернул их владельцу.

– Рисковали вы, Николай Степанович.

– Я больше четверти века служил в милиции, приходилось рисковать, так что не впервой...

Степаныч достал из кармана сигареты, прикурил одну и посмотрел на задержанного.

Подумалось: «Сейчас его увезут в дежурку. Интересно, куда он нож дел, неужели успел под сиденье мне засунуть? А может, его и не было?»

ДМИТРИЙ КАЮШКИН. Коррозия совести
фрагмент повести «Сталь и пена»

– Начинаем планёрку? – будто советуясь с присутствующими, произнёс генеральный и окинул сосредоточенным взглядом своих пятерых замов.

Любой другой из его подчинённых наверняка бы вздрогнул, распрямил плечи и замер в ожидании указаний, поручений или заслуженной выволочки.

Глубокомысленный прищур глаз Александра Павловича временами приводил сотрудников в оцепенение. Складывалось впечатление, что он видит человека насквозь, проникает в потаённое сознание, читает мысли.

Широкие выпирающие скулы, туго обтянутые гладко выбритой кожей, придавали лицу суровое выражение. Но так облик Скачкова выглядел только вблизи, глаза в глаза, на расстоянии вытянутой руки. На небольшом отдалении образ генерального директора закрытого НИИ* «ТехноХим» смягчался и уже не казался таким грозным. Причиной визуальных метаморфоз, несомненно, являлась его густая шевелюра с длинными, почти до плеч, волосами, слегка волнистыми, подчёркнутыми едва заметной сединой в обрамлении. В эти моменты он напоминал возмужавшего рок-музыканта из незабвенных шестидесятых.

Благодаря своей наружности и безупречным манерам Александр Павлович умел мгновенно преобразиться в порывистого импозантного мужчину, учтливового до мелочей и добродушного. И можно было безбоязненно протягивать встречно ладонь для рукопожатия, искренне здороваться, смело отвечать на мимоходом брошенные вопросы и даже успевать кратко высказывать важное и наболев-

* НИИ – научно-исследовательский институт.

шее, не страшась, что резко оборвут или, ещё обиднее, проигнорируют.

Участники планёрки вяло зашевелились, заёрзали на мягких стульях. Зам по НИОКР* продолжил перекладывать листочки в кожаной папке и время от времени делал вид, что внимательно вчитывается в мелкий машинописный текст.

Главный инженер лениво провёл гребнем из реликтовой слоновой кости по прилизанным, зачёсанным назад, напوماженным волосам. Посмотрев последний раз в маленькое зеркальце, замаскированное на внутренней стороне инкрустированного малахитами бархатного футляра от очков, небрежным щелчком демонстративно захлопнул крышку.

Неторопливыми действиями вторые лица лишь подчёркивали умеренную фронду по отношению к генеральному. И даже зам по науке, он же главный конструктор по ведущей тематике, вечно сосредоточенный и внимающий каждому слову руководителя, не сменил вальяжную позу. Он сидел, расслабленно откинувшись на стуле и задумчиво прикрыв усталые глаза.

Впрочем, всё это нисколько не смутило генерального директора. Ещё месяц назад присутствующие были равными по служебному положению.

Ушедший на заслуженную пенсию бывший руководитель «ТехноХима» академик Юхнович, пользующийся непререкаемым авторитетом, заранее готовил себе замену. И что его место займёт зам по производству Скачков Александр Павлович, знали все.

В поддержку кандидатуры нового генерального говорил и возрастной фактор. Скачков был моложе других замов. Его энергия, знания и организаторские способности признавались как подчинёнными

ми, так и начальством. И пусть докторская диссертация находилась только в процессе защиты, никто не сомневался, что и в науке способный производитель достигнет вершин.

– На сегодня две новости, – невозмутимо продолжил генеральный. – С какой начнём? – риторически произнёс он и едва заметно усмехнулся.

– Да что уж там, – отозвался зам по НИОКР Гармаш. – Нас за эти два года после августовских событий уже ничем не напугать.

– Удивить, пожалуй, ещё можно, – подключился к разговору главный инженер Бобровский.

– Начинать с плохой, Александр Павлович, – глухо бросил главный конструктор Одинец, самый старший по возрасту, и его вольность в обращении на «ты» осталась незамеченной.

– Хорошо, Сергей Викторович. Тем более обе новости напрямую затрагивают твоё направление. – Генеральный прокашлялся в кулак.

Окружающие заметили, что он нервничает, и насторожились.

Маскировать свои чувства и владеть мимикой Скачков умел, но в этот раз скрыть волнение не удалось.

– Америки не открою, информация весь последний год витала и в наших кабинетах, и в управлении. Скажу прямо, основная тематика «Бриг» закрыта окончательно и бесповоротно. Финансирование по ней приостановлено. И, скорее всего, ожидать возобновления бессмысленно. По крайней мере, на ближайшие годы. – Скачков сделал паузу.

В кабинете не прозвучало ни одного возгласа. Руководители морально уже давно были готовы к подобному исходу.

– Приоритетной признана разработка столичного

НПО*, бывшего нашего смежника, причём в пользу жидкостных двигателей, – продолжил генеральный.

– М-да, поторопились списывать в утиль твёрдое топливо, – первым отреагировал Бобровский. – Без лоббистов здесь не обошлось.

– Согласен. Возможно, преступно поторопились, – предположил генеральный и тут же поправил себя: – Впрочем, наше мнение сейчас мало кого интересует в столице. Так что, исходя из сложившейся ситуации, призываю активно включиться в работу по подписанию договоров на НИОКР по оставшимся темам.

– Так их же с гулькин нос, Александр Павлович! Они и трети наших затрат не покрывают. На что коллектив содержать будем? А здания, сооружения, мобилизационные мощности? И вообще вся опытная и производственная база? – вскинулся фальцетом зам по НИОКР. – Опять на сокращение кадров пойдём?

– Вот тебе и карты в руки, Геннадий Иосифович, ты же у нас главный по НИОКР. Ищи средства, требуй, выбивай, отправляй гонцов в столицу, в высокие кабинеты. И не забывай, возможности акционирования до конца не исчерпаны, – успокаивающе произнёс Скачков.

На несколько секунд в кабинете воцарилась гнетущая тишина.

– Ну а теперь главное. Сразу оговорюсь, мной эта новость анонсируется из разряда положительных. Министерство утвердило новую тематику и открыло по ней финансирование. – Генеральный выразительно замолчал и скользнул взглядом по периметру стола, охватив всех присутствующих и остановившись на Одинце. – В связи с закрытием «Брига» принято

решение о ликвидации в России запасов предыдущих стратегических изделий на основе наших разработок. А это сотни изделий, – уточнил он. – И нам доверена разработка технологии этой ликвидации. Иными словами – утилизация.

– Что??? – главный конструктор подскочил со стула. Побагровевшее лицо исказилось и застыло гневной гримасой.

Скачков резко встал, подошёл быстрыми шагами к Одинцу и успокаивающе положил ему руку на плечо.

– Я скажу тебе больше, Сергей Викторович. Декларация о намерениях подписана на правительственном уровне между нами и Штатами, причём с полного одобрения первого лица государства. И финансирование идёт с противоположной стороны на все сто процентов, без задержек и проволочек. Наши проблемы это не закрывает. Но хоть какая-то подушка для института на ближайшие два-три года просматривается.

– Да как же это? Как такое может быть? – захлёбываясь словами, вполголоса прошептал Одинец. – Это же измена, за такое расстреливать надо. Эти же изделия – будущее оборонного щита. Их возможности на сотую долю не исчерпаны. Десятки лет усилий нашего коллектива и всей страны...

– Успокойся, Сергей Викторович, – генеральный взял в руки стакан, чтобы наполнить его водой из графина. – Понимаю твоё возмущение, ведь эти разработки – цель всей твоей жизни. Гордость, можно сказать, и твоя, и коллектива, и оборонного комплекса. Но наверху руководствуются неизвестными нам соображениями. Возможно, мы чего-то и не знаем.

– Ну уж нет, извольте, Александр Павлович, – не-

вольно, едва сдерживая кипящие эмоции, Одинец перешёл на «вы». И тут его прорвало: – Все они, суки, понимают. Твари они, за вонючие доллары Россию продали.

– Попрошу осторожнее с выражениями, Сергей Викторович, – Скачков сурово сдвинул брови.

– А я не собираюсь осторожничать и в продажном шапито участвовать. Уничтожать своё детище не намерен и не буду. И менять убеждения на старости лет не собираюсь. Тем более участвовать в этом... – из уст Одинца вырвалось грубое ругательство. – Этой разрушительной темой будете заниматься без меня. Заявление об увольнении подам сегодня же, – совладав с эмоциями, главный конструктор замолчал, спокойно задвинул стул и неспешным твёрдым шагом, чуть покачиваясь из стороны в сторону, покинул планёрку.

В кабинете генерального воцарилась гнетущая тишина.

– Сдают нервы у Викторыча, – первым подал голос Бобровский. – Доконали его демократы-либералы со своими реформами.

– Ничего, успокоится, одумается... погорячился малость. Сергей Викторович – мужик крепкий, не такие удары держал, – генеральный заступился за Одинца.

– Нет, не вернётся. Потеряли мы главного конструктора. Уж я-то его знаю. Он своим принципам не изменит. – Гармаш нервно смял дрожащей ладонью лист бумаги и отшвырнул в мусорную корзину.

Начальник отдела стандартизации Алексей Захаров сидел в своём кабинете за старым, но ещё довольно крепким дубовым столом и, обхватив голову руками, пытался отключиться от нестерпимой боли

в затылке и висках. Временами ему начинало казаться, что стол легонько покачивается, а вслед за ним и старенькая люстра колыхается из стороны в сторону под начисто побелённым высоким потолком.

Ночные возлияния с другом детства Валеркой не прошли бесследно. Жена в отлучке, родителей в деревне проведать надумала. Как свободой не воспользоваться? Тем более и запасы горячительного под рукой. Причём в неограниченных объёмах.

Зарплату в институте третий месяц подряд держивают. Зато спиртных напитков под эту самую зарплату можно получить – сколько душа пожелает. Только тару с собой захватить не забудь, банку ли стеклянную, иль канистру пластмассовую. А напитки непростые, на экологически чистом горном сырье настоянные. И названия под стать: «кедровка», «полянка», «корвет»... Захотел литр – пожалуйста, просит душа три – на здоровье.

Божественные напитки! И крепость невелика, всего лишь двадцать градусов. Одно удручает, иной раз от излишней дозы сыпь на теле выступает. Так это, походу, от научной недоработки. Продукт-то новый, доселе невиданный, технологии до совершенства не отточены. Молодым акционерным обществам, которые народились под крышей оборонного института, есть над чем работать...

Начавшееся в начале 90-х акционирование под руководством Юхновича спасло научный институт от краха. В то время когда благодатный пирог государственного оборонного заказа урезался на глазах и сокращение штатов приняло лавинообразный характер, более половины восьмидесятичного коллектива были трудоустроены во вновь возникшие

акционерные предприятия, сохранив за собой рабочие места, а в большинстве своём и должности. Практически на базе каждого отдела института, каждого цеха появились независимые от бюджетного финансирования фирмы и фирмочки, кормящиеся на заказах со стороны. Прозорливость академика принесла свои плоды и заметно сказалась на доходах сотрудников, не позволив упасть на самое дно от нищеты и безденежья.

Некоторым научным работникам и вовсе повезло. Оставаясь на бюджетных местах, они получили ещё половину ставки в малых предприятиях, созданных в собственных коллективах. Но сами инженеры и служащие с недоверием и сомнением отнеслись к новым формам хозяйствования и не считали акционирование панацеей от нахлынувших потрясений и бед. Уж очень катастрофичным оказалось падение производства и уровня жизни.

Обязательная в Советском Союзе практика двойных технологий, применяемая во всех научных институтах, доказала необходимость и правоту государственного подхода к созданию оборонной продукции.

Годами пылившиеся на архивных полках и ждавшие своего часа мирные разработки оказались спасительными и востребованными. словно грибы из-под дождя, возникали новые мини-производства. Их продукция, неизвестная доселе большинству потребителей, начинала закрывать брешь на прилавках уходящей в прошлое советской торговли.

В то же время нарождавшийся рынок распахнул двери неведомым процессам, во многом непознанным, но безумно заманчивым открывающимися перспективами и возможностями...

ВЛАДИМИР ЛЕВЧЕНКО. Здесь люди живут

Ох и зима нынче – как огромная, злая, лохматая собака. То набросится и кусает без удержу лютым морозом. То навалится тёмным бураном, словно придавит тяжёлым серым шерстяным боком. И не жалко ей никого, морозит да вьюжит.

Снега полно. Домишки деревенские до окон им облеплены. Стоят, будто в тулупах овчинных. А кому и под самую крышу намело. Если поедешь от конька по скату, так как раз с крыши в сугроб и усядешься.

Из печных труб – дым клубами, густые, вихрастые. В окнах жёлтый свет, тоже густой и тёплый, похожий на яичный желток. Тёплый, потому что за стенами в домах тепло живёт. Люди живут.

Стёкла в окнах сплошь морозным узором затянуты – сколько же разных причудливых завитков можно разглядеть в этих серебристых кружевах! А если смотреть в окно в рассветный час, то увидишь, как серебро розовым становится.

Но сегодня метёт. Да не просто метёт, а – ой как! Ветрина ручищами громадными хватает снег и с неба, и с земли, смешивает и швыряет куда попало. Толчёт да месит, толчёт да месит. И не разобрать толком в завывающих густых вихрях, где земля, где небо. Весь мир – как безразмерная ступа с белым месивом.

– У-у, буран-то тёмный совсем, – говорила у окна бабушка Евдокия двум своим внукам – Наде и Люде. – На улицу сегодня ходу нету. Дома играйтесь, золотцы мои самоварненькие.

– Баба, – посмотрела вместе с ней в заснеженное окно старшая из сестрёнок, Надя, – я и в школу сегодня не пойду?

– Куды ж идти? Заметёт тебя и потеряешься.

– А давай тогда зиму прогонять, раз она такая сердитая и на улицу нас не пускает.

– Давай зиму прогонять, – повторила за сестрой младшая, Люда.

– Зиму прогонять?! – улыбнулась носикам-курносикам бабушка Евдокия. – Ну, давайте. Вставайте-ка со мной рядом, да подбоченьтесь... вот так – руки в боки. А теперь нахмурьтесь на окно и говорите: «Эй, седа зима, из метели борода! Ступай за околицу, не просись к нам в горницу!» А теперь ножками сердито затопаем, затопаем... Вот так.

– Уходи, зима, из метели борода! – хмурились девочки на окно.

– А покуда буран не угомонился, дома забавляйтесь. Берите сказку да полезайте на печку.

– Давай, Люда, мы с тобой сегодня «Цветика-семицветика» снова читать будем, – взяла Надя тоненькую книжечку с разноцветным цветком на обложке.

– Давай.

– Вот и ладно, – бабушка Евдокия посмотрела на книжку и подставила к печи табурет, – хошь мало зерно, а росток добрый даст. Подымайтесь.

Сестрички по очереди забирались на табурет, вставали одной ножкой на приступок, сделанный в белёном боку печки. Бабушка под вторую ножку подставляла свою ладонь, а другой ладонью подхватывала под попку. И взлетали с радостным смехом птахи во фланелевых платицах на просторную печную лежанку, застеленную примятой белой овчиной.

– Вот так вот. Устраивайтесь тут, с пимиками своими рядом, – подняв внучек на печь, улыбнулась им бабушка, – хохотушки-веселушки. Ишь, покатываются, воробьята смешливые.

– Ха-ха-ха! – ещё больше рассмеялись девочки и даже глаза закрыли от счастья.

– Ну, хватит уже, животики заболят. Занавеску-то задёрнуть вам?

– Задёрни, баба...

– Задёрни.

– Не шалите тут.

Между печкиным углом и цветастой занавеской осталась лишь узкая полоска. Блѣклый дневной свет от заметѣнного окна лился в неё, сочился через тонкую занавесь и превращался в маленьком пространстве над лежанкой в свет особенный. Такой свет, наверное, мог быть вокруг цветка, в котором спала Дюймовочка. Или на балу в королевском дворце, где в хрустальных туфельках танцевала Золушка. И никто во всей замороженной и занесѣнной снегом деревне не знал и даже не догадывался, что в небольшом доме на уютной печной лежанке две сестрички читают сейчас сказку «Цветик-семицветик». И исчезает грань между волшебством и реальностью.

– «Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток», – старательно проговаривала Надя каждое слово, а Люда, приоткрыв ротик, слушала. – Вот если бы у нас был такой цветик, мы бы так с тобой лепестки не поистратили. Правда, Люда?

– Правда.

– Нам бы такой, так хорошо было бы. Да, Люда?

– Да, очень хорошо было бы.

– А давай мы его сами смастерим. Нарисуем, как на книжке, раскрасим и вырежем ножницами. И у нас будет свой цветик-семицветик.

– Давай! – радостно захлопала в ладоши Люда, представив, что у них появится свой волшебный цветок.

– Баба, иди, снимай нас! – крикнула Надя, улегшись на живот и свесив с печи ноги. – Я уже висю.

– Чѣй-то быстро вы, – подошла бабушка Евдокия

и подхватила под мышки старшую внучку, – сидели бы ишо, отец с матерью на работе покуда. Не скоро придут.

– Мы цветика-семицветика за стол рисовать пойдём, как на книжке.

– А-а, ну ладно тогда. – Бабушка поймала прыгнувшую с распахнутыми ручонками Люду. – Ступайте, рисуйте.

Девочки взяли с собой книжку, взяли альбом, простые и цветные карандаши, разложили всё на круглом столе, застеленном бордовой плюшевой скатертью. Залезли с ногами на стулья и склонились над чистым белым листом.

– Баба, включи нам свет! – крикнула Надя.

Жёлтый абажур, украшенный свисающими кистями, засветился прямо над головами сестричек и стал похож на яркое летнее солнышко.

– Давай, Люда, я лепестки нарисую, чтобы лучше получилось, а ты стебелёк. А раскрасим потом вместе.

– Давай.

Сёстры очень старались, и цветок у них поэтому получился как на книжке, как настоящий, как волшебный. Вот только одна незадача помешала закончить дело – не оказалось голубого карандаша. Он почти весь изрисовался, а коротыш, остаток его, где-то потерялся.

– Ну, пусть пока наш цветик-семицветик в альбоме поживёт, – сказала Надя. – Я потом раздобуду в школе голубой карандаш, и мы раскрасим последний лепесток. И тогда вырежем цветок.

Так девочки и решили.

Буран прекратился на следующий день. Улетел на своей чумной метле неизвестно куда, оставив

людям на память заметённые снегом дворы и дороги. На смену ему, вопреки обычному, вместо мороза пришла оттепель.

– Вот погода, – смотрела в оттаявшее, просветлевшее окно бабушка Евдокия, – девка капризная: то ей в сарафане жарко, то в шубе холодно.

Надя отправилась в школу, в свой второй класс. На перемене она купила в буфете компот и коржик. Компот выпила, а за коржик выпросила у девочки из четвёртого класса голубой карандаш. Не носившим, на один день, маленько порисовать.

– Люда! Люда! – закричала Надя с порога, вернувшись из школы. – У меня сегодня для тебя радость! Закрой скорей глаза.

Люда села на стул, закрыла глаза и в ожидании выставила перед собой ладони. Старшая сестра достала из портфеля и положила на них голубой карандаш.

– Открой глаза.

– Ой, Надя, ура! – соскочила со стула младшая сестричка. – Ты принесла голубой цвет, и мы сегодня сможем раскрасить последний лепесток!

– Раскрасить и вырезать наш цветик-семицветик.

– Надя, у меня тоже сегодня для тебя радость. Закрой глаза.

– Какая? – Надя удивлённо попятилась к стулу, села, закрыла глаза и выставила перед собой руки.

Люда достала из кармашка платья конфету «Кара-Кум» и положила её сестре на ладонь.

– Открой глаза. Я прошлый раз не съела, когда ты свою съела, а теперь хочу с тобой поделиться, раз у нас сегодня так много радости.

– Ура! – обрадовалась Надя.

Сёстры съели пополам очень вкусную конфету, выкрасили голубым карандашом последний ле-

песток и вырезали из альбомного листа свой цветик-семицветик. Предстояло перейти к загадыванию желаний.

Цветик был один на двоих, поэтому и желания решили загадывать вместе. Так даже лучше – дружнее.

Надя и Люда помнили, что не стоит тратить волшебные лепестки впустую, как девочка Женя из книги. Зачем, например, расходовать лепесток на возвращение с Северного полюса? Лучше уж не тратить его на путешествие на этот самый полюс. Вон у них – своя зима за окном. Хотя, конечно, сейчас оттепель, но всё равно. Два лепестка на это путешествие Женя истратила, а пользы никакой. Нет, так не годится.

Поэтому Надя с Людой решили начать желать с очень большой и удивительно красивой перламутровой пуговицы. Бабушка хранила её в своём сундуке, в деревянной шкатулке для памятных вещей. На эту пуговицу застёгивался широкий пояс платья, в котором бабушка Евдокия выходила замуж. От того платья, кроме перламутровой пуговицы, давно ничего не осталось. А от свадьбы через время протянулся лучик и превратился в яркий свет – вот они, носики-курносики, подрастают, саженцы сортовые. И сколько бы ни просили сестрички отдать им удивительно красивую пуговицу, бабушка никак не соглашалась.

– Не трожьте, другим играйтесь. Задевается куды-нибудь, и всё тогда.

Но внучки никак не могли смириться с запретом. Уж такая она была большая и красивая, эта жемчужина (а именно жемчужиной они её и считали). Переливалась перламутром, блестела какими-то эмазовыми переливами – глаз не оторвать. И если бы проходил конкурс жемчужин всего мира, их бы жем-

чужина обязательно выиграла первое место. А то, что она расплющена, так это даже ещё красивее.

Поэтому, когда в руках у Нади с Людой оказался цветик-семицветик, первый лепесток они потратили на пуговицу. И чудо случилось – бабушка согласилась. То ли правда волшебство подействовало, то ли таким громким шёпотом девочки загадывали желание, что бабушка всё услышала и не смогла спорить с чудесным цветком. Это теперь останется секретом.

– Ладно, золотцы самоварненькие, – вздохнула бабушка Евдокия, – берите пуговицу. Не затеряйте только. Она на ножке, в ножке дырочка. Так отцу сказать надо, чтоб застёжку сделал, как на броши.

И так уж радовались, так радовались сестрицы. Всё смеялись от счастья и прикладывали к платьицам свою жемчужину.

А второй лепесток через день потратили на бусы. На этажерке, в шкатулке, украшенной морскими ракушками, лежали порванные мамины бусы. Все бусины при порыве собрали и хранили в пакетике, а нанизать их на новую прочную нить у папы всё руки не доходили. То одно, то другое – некогда.

Надя с Людой время от времени доставали из шкатулки пакетик, раскладывали бусины на бордовой плюшевой скатерти и зажигали над столом жёлтый абажур. И россыпь бриллиантов перед восхищёнными глазами девочек загоралась белым огнём с синими искрами.

Ничего не понимающие в драгоценностях посторонние взрослые ляпнули бы глупость о дешёвых стекляшках. А Надя с Людой не сомневались, что так сверкают самые лучшие бриллианты. Так сверкают, что сердечки замирают.

Просить у мамы невероятные драгоценности на-

совсем девочки прежде не решались. Но теперь у них был цветик-семицветик – и отказаться загадать такое замечательное желание не осталось никакой возможности.

Сестрички загадали. На удивление, мама сразу согласилась отдать дочкам свои бриллианты (наверное, шёпот опять получился у девочек очень громким).

– Были одни бусы, станут двое.

И у папы смастерить двое бус из одних время нашлось.

– Ох, нарядницы, – залюбовалась мама дочками.

А те крутились без перерыва в сверкающих бриллиантовых бусах перед зеркалом.

– Вот какой волшебный у нас цветик-семицветик. И бабушка его слушается, и мама, и папа. Да, Люда?

– Да, вот какой волшебный.

За несколько дней сестрички пожелали себе ещё по белым пимикам и по новому пупсику. Каждому пупсику папа сделал по кроватке, а бабушка сшила крошечные покрывальца и подушки. И остался на волшебном цветке один лепесток, голубой.

Девочки поняли, что к жемчужной броши и бриллиантовым бусам они обязательно должны загадать платье принцесс и маленькие блестящие короны.

– Давай, Люда, мы оставим этот лепесток до Восьмого марта. Тогда мы на праздник нарядимся принцессами. Хотя ещё весь февраль ждать и потом ещё восемь дней, но мы подождём. Давай?

– Давай.

Они убрали волшебный цветик с единственным оставшимся лепестком в альбом для рисования, в котором между чистых листов уже хранились оторванные раньше лепестки. И пообещали себе ждать марта изо всех сил, последний лепесток не трогать.

Неожиданная оттепель, постояв, на радость лю-

дям, дней пять, резко сменилась крутыми морозами. Седые, хмурые, они так обжали дома своими цепкими медвежьими лапами, что печные трубы дымили почти без остановки.

– Ух, морозяка, стены грызёт, – подкладывала в топку узловатые берёзовые поленья бабушка Евдокия. – А мы его жаром-то отвадим. Ишь, лупоглазый.

Вся малышня деревенская засела по домам. Надя с Людой тоже. Чуть на улицу нос высунут и сразу обратно. Десять минут, а щёки уж красны.

Но дома на печной лежанке за занавеской теплень и уют. И ничего мороз им не сделает. Они то там посидят, то перед зеркалом в бусах повертятся. Смеются-заливаются. Так им хорошо! Такое счастье!

А родителям в эти морозные дни хлопот добавилось: корова Зорька должна была вот-вот отелиться.

Случились роды самой морозной ночью, под утро.

Накануне вечером Надя и Люда видели, как папа в дальнем углу между печкой и стеной сделал из двух табуретов и широкой доски загородку. Пол в ней застелили клеёнкой, старым одеялом и сеном. Потом девочек уложили спать, а папа с мамой всю ночь ходили в стайку смотреть корову: как она.

К пяти часам наконец Зорька отелилась. В ход пошли приготовленные тёплая вода, тряпки. Телёнка посыпали солью, и корова начала старательно вылизывать его.

Вся эта гигиена уже заканчивалась, когда рогатая мамаша вдруг поскользнулась на ещё сыром после отёла полу. Она неуклюже взбрыкнула и ударила копытом телёнка по ноге.

– Ох, господи-то! – На малыша накинули старенькое покрывало, подхватили на руки и унесли в дом. Положили в загородке на сено. – Гляди, как саданула, до кости всё снесла.

У телёнка на передней ноге выше колена кровоточила длинная и широкая рана. Обработали её и прилегли отдохнуть.

– Баба! Баба! У нас телёнок! – проснулись Надя с Людой, когда родители их уже ушли на работу.

– Выспались, голубы, – встретила внучек у печки бабушка. – Хворый у нас телёнок получился. Не доглядели за Зорькой, вот она и лягнула его копытом. Нога, вон, выше колена разбита вся.

– Почему Зорька так сделала? – рассердилась на корову Надя. – Она такая злая?

– Да с чего ж бы злая? Не злая, хорошая у нас корова. Она и не знает, что дитёнкашибанула. Нога по полу поехала, вот и взбрыкнула. Смотрите-ка, – бабушка наклонилась к девочкам доильное ведро, – вон сколь молозива у неё сцедила. Щас в бутылку перельём, соску наденем и кормить будем тёлочку. Хорошая у нас Зорька, хорошая.

Сестрички перестали сердиться на корову и стали жалеть бедного пораненного телёнка. Он стоял в загородке, тихо мычал и тянулся к их рукам.

– У него нос холодный и мокрый, – положила ему на морду ладонь Надя. – И язык шершавый, он мне руку лижет.

– Он мягкий и гладенький, – провела пальчиками по светло-коричневой шее Люда.

– Не он, говорю, а она. – Бабушка надела белую резиновую соску на заполненную бутылку. – Тёлочка она. Давай-ка, милая, кормиться будем.

– А как мы её будем звать? – разом спросили девочки.

– А как придумаете с папкой, с мамкой, так и назовёте. – Бабушка заправила тёлочке в рот соску, и та, сопя и чмокая, потянула молозиво из бутылки.

С общего согласия её назвали Мартой.

Два дня прошли хорошо: Марта ела, мычала и до-

бросовестно делала в загородке все свои дела. А на третий есть перестала, легла на сено и затихла.

– Марта! Марта! – звали её у загородки девочки. – Подойди к нам.

Но Марта не отзывалась, а только оставила куда-то мимо тёмные бархатные глаза.

– У неё нос был мокрый, а теперь сухой и горячий, – перелезла тогда к ней через заградительную доску Надя.

С Мартой нянчились все: лечили, поили чем-то насильно, меняли сено.

– Да-а, загнила нога, – сказал папа и отправил дочек из кухни в комнату. – Чищу рану, чищу, а гной всё больше прёт. На кость, видать, перешло. Потерять можем телушку.

Надя с Людой хоть и были выставлены в комнату, но все папины слова расслышали.

Люда про смерть ещё ничего не знала, поэтому сказанное поняла так, как если бы бабушка сказала про жемчужную пуговицу: «Не затеряйте только». И готова была день и ночь сидеть рядом с Мартой и смотреть на неё всё время, только бы она никуда не потерялась.

А Надя уже знала про смерть. Она всё поняла и так сильно испугалась за Марту, что заплакала. От её слёз младшая сестра тоже наморщила носик.

– Люда, – всхлипывая, решительно заявила Надя, – мы должны спасти Марту. Она такая маленькая и так сильно болеет. Давай потратим на это наш последний лепесток. Мы уже много попросили у цветика. Вон у нас всего сколько, а Марта так сильно болеет. Давай мы спасём её.

– Давай, – сразу же согласилась Люда и перестала морщить носик. И от согласия даже ладошки прижала к груди.

Сестрички зажгли над столом солнечный абажур, положили на плюшевую бордовую скатерть альбом, достали цветик-семицветик и оторвали последний лепесток. Говорили они и одновременно, и по очереди.

– Лети, лети, лепесток... Вели, чтобы у нашей Марты нога зажила. Она такая маленькая и бедная, и мы её очень любим. Если надо, мы даже можем отдать обратно и наши красивые бусы, и пупсиков с кроватками. И снова можем ходить в чёрных пимиках. Только жемчужную пуговицу не забирай насовсем. Верни её бабушке, чтобы она не грустила без неё.

Последний лепесток ушёл в альбом. От цветика остались лишь стебелёк и голая серёдка. Надя с Людой принялись ждать, когда исполнится их желание. Вместе с ними ждали и папа с мамой, и бабушка.

Мама каждый день чистила Марте рану, папа давал какие-то лекарства, бабушка заставляла есть – насильно засовывала тёлочке в рот надетую на бутылку белую резиновую соску. Ещё бабушка, как всегда, что-то шептала у своей иконки.

Цветик исполнил желание девочек не сразу. Всей семьёй ждали целую неделю, и Марта наконец поднялась. Она снова начала тянуться к рукам, мычать и, главное, хорошо есть.

– Вот и молодец, – порадовались за неё все в доме, – будет жить.

А уж сколько радости было сестричкам! Они обнимали Марту за шею, гладили по светло-коричневой шёрстке.

– Наш цветик самый-самый волшебный, – радовалась Надя, – он выздоровел нашу Марту.

– И самый добрый, – радовалась Люда, – ничего у нас назад не забрал. И жемчужина у нас осталась, и бусы, и белые пимики.

Морозы ослабли, сменились метелью. Но тёлочку, чтобы залечить рану, ещё на несколько дней оставили в доме, в стайку не вернули. А тут случилось, что в эти же дни овечка принесла в один окот троих ягнят.

– Ну, дочки, принимайте ещё подопечного, – занёс папа в дом одного из ягнят. – Подмогнуть надобно самому малому, пусть тоже в загородке пока поживёт.

Маленький, словно игрушечный, в чёрных мягких кудряшках, с глазами-бусинами и ушками-тряпочками, он вызвал у девочек безудержный восторг.

Они почти не отходили от загородки – обнимали, гладили, нянчили малышей, помогали бабушке кормить их. Оттуда шёл пряный, сенной, парной запах.

– Не дом у нас, а ковчег прямо, – смеялась мама.

– Чего ж удивляться, – улыбалась в ответ бабушка Евдокия, – здесь люди живут.

Вечером животинки в загородке затихли на сене, все в доме были заняты своими делами: мама гладила бельё, папа чинил провод от электрического чайника, а бабушка вязала внучкам шерстяные носки. Сами же внучки склонились над столом под солнечным абажуром и рисовали в альбоме куклу и наряды для неё.

Дело было в феврале, и Надя с Людой тогда не знали, что цветик-семицветик выполнит ещё одно их желание: в марте на праздник им подарят платье, спитые из белого шёлка, как у принцесс, и маленькие пластмассовые перламутровые короны.

ВАЛЕРИЙ НЕУДАХИН. Учительница

Дом Марии стоял на берегу реки. Да какой там дом? Лачуга – по современным понятиям.

Маленькое деревянное строение из одной комнаты, заменяющей и кухню, и зал, и, конечно же, спальню. Сени так же были невелики. Она их называла верандой, хотя здесь вряд ли разошлись бы два человека. Летом она готовила пищу на очаге, сооружённом в огороде, тогда и в доме немного попросторнее становилось.

Очаг считался её гордостью. Она сама навозила камни с берега, подбирала их заботливо, тщательно и укладывала на огнеупорную глину, что задаром выпросила у кузнеца, когда шёл ремонт горна в кузне. Гордостью все признавали и огород, где росло всё необходимое.

Буйство растительности привлекало завистливые взгляды соседок. Если у местного населения овощи не вырастали – чувствовалась близость снежных горных вершин, то ей удавалось добиться этого. На зависть окружающим собирала урожай, которого ей хватало на долгие зимние дни.

Самое удивительное, у неё росли цветы. Лёгкая рука была и любовь огромная к растениям. От калитки до веранды всего-то и было чуть больше метра, но любого входящего встречали царственного вида маки с огромными шапками. Мелкой пёстрой россыпью под ногами удивляли однолетки всех мастей. А это уже не полевые, что ютились на крутых косогорах между камнями. Пусть они в этом году в пыли и не так привлекательны.

Началось строительство моста через реку, старый совершенно обветшал, пришёл в негодность. Так уж вышло, что домик её оказался посередине между дорогами на старый и новый мосты. С одной стороны ускоренными темпами работала строительная

техника, а по другой дороге проезжали туристы на старую переправу.

Пыль поднимали и те и другие. Да кто же виноват? Уж так пришлось. Она не роптала, понимала, что новый мост – благо для населения двух посёлков, что бурно развивали туризм и этим кормились. Потерпит, не неженка какая-то.

Она всю жизнь терпела. С чего это началось? Маленькую себя Мария помнила с детского дома. Как она попала туда – не знала. Воспитатели говорили, что родители осуждены как враги народа, её чудом пристроили к тётке, чтобы не пошла по статье как член семьи врага народа.

Тётка убедилась, что отмены приговора не будет, и сразу спланировала племянницу в казённое учреждение, где та и начала самостоятельную жизнь.

Детский дом запомнился голодными днями и ночами. С подружками в темноте спальни мечтали: когда вырастут и пойдут работать, с первой полочки купят булочек, молока и вдоволь наедятся.

Не суждено оказалось сбыться этой мечте, война спутала планы. Их эвакуировали из западной части страны в Сибирь. На пересылке растолкали по разным местам.

Она одна попала в новый детский дом и в круговорот событий.

При плохой работе почты – связи с подружками окончательно потерялись. Мария побоялась заниматься розыском. Сказался страх перед тем фактом, кем признали её родителей.

Боялась не за себя. Не могла и не имела морально-го права через себя привлекать внимание к подружкам. Уже тогда, маленькая, она понимала всё это и тем более знала по рассказам от других детей. Даже запомнила, как приезжали машины в детский дом,

из них выходили люди в форменной одежде, и на ужине за столами уже не досчитывались кого-то из детей. Так и расстались по жизни с Катюшкой и Танюшкой, сестренками-близняшками.

Тогда, по окончании войны, она была рада, что затерялись на военных дорогах её документы. Она сделала вид – ничего о себе не помнит. Записали родителей умершими от голода, и осталось у неё только имя. Даже фамилию изменили.

Это помогло, вернее, дало возможность поступить в учительский институт, его она успешно окончила.

Оценки были хорошими, по окончании её даже спросили: куда хотелось бы ей попасть? Члены комиссии ничего не знали, а она и рада этому – никто не узнает её тайны.

Попросилась в дальнее селение, подальше, в горы. Мария к тому времени успела самостоятельно освоить язык коренного народа – подружка была из алтайцев. Шутя и играя, стали общаться на местном диалекте, и к концу учебы она знала язык лучше многих аборигенов, которые, наоборот, стремились забыть родные наречия и усиленно изучали русский.

Приезд её восприняли буднично. В селении располагалась начальная школа, дети постарше уезжали в большое село и учились там, проживая в интернате. Все, кто приезжал на должность учителя начальных классов, выдерживали максимум полгода и потом сбегали, находя или выдумывая уважительные причины. Не выносили сложностей.

Трудности прослеживались во всем: условия быта, незнание языка, отсутствие стремления узнать местные обычаи и уклад жизни. Люди так и посчитали – очередная цаца приехала, сбежит.

Председатель колхоза с сожалением посмотрел на молоденькую учительницу. Но всё же объяснил условия жизни и работы. Она молча кивала головой: ей всё понятно и она готова приступить к исполнению обязанностей.

Школьный класс располагался в конторе, являясь второй её половиной. В первый же день она принялась за наведение порядка. Что только не проводили в этом помещении в отсутствии педагога! Это и привело к тому, что комната оказалась не пригодна для проведения занятий. Отсутствовали стёкла, кирпичи осыпались в печь, прогнил потолок. Углы почернели от копоти.

Она носила и носила воду, скребла ножом полы,ковыряла глиняные стены. Всё это вперемежку со слезами то ли отчаяния, то ли радости.

Спать упала прямо на скамейке и ночью замёрзла. Поняла, что такое близость гор, шутки здесь не уместны.

Утром в дверь постучали, она спросонок всё никак не могла понять, чего от неё хотят две женщины. И наконец, проснувшись, поняла – ей в руки дают лепёшку из муки и молоко в большой глиняной кружке. А когда она заговорила на их языке – через полчаса были уже близкими подружками.

К вечеру в помещении собралось несколько женщин, они вычистили класс и привели его в божеское состояние. Мужчины несли стёкла и меняли битые в оконных проёмах, стучали молотки, шёл ремонт школьной мебели. А к вечеру пришёл сам председатель с радостной вестью: нашлось жильё для новой учительницы – старой коммунарке подыскали место в пансионате, и маленький домик, что стоял на самом берегу горной красавицы-реки, освободился.

Жилище не ахти какое, но председатель пообещал: со временем построим посолиднее. Все оказались рады такому повороту событий. Женщины проводили, благо недалеко, перейти через дорогу; мужчины помогли перенести вещи – маленький чемодан и сумку.

Началась её педагогическая деятельность. Начальные классы были от силы по десять человек, поселок-то невелик, и учились в две смены. Она с удивлением подмечала, что дети с большим азартом взялись за учёбу. А она смотрела в их глаза и верила, что всё у них получится.

На первых порах не хватало всего: учебников, тетрадей, учебных пособий. Да просто дров. Забудут мужики про школу, а учительница всё больше молчит. Дети матерям пожалуются – утром уже и натоплено, и запас дров у крылечка лежит.

Попервоначалу собрала все газеты из красного уголка, из конторы – подшивку разорила. Из газет тетради мастерили. Резали по размеру книжки, сшивали и писали на полях. Мела не было. Хорошо, зоотехник привёз как-то запас, выпросил целый ящик на звероферме. Там животным прикормку давали, вот он и присмотрел.

Через два года всё наладилось. Да и как не наладиться, если всю свою учительскую зарплату она в городе тратила на учебные пособия. Зачем ей деньги в маленьком селе, если даже одежду и обувь женщины несли ей – сами шили. Кормить подрядились, прямо в школу носили. А она их любовь превращала в заботу о детях и всячески стремилась дать им всё, что могла. Купит килограмма три конфет в городе или привезут по её заказу, сядет на крыльце и раздаёт детям, что вокруг неё соберутся. А сама всё рассказывает и учит математике, грамоте и природе. А то возьмётся читать

рассказ какой, да за обсуждениями засидятся: мамки уж в школу бегут за ребяtnей.

А ей ничего не нужно: детям хорошо, и она рада.

Самое большое упоение вызывало понимание местных традиций. Ребёнок в алтайской семье – самое желанное. Детей любят и оберегают. До определённого возраста они воспитываются матерью, а когда подрастут, мальчиков опекают и обучают мужчины, девочки остаются в окружении женской половины селения.

Родители ей поверили. И доверили воспитание и обучение детей: и девочек, и мальчиков. А она, понимая, какое доверие ей оказано, никогда не переступала ту грань, где родители могли оказаться не правы.

Мария знакомилась с Алтаем, с традициями и каждый день узнавала что-то новое. Сколь удивительным оказался этот уголок земли, он стал ей родным домом.

Местные жители тщательно прятали свои верования от власть имущих, не пускали в свой заветный закрытый мир чужих. Её пустили, и она с удивлением узнавала, что теперь в одном селе живут представители разных родов – сеоков. У каждого рода свои священные животные, гора и водный источник. Они поклоняются им, на них запрещено даже смотреть и подходить к ним, нельзя подниматься на вершину.

Ей удалось главное – стать своей. Она казалось чужая и вроде как своя. Узнавала названия определённых мест, находила историю имени и как оно влияет на окружающий мир, на людей, проживающих рядом.

Познакомилась как-то со стариком, что всё время проводил в тайге и почти не навещался в село.

Звали его Айас, что значит «спокойный». Говорят, что и у него была сложная судьба, много нехорошего сделал его отец в Гражданскую войну. Отчаянно бандитствовал.

С тех самых пор и не принимали в селе единственного сына белого атамана. Он никому ничего не доказывал, а просто жил, словно этим отношением пытался искупить вину отца. Ему даже продукты привозили охотники.

Семья их – из потомственного рода шаманов, и так сложилось, что пришлось защищать вековые устои и традиции, тщательно вытравляемые из сознания новой властью. Тогда переступил отец черту, разделяющую человека от зверя. Поговаривали, что Айас и сегодня шаманствовал всюду, недаром эти места испокон веков считались прибежищем шаманов – камов. Ещё и поэтому побаивались его и сторонились.

Мария любила рыбу. Её первые попытки добыть хариуса самостоятельно оказались смешны, и любовью, наблюдавший за её занятием, мог от души посмеяться. Уходила подальше от села, поднималась по малым рекам и ручьям вверх по течению и пыталась применить те способы ловли, что подсмотрела у мальчишек.

Когда с рыбалкой ничего не получалось, она, намаявшись, присаживалась на берег и наблюдала за повадками рыбы. К вечеру тёплый воздух спускался вниз, а с ним и мошки начинали кружиться над самой водой. Подстерегая момент, хариус ходил у поверхности воды и вдруг, резко распрямившись, выпрыгивал из реки, сверкнув маленькой молнией в куче брызг, хватал мошку и падал на поверхность в рябь. А в водной завесе вспыхивала радуга, а то две и три.

В один такой вечер вдруг кашлянул кто-то за спиной. От неожиданности она выронила снасти.

Старик поздоровался, поинтересовался, почему без добычи, и начал объяснять ошибки.

Мария схватывала учение на лету и уже через полчаса вытащила на берег первого хариуса.

Восторгу её, казалось, нет предела, а глядя на неё, радовался и старик. Он пригласил в гости и напоил чаем. Такого чая и мёда она ещё не пробовала. От души пчелиной дедушка мёд берёт. Травы собирает. Словно открылось что-то в тот вечер, они засиделись и проводили солнце за горы.

А как ночь опустилась, потянуло на откровения. Она рассказала ему свою коротенькую, но содержательную жизнь, ничего не утаивая. Он, со своей стороны, тоже был откровенен. Так и просидели ночь две одинокие души. Хорошо под дедушкин костёр беседа лилась.

Он пригласил приходиться в любое время, к полудню проводил из тайги. А Маша радовалась тому, что давно не спала так спокойно. Выплеснулся наружу комок тяжёлых переживаний, увидела, что не одна в этой жизни, впервые безоглядно поверила человеку.

Стала ходить к нему, особенно в летние месяцы. Чему он её только ни учил, да она и сама была ловка и проворна. Прихворнул спиной старик, а пошёл сбор ореха. Напросилась с дедом в тайгу. Первый раз с опаской на кедр залезала, боязно было. На второй – словно птица вспорхнула, дедушка только охнул. Вскоре уж сама заготавливала, все кедры в округе наперечёт знала.

И свой мёд добывала: подарил ей Айас два улья и научил, как медосбор выгоднее организовать. Сначала боялась пчёл, а затем радовалась обще-

нию с ними. Удивительно то, что пчелы её даже не кусали.

Медок всякий на зиму припасала, а излишки сдавала заготовителям. Горный мёд самый вкусный получался, словно чуяла, в какое время пчёл вывезти надо и куда, когда качать нужно.

Многим премудростям научилась. Все травы знала, от чего помогают и облегчение человеку от болезни дают. Дело непростое. Не только день нужно знать, когда собирать, а даже часы: одну с утра до обеда, другую к вечеру. Одного не смогла осилить – охоту. Жалела зверя и птицу, не могла убивать животных.

О ней заговорили в округе, знали егеря и охотники, взрослые мужчины первыми с ней здоровались. Дали ей имя на алтайский манер (мужское имя): Ымжай – «добрая» значит. А она жила светло и радостно. От осени до весны детей учила. Многие уже и институты окончили, на должностях хороших находились. А только увидят свою первую учительницу и издали приветливо улыбаются, здоровья желают. Всяк к ней в дом идёт, знают, что принести. Конфеты и булочки.

Лакомства детям уходили под сказки и рассказы о природе и животном мире.

Одно не радовало в жизни. Ещё в войну сильно простыла и знала, что не может детей иметь. Это жгло самой страшной болью изнутри. Многие местные мужчины взяли бы её в жены: очень детей она любит, а значит и любому дорога будет. Только Мария, зная свой «изъян», никому не сказала в этой жизни «да». Так и жила одна.

Давно забылись слова председателя о новой жилплощади, и она продолжала свой век в маленьком домике у реки. Уже нет школы и дети учатся в сосед-

нем селе. Только приходит она в день их приезда на выходные и угощает конфетами. Пристрастились в гости заходить малыши, садика нет, а так родители знают, что под присмотром дети. Не ходит уж в тайгу, сил не хватает. Даже с рыбалкой пришлось отказаться себе – глаза плохо видят.

Люди удивлялись: чего живёт в таких условиях и никуда не уедет, вроде заготовками занималась, должны быть сбережения.

В один летний день в село пришёл автобус, и стайка ребят окружила старую женщину, бывшую учительницу. Только тогда жители села узнали, что всю жизнь все свои сбережения она перечисляла в детский дом, в тот, что дал ей и новую фамилию, и новую жизнь.

Она ушла тихо и незаметно, так же, как и жила. Утром соседка заприметила – не дымится труба, не топится печка в доме. Уж и строители на мост вышли.

Постучала, вошла, не дождавшись ответа, и заголосила во всё горло.

Сбежался народ. На скромной постели лежала старая учительница. В руке держала шоколадную конфету, словно протягивала её вошедшим. На столе – кружка с молоком, а поверх лежала белая булочка.

Хоронили всем селом, женщины плакали, мужчины отворачивались, словно от ветра, и протирали глаза от «соринки».

Когда одевали покойную, в старом шкафу нашли несколько альбомов. С каждого листа, с каждой фотографии в мир открытыми глазами смотрели её ученики. Её дети! Все выпуски начальной школы!

Так и положили – с коробкой конфет и булочкой.

ЮРИЙ ПАСТУХОВ. Записки сельского врача

В село Плешково приехал в гости сын Дарьи Ильиничны Горбуновой – Виктор Николаевич, по профессии врач-психотерапевт.

По селу сразу слух прошёл, что Виктор Николаевич лечит все болезни. И под разным предлогом к дому Горбуновых стали приходить больные. Кто консультацию какую хотел получить у врача, а кто и про болезнь свою узнать.

Виктор Николаевич, молодой человек, с приятной внешностью, с хорошими манерами, сначала отказывался:

– Я в отпуск к матери приехал отдохнуть.

Но мать, видя, что больные всё больше и больше стали обращаться к нему, попросила помочь людям. Виктор Николаевич решил дома лечить пациентов.

Пришёл на приём к нему старичок Денис Мартынович, а было лет так ему под восемьдесят. Он и говорит:

– Шея и голова у меня болит.

Виктор Николаевич осмотрел пациента и определил: «смещение шейных позвонков», поэтому и произошло защемление нервных клеток. Так и ходил Денис Мартынович с вытянутой шеей, как гусь лапчатый. Врач посоветовал поносить корсет на шее, и чтоб через два дня пришёл на приём.

Вернулся Денис Мартынович домой и говорит своей супруге Акулине:

– Врач прописал таблетки и корсет на шее носить.

– Да где же я его куплю?! Этот корсет надо в городе заказывать.

– А ты свяжи мне корсет из шерсти. Вон у тебя её сколько!

– Да и правда, свяжу, родимый.

Акулина быстро связала ему корсет наподобие воротника с пуговицами. Надел Денис Мартынович

его на шею, словно ошейник, по дому ходит, на улицу боится выходить, думает, увидят соседи, засмеют.

Пришёл он к врачу на второй день, жалуется:

– Голова перестала болеть, а вот шею всё равно сводит.

Виктор Николаевич усадил его на стул, привязал ремнём и говорит:

– Расслабься.

Не успел дед даже крикнуть от боли, как врач так повернул ему голову, что в шее что-то хрустнуло. Он сразу и обмяк, а по шее к голове сразу тепло пошло, и Денису Мартыновичу стало даже лучше дышать. Отвязал его врач и наставление дал:

– Ты должен ходить с прямой спиной, корсет пока не снимай, чтоб позвонки окрепли.

Дед от радости, что в шее боли нет и голове легче стало, домой быстрее зашагал. Соседке Дарье похвастал:

– Вылечил меня Виктор Николаич, дай Бог ему здоровья.

А у той спина болела. Собралась Дарья к врачу на приём, пришла к Виктору Николаевичу и говорит:

– Ой! Спина моя болит, не разгибается.

Он ей отвечает:

– Ложись на живот, вон на те доски приготовленные. Она и легла. Стал врач ей ноги загибать к её спине. Дарья как закричит:

– Ты что, изверг, со мной делаешь? Напряглось всё тело у меня, дышать не могу. Больно. Отпусти.

– Ничего, потерпи, в следующий раз легче будет, – посочувствовал Виктор Николаевич, осторожно опуская ей ноги. И когда она отдышалась, сказал: – На лечение будешь пять раз ко мне приходиться, тогда боль в спине и пройдёт.

Да и правда, уже на третий день Дарье стало легче.

Плешково – село большое, клуб там сельский есть, своя почта, средняя школа, поликлиника, а врачей не хватает. Поэтому, как узнали больные про приехавшего врача, стали приходить на приём к нему, и даже приезжать из соседних сёл.

Узнал про врача и заведующий отделением поликлиники Иван Михайлович Стебунков. Пришёл как-то он к Горбуновым с предложением.

– Не сможете ли, Виктор Николаевич, у нас в поликлинике поработать. Врача у нас такого нет, а вы зарекомендовали себя с положительной стороны, к вам больные идут лечиться. А у нас и условия позволяют, и зарплату повысили.

Посоветовался сын с матерью и согласился. Вскоре Виктор Николаевич семьёй обзавёлся. Он и сейчас в поликлинике работает, только уже главным врачом.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ. Ранетки

Заезжать в посёлок я не стал, свернул с дороги и, остановившись возле небольшого пустыря, сплошь заросшего крапивой, заглушил двигатель. Вышел из машины и втянул носом воздух. Почему-то на пустырях, несмотря на обилие травы, всегда пахнет пылью.

Заметив в высокой траве большой камень, с плоской, будто специально стёсанной вершиной, сел на него, через джинсы чувствуя накопленное камнем за день тепло.

Посёлок разросся и изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы, на которых величаво выстроились современные коттеджи. Они с барской ленцой поглядывали пластиковыми окнами на невзрачные, покосившиеся от старости домишки, доживавшие по соседству свой век.

Это и неудивительно, сорок лет я здесь не был. Сорок! Большой срок для человека. Половина жизни прошла! За это время успел много где побывать, повидал немало. Детей вырастил...

Как дело к «занавесу» пошло, всё чаще стал вспоминать места, где вырос и провёл самое прекрасное время в жизни. Вот и сподобился, разобравшись с делами да лень поборов!

Уже по дороге сюда знал, что остановлюсь в этом месте. Именно здесь в детстве я испытал сильнейшее потрясение, запомнившееся на всю жизнь.

Здесь, на пустыре, когда-то стоял большой дом, во дворе которого, как мне тогда показалось, я мог с этой жизнью распрощаться.

Я сидел на камне, как и много лет назад, смотрел на пустырь и думал: «Наверное, это и к лучшему, что дом разобрали. Стоял бы он сейчас в одиночестве, с выбитыми стёклами да провалившейся крышей, и медленно умирал, сетуя на то, что не может быстро

уйти вслед за своими коротко живущими хозяевами».

Сидеть на тёплом камне было приятно и, как ни странно, удобно. Я улыбнулся и, прикрыв глаза, прислушался к ошалелому звону кузнечиков, наполнившему всё вокруг.

«Что делать?» Казалось, этот вопрос плавал в воздухе, безрезультатно стучаясь о наши головы. Почему безрезультатно? Потому что осенним вечером, когда уже стемнело, группе десятилетних пацанов действительно нечем было заняться. Мы сидели в беседке во дворе нашего дома и не знали, чем загрузить свои деятельные натуры.

– Может, на школьный стадион пойдём, мяч попинаем? – предложил Мишка, живший в соседнем доме. – Мне как раз папка новый мяч купил, только подкачать надо.

– Да не, Миха!.. Как раз сегодня и не получится! – вздохнул я. – Брат сказал, что там свет не включили. Он недавно мимо проходил, видел.

– Тогда, может, на котлован? На плотях поплаваем...

Мы ещё долго гадали и перебирали варианты, но сгущавшиеся сумерки сводили на нет все наши умственные потуги. В потёмках не больно-то разгуляешься.

Неизвестно, до чего бы мы всё же додумались, если бы не Серёга, который предложил «похорьковать».

– Да ну на фиг! Надоело уже! – забраковал идею Миха. – У всех огороды есть, чё не хватает-то?

– Ага!.. Ты бы, наверное, только за арбузами полез? Да? – не сдавался Серёга. – Не обязательно ведь огурцы да помидоры тырить!

– А что, это идея! – поддержал я приятеля. – Давайте за ранетками ходим. Давно уже собирались.

– Да не-е-е, – заупрямился Миха. – У Бабарихи они кислые, а к Сёмке Косому идти далеко, и ранетки у него тоже не очень-то вкусные. Только время потеряем.

– Да я не их имел в виду, – пожал я плечами. – Предлагаю к Угрюмому сходить. Сами ведь знаете, ранетки у него обалденные.

– Вы чего, с ума тут посходили?! – подошла к нам моя одноклассница Светка и, покрутив пальцем у виска, добавила, обращаясь ко мне: – А ты – в первую очередь!

Светка очень мне нравилась, но на меня она внимания не обращала. Когда я увидел её, то захотел произвести впечатление. И произвёл! На свою голову...

Я уже заметил: как только она появлялась в поле моего зрения, мой мозг отключался и переставал нормально работать. Вот и сейчас я брякнул не подумав.

Залезть к Угрюмому было равносильно самоубийству! Это знали все. Старшие парни рассказывали, что у него по огороду трупы детей закопаны – тех, которые не сумели убежать, когда забирались к нему за ранетками.

Это походило на правду. Угрюмый одевался во всё тёмное и выглядел как убийца – высокий, худой и хромой. Вдобавок ко всему лицо его пересекал шрам, и казалось, что он всегда злобно усмехается. Его дом стоял на окраине посёлка, и мы с пацанами, когда бегали на озёра, старались обходить его стороной.

– Ты точно сбрендил! – вытаращился на меня Серёга и ехидно добавил: – Ну и кто же к нему в огород полезет? Кто у нас такой смелый? Уж не ты ли?

Вопрос правильный. Нечего исполнение своей идеи на других перекладывать.

– Мое предложение, мне и лезть, – как можно равнодушнее ответил я и покосился на Светку.

Она несколько секунд смотрела на меня, а потом решительно заявила:

– Тогда я иду с вами! Иначе обязательно куда-нибудь вляпаетесь!

Вот теперь точно всё! Отступить некуда. Уже, можно сказать, вляпался.

На улице стемнело окончательно, и можно было начинать операцию, но я всё стоял и стоял, прильнув глазом к щели в заборе, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в огороде Угрюмого.

– Ну что? Ты полезешь, в конце концов, или нет? Ждёшь, что ли, когда рассветёт? – прошипел Миха и ткнул меня локтем в бок. – Сам вызвался, никто тебя за язык не тянул!

– Да ладно тебе, лезу уже, лезу!.. – прошептал я и посмотрел в сторону кустов, за которыми пряталась Светка.

Подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся и, помогая носками кед, влез на него. Прыгать в темноту не стал, справедливо рассудив, что под забором может быть что угодно. Нащупал ногой сначала верхнюю поперечную слегу, а потом, опустившись на руках, – нижнюю.

Всё, на земле. Присел на корточки и, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, прислушался.

Я знал, что огород у Угрюмого обширный, но сейчас темнота сожрала расстояние и казалось, что стою я на небольшом пяточке, ограниченном с одной стороны забором, а с другой – тёмными громадами яблонь.

Вокруг тишина и спокойствие, никого. Я осторожно встал и, пригнувшись, подошёл к ближайшему дереву. Ещё раз осмотрелся и стал на ощупь разы-

скивать плоды. Срывал их трясущимися от страха руками и торопливо заталкивал за ворот футболки.

За спиной раздалось негромкое ворчание, и я замер с поднятой рукой, не решаясь пошевелиться, чувствуя, как от ужаса сковало тело и перехватило горло.

Медленно обернулся и увидел сидящую возле забора собаку.

Что за собака, в темноте было не разглядеть, но видно, что большая.

Я судорожно всхлипнул и, не делая резких движений, отступил от дерева. Даже такой бестолочи, как я, стало понятно: попался! От этой зверюги не убежишь и на забор залезть не успеешь.

В подтверждение правильности моих рассуждений пёс зевнул, продемонстрировав блеснувшие в темноте здоровенные клыки.

Возле дома вспыхнул свет, осветив половину огорода, и раздался хриплый насмешливый голос:

– Что, Граф, никак гости к нам пожаловали?!

И следом послышались тяжёлые шаркающие шаги, направлявшиеся в мою сторону. О бегстве не могло быть и речи: страх парализовал тело так, что я пошевелиться не мог.

Когда шаги остановились возле меня и в лицо ударил свет фонаря, я зажмурился, с тоской осознавая, что мне никто не поможет.

– Не смейте его трогать! – вдруг раздался из-за забора взволнованный Светкин голос. – Нельзя убивать детей за ранетки!

– А ну брысь отседова! – рявкнул Угрюмый. – Сам решу, что с ним делать! Убивать аль нет...

Он с минуту рассматривал меня, освещая фонариком, а потом, усмехнувшись, сказал:

– Открывай глаза, герой! Да пошли на свет, неча тут в потёмках ковыряться.

Я открыл глаза и осмотрелся. Собаки не увидел. Ушла. Сейчас, наверное, где-то по огороду бегаёт.

– Топай давай! – подтолкнул меня в спину Угрюмый, и я, опустив голову, обречённо побрел в сторону дома по выложенной камнями дорожке.

Двор освещался несколькими лампочками. Угрюмый выключил фонарь, уселся на лавку у ворот и, обдав меня запахом перегара, спросил:

– Что, для неё, небось, старался-то?

– Для неё, – прошептал я, не решаясь поднять голову.

– Однако дела-а-а... – протянул он и вдруг сказал: – Садись-ка вона на бульгу, поговорим, а то я, знаешь ли, давненько с ребяtnей не общался.

Я оглянулся и, увидев приткнувшийся к забору большой камень с плоской, будто специально стёсанной вершиной, осторожно опустился на краешек.

Подождав, пока я устроюсь, Угрюмый грустно добавил:

– Дети выросли, разъехались, жену на погост свёз. Вот, брат, и получается, что один остался. А поговорить иной раз хочется... – Он помолчал, а потом спохватился: – Только ты не подумай чего! Сыны у меня правильные выросли. Как погостить приезжают, так с собой зовут. Чё, говорят, тут одному прозябать... – Угрюмый тяжело вздохнул: – А куда я отсель подамся-то? Старики тут лежат, Сонечка моя тоже здесь... Да и друзья фронтовые, с кем воевал, в землю уже укладываться начали. Куда ж я от них съеду?..

Я удивлённо посмотрел на него. С ума сойти! У него, оказывается, семья есть! Жена... была... Дети взрослые... Он даже воевал! А как же я?! По идее, он меня уже должен где-нибудь под деревцем закапывать.

Он опять вздохнул и, словно извиняясь, сказал:

– Я тут принял на грудь трошки – день сегодня у меня особый, брат! Я, можно сказать, в этот день заново родился. – Он недоумённо развёл руками и, пожав плечами, добавил: – Пристрелить меня должен был немец, но почему-то не убил.

– Как не убил?! – ошарашенно прошептал я и даже привстал с камня, забыв, что недавно готовился распрощаться с жизнью. – Фашисты же всегда советских солдат убивали!

– Не всегда, выходит! – усмехнулся Угрюмый. – Я, как видишь, вот он, живой и здоровый.

– А как же так получилось? – уставился я на него, а потом с надеждой спросил: – Наверное, вы его первый успели застрелить? Правда ведь?!

Несмотря на то, что я боялся Угрюмого, мне почему-то хотелось, чтобы он победил этого фашиста.

– Нет, неправда, – покачал головой Угрюмый. – Я в тот момент вообще ничего не смог бы сделать – осколками посеколо. Даже не был вооружён, от автомата только бесполезные куски остались.

– Тогда почему он вас...

– Наверное, потому, что он не был фашистом. Повезло мне, выходит...

– Но вы же сами сказали, что это немец!

– Да, сказал, – улыбнулся Угрюмый. – Но, как оказалось, не все немцы – фашисты.

Поднявшись с лавки, Угрюмый зашёл в дом. Через пару минут вернулся с начатой бутылкой водки и стаканом. Сел и, посмотрев на меня с сожалением, сказал:

– Это не богоугодное дело, но люблю я выпить. Грешен! – Он налил полстакана и, резко выдохнув, опрокинул водку в рот. Посидел несколько секунд, прикрыв глаза, потом довольно крякнул и попросил: – Дай-ка яблочко.

Я запустил руку за ворот футболки, подцепил несколько ранеток и протянул ему тёплые, нагревшиеся от тела плоды.

Он взял одну, оторвал хвостик и, целиком засунув ранетку в рот, с хрустом начал жевать её вместе с косточками.

– Вот скажи, чего ты ждал, когда я к тебе подошёл? – вдруг спросил он и внимательно посмотрел на меня на удивление трезвыми глазами.

Я замялся. Неудобно было повторять за пацанами бред о том, что он детей тут убивает.

– Ну-у-у... В общем, я думал, что вы меня сейчас... это самое... убьёте. Пацаны рассказывали, что...

– А я взял и не убил!

– Да, не убили...

– Вот и я, брат, думал, что меня немец убьёт, – пробормотал Угрюмый и крепко потёр лицо ладонями.

– А он взял и не убил? – прошептал я и с не меньшим ужасом, чем в тот миг, когда меня поймали, увидел, как по изуродованному лицу Угрюмого кажутся слёзы.

Я не знал, что и думать. Это был не тот Угрюмый, которого мы знали. Вернее, думали, что знаем.

– Извини, браток, – шмыгнул он носом. – Знаешь, как выпью, завсегда так-то вот происходит...

– А как получилось, что фаш... немец вас не убил?

Угрюмый поставил на лавку пустой стакан и, неловко смахнув ладонью слёзы, грустно улыбнулся.

– В сорок втором мне семнадцать исполнилось, но я обманул военкоматовских – год себе прибавил. Сказал, что документы при бомбёжке вместе с домом сгорели. И к этому времени уже целый год воевал. Тогда, помню, приказ мы получили – станцию взять. Пошли в атаку и нарвались. Попали под обстрел из миномётов. Меня сразу же накры-

ло. Когда очнулся, было уже тихо. Понятно, что атака не получилась. Полезли нахрапом – нас и разделали как Бог черепаху. Если бы наша взяла, то санитары давно бы уже раненых разыскивали да убитых собирали. А тут – никого. Мне повезло – отшвырнуло в воронку. Может, потому и жив остался. Сидел на дне этой ямы и смотрел, как из ноги сквозь разодранную штанину кровь сочится. Перевязаться нечем, да я и не смог бы – правую руку зацепило, пальцы онемели и не шевелились. Немца увидел, когда тот уже стоял на краю воронки и смотрел на меня. Он снял с плеча винтовку, и я понял, что меня сейчас убьют. Страшно стало так, что заплакал. Жить, брат, хотелось... Очень хотелось!

Угрюмый замолчал, налил ещё водки и выпил, закусив ранеткой, которую я догадливо подал.

– А что дальше было? Что немец сделал-то? Ушёл?

– Да нет, брат, не ушёл! Он спустился в воронку и положил рядом со мной перевязочный пакет. А когда понял, что я не справлюсь, сам меня и перевязал...

Угрюмый поднялся и, подойдя к большой бочке, стоявшей под водостоком с крыши, умылся. Потом опять сел напротив и, вытирая руки о штаны, сказал:

– Я не помню, как он выглядел, не запомнил лица, только руки. – И Угрюмый, вытянув свои руки в мою сторону, покрутил ладонями с длинными узловатыми пальцами. – Большие у него были ладони, пальцы сильные, я это чувствовал. Под кожу чернота въелась. Шахтёром, наверное, до войны был. А может, молодость мою пожалел, может, у самого сын был такой же, как я...

Скрипнула калитка, и во двор осторожно заглянула Светка.

– Ну вот! – обрадовался Угрюмый. – Подружка твоя пришла. А я всё думаю, отважится заглянуть на ого-

нек али нет? Смелая дивчина!..

Светка стояла и не отрываясь смотрела на меня, будто увидела впервые. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она фыркнула, вздернула нос и ушла, хлопнув калиткой.

Угрюмый засмеялся и опять потянулся за бутылкой.

На следующий день мне было неловко оттого, что я так плохо думал об Угрюмом. О человеке, которого мы совершенно не знали, который, оказывается, воевал за нас. За меня, за то, чтобы я мог маяться дурью и «хорьковать» по чужим огородам! Его звали Степаном. Степаном Николаевичем.

Я много думал о том, почему мы в детстве так легко верили в явную чушь про убитых и закопанных в огороде детей. В то, что на старом кладбище каждую ночь из могил выползают мертвецы и ловят на окраинах посёлка одиноких прохожих. И в то, что если в лунную ночь забраться на старую кочегарку, то ровно в двенадцать часов у тебя остановится сердце...

Я нашёл ответ на этот вопрос.

Мы настолько были уверены в своей безопасности, что где-то там, на уровне нашего детского подсознания, эта уверенность нас тяготила. Нам хотелось, как сейчас говорят, драйва, почувствовать, как захватывает дух и сжимается сердце. Потому и придумывали эти страшилки. Нам было мало просто бояться темноты!

Мне, моему поколению посчастливилось жить и расти в великой державе, где дети без опасений сами приходили в детский сад и вечером возвращались домой. В стране, в которой я сам ходил встречать маму, когда она задерживалась на работе.

В стране, где родители были уверены в том, что с

их детьми на улице ничего плохого не произойдёт, и доверяли их воспитание школе, зная, что их чада будут учиться только по одной программе – той, которая учит любить Родину, уважать рабочего человека и его труд, защищать слабых, гордиться своей историей, помнить и чтить подвиг наших воинов.

Я родился через восемнадцать лет после войны и, едва начал осознавать себя, слышал о ней. Рядом со мной жили и трудились солдаты: рабочие-солдаты, врачи-солдаты, учителя-солдаты, колхозники-солдаты, – которым тогда, в начале семидесятых, не было ещё и пятидесяти лет. Они все воевали, начиная от нашего школьного завхоза и заканчивая Угрюмым. Я слушал их истории, радовался за них, когда они, смеясь, рассказывали, как били фашистов. И удивлялся, когда эти мужики-герои, подпив, плакали... Зачем плакать?! Они ведь победили! Мы победили!.. Тогда я не мог понять этих слёз.

...Ладно. Пора. Я с неохотой поднялся с тёплого камня и, напоследок ещё раз вдохнув пыльный воздух пустыря, направился к машине. Пройдёт немного времени – и на этом месте вырастет большой красивый дом, в котором будут жить молодые, умные, радостные люди. И это будет правильно: жизнь должна продолжаться. Мне хочется, чтобы у этих людей было всё для счастливой жизни. И я верю, что так будет!

Единственное, чего уже не будет никогда и чего они никогда не увидят, – это как перед ними сидит солдат, прошедший великую войну, и, зажав в ладони ранетку, плачет...

АНДРЕЙ ЭЙСМОНТ. Завещание Деда Мороза

Владимир Олегович – врач от Бога. В области онкологии – надежда страны. Такие рождаются крайне редко. В двадцать восемь защитил кандидатскую, а в тридцать четыре докторскую способны не многие.

Его неожиданный уход из науки в хоспис рядовым специалистом грянул как гром среди ясного неба. Ещё вчера никто бы не поверил, что преданный науке человек, отдавший ей все силы, вдруг уйдёт для того, чтобы помогать неизлечимым онкологическим больным в предсмертном состоянии. Как это понять?

Владимир и сам в это верил с трудом. Но была причина.

Полгода назад болезнь, с проявлениями которой боролся всю жизнь, забрала самого дорогого человека – мать. Что только ни делал сын для её спасения, но смерть перехитрила и снова взяла того, кто ближе к сердцу. Сначала бабушка, теперь мама. То, о чём мечтал с детских лет – лечить родных и близких людей, – не сбылось. Уверенность, а вместе с ней и интерес к прежней работе медленно угасал.

Случайно прочитал заметку о тяжелобольных, находящихся в хосписе, о чудесных людях, которые ухаживают за ними до последней минуты...

Несмотря на уговоры коллег, уже через две недели приступил к новой работе.

На удивление пришёл покой, хоть и больно было смотреть на людей, которым судьба не дала выбора, а поставила перед фактом скорого расставания и с землёй, и с ярким солнышком, и травкой зелёной...

По характеру непохожие друг на друга. Каждому из них необходим особый подход, сердечное тепло, эмоциональная и духовная помощь. Спешка здесь неприемлема.

Любой рассказ умирающего – исповедь, которую врач обязан выслушать. В каждой – судьба, горести и радости, перенесённые им.

Владимир постепенно приходил к мысли, что как бы ни старался, а не всё сделал для матери. Ей, перед смертью, хотелось услышать его голос и подержать в теперь уже немощной ладони руку любимого сына. А он в это время был далеко от родины на симпозиуме, где блистал знаниями по борьбе с неизлечимой болезнью. А мог бы быть рядом.

***

Пётр Васильевич – дедушка из восьмой палаты. Кожа да кости. Вот что болезнь с человеком делает! Какие муки терпит! А улыбка на лице. Озорные чёртики в глазах так и прыгают. На секунду кольнёт холодный взгляд от нестерпимой боли... и дальше жизнь продолжается.

Оказалось, земляк. Как выяснилось, Владимир с ним из одного далёкого провинциального городка. И вроде даже где-то встречались. Вспомнить бы где?

– Пётр Васильевич! А мы, оказывается, земляки! Я в этом чудесном тихом городке родился и прожил там с матерью до поступления в медицинский.

Отец Владимира был микробиологом, погиб в Африке за месяц до его рождения. Жили в маленькой комнатке размером два на три, а запомнилось, как далёкое, светлое и счастливое время.

– Может, и встречались. Городок, сами знаете, маленький, как большая деревня с единственной достопримечательностью – драматическим театром. В нём после окончания училища жизнь и проработал. Если спросите о ролях, которые уда-

лось сыграть, то с уверенностью отвечу. В основном «кушать подано», не считая Зайчиков, Соломенных Страшил и Дедов Морозов. Но лучше, конечно, удавалась роль Деда Мороза! Был самым добрым и весёлым Дедом Морозом! Окунёшься в яркое море добрых детских улыбок, получишь такой заряд радости, что хватает на год. Потому и чувствую себя счастливым человеком. Трижды женат, и все три раза удачно. Супруги до сих пор живы и счастливы, хотя и не со мной, но никто не обижается, отношения поддерживаются дружеские и тёплые.

– А как удавалось детей обманывать, когда подарок не совпадал с желанием? Предположим, ребёнок хотел слона, а вместо этого получил мишку плюшевого?

– Нет, доктор, детей обманывать нельзя! В отличие от нас ложь чувствуют сразу. Никогда и не обманывал. Слону зима противопоказана. Поэтому попросил, когда подрастёт, приехать в гости, а на память взять этого плюшевого мишку. При желании найти правильный подход можно.

Пётр Васильевич неожиданно закашлялся, дыхание стало хриплым, глаза прищурились, лицо побледнело.

– Может, обезболивающее? – спросил Владимир, прощупывая пульс.

– Глупости! Потерплю – само пройдёт! Если у человека что-то болит – значит жив! А вот если нет... – Пётр Васильевич пересилил боль и улыбнулся.

– Вы не утомились? – спросил Владимир. – Может, отдохнёте? Вам сейчас главное – отдыхать побольше. Чуть позже ещё загляну.

– Я, доктор, с вами обязательно бы согласился, но где хотя бы капелька уверенности, что это «чуть

позже» будет. Захотите поболтать, заходите в любое время!

Пётр Васильевич улыбнулся, озорно подмигнул и отвернулся к стенке.

***

В первый раз за долгие годы Владимиру пришлось, как в далёком детстве, цветной и яркий сон. Просыпаться не хотелось. Открыл глаза и неожиданно вспомнил... Дед Мороз! Ну конечно, Дед Мороз!

Тонкая фигурка матери, бледное от изнуряющей болезни лицо бабушки. Старый пуховый платок поверх потрёпанного временем клетчатого халата...

Неожиданный звонок в дверь.

– Володенька! Быстро беги сюда! Смотри, кто пришёл! Ты постоянно спрашивал! Вот и пришёл с подарком!

На пороге стоял Дед Мороз! С огромным мешком! Шуба искрилась от сияния снежинок! Глаза светились таким ярким и добрым светом, что Володька от счастья зажмурился.

– А вы – настоящий? Правда, можете исполнять любые желания? – сыпались вопросы.

– Ну, смотря какие! По возможности исполняю!

Володька крепко прижался к шубе Деда Мороза. По щекам текли слёзы. Он, слегка заикаясь, попросил:

– Дедушка, миленький, сделай меня врачом! Только обязательно хорошим, чтобы я смог лечить людей, и они жили долго и счастливо...

Весёлая шутка, заранее подготовленная Дедом Морозом, неожиданно застряла у него в горле, а рука замерла в мешке с подарками.

На глаза Деда Мороза тоже навернулись слёзы.
– Понимаешь, малыш! Твоё желание – это не плитка шоколада и даже не велосипед! Но скажу – всё в твоих силах! Если не испугаешься трудностей, станешь великим доктором и вылечишь тысячи добрых людей! Я это знаю! А пока возьми небольшой, но сладкий подарок...

– И как я сразу его не узнал? – Владимир поспешил к палате.

***

До утра Пётр Васильевич дожить не сумел.
На тумбочке Владимира ждала записка.
«Добрый доктор! Я узнал тебя сразу, как только увидел. Всю жизнь помнил твою просьбу. С такими обращаются к Деду Морозу не так часто. Сожми силу воли в кулак и возвращайся туда, где ты нужен как воздух! завещаю тебе весь этот мир с голубым небом и ласковым солнцем. Твоё желание сбудется! Пусть и не так, как этого хотелось... Дед Мороз никогда никому не врал».

Возвращаясь домой на трамвае, Владимир поглядывал в окно на сияющие огни предновогоднего праздника. Уверенность вернулась. Будет победа над этой неизлечимой болезнью! Обязательно!

На тротуаре стоял улыбающийся Дед Мороз, которого никто, кроме доктора, не замечал, и приветливо махал рукой.

Чёрный Лесоруб

С наслаждением вдыхал и слушал этот манящий неизведанностью и загадочностью дух лесной. Учился в школе-интернате за восемь километров и с нетерпением ждал выходных.

В конце недели подкатывал отцовский автомобиль с забрызганными стёклами, в нём, весело крутя хвостом, волновался и гавкал Пашкин любимец – лохматый пёс Мушкет. Стоило только открыть дверь, и собачьему счастью не было предела. Валил Пашку наземь и лизал, радостно повизгивая.

За годы, прожитые на кордоне, Пашка научился многому. Ботанику, зоологию и основы землепользования знал не только по учебникам, но и по суровым законам жизни.

Быть лесником – это не только охранять лес, бороться с лесными пожарами, защищать животных, деревья и кустарники от вредителей, но и высаживать новые саженцы.

«Вот смотри, Паша, – говорил отец, – мы сейчас высаживаем маленькие, беззащитные деревца в землю. Не все из них приживутся, не все достигнут таких размеров, как вон те сосны-великаны. Результаты нашего труда будет видно только лет через пятьдесят-семьдесят, но кто-то, проходя здесь мимо, помянет нас добрым словом».

Работа лесника не только тяжёлая, но и опасная. Стихийные бедствия, пожары, нападение хищников или вооружённых браконьеров – не перечислить всего, чего следует остерегаться. А надеяться приходится только на себя, на навыки, ловкость и знания.

Пашка любил неразговорчивого и сурового отца за доброту. Хоть лишнего слова не скажет, а стоит только заглянуть в синеву добрых глаз, и слов не надо. Бабу Машу тоже не забывал и часто приезжал к ней на каникулах.

На зимних каникулах случилась беда. Не успел Пашка ещё добраться до бабы Маши, как долетела весть о гибели отца.

Приезжие гастролёры наткнулись на медвежью берлогу в период спячки. Разбудили, разбередили косолапого. Убить не убили, но ранили сильно. Испугавшись рассвирепевшего зверя, запрыгнули в машину и умчались.

Через два дня случай свёл вместе в кровавой и жуткой схватке голодного раненого зверя, отца и Пашкиного любимца Мушкета.

С зарплатой лесника злата-серебра за короткую жизнь отцу заработать не удалось. Своего ничего – ни дома, ни стула... машина и та лесничества. Вот и осталось только что на кладбище холмик с деревянным крестом да добрая людская память.

Оканчивать школу пришлось на Алтае. На пенсию бабы Маши и Пашкину по утери кормильца жить было можно. На питание и всё необходимое хватало. А к роскоши Пашка не приучен.

Скучал по тайге, по прозрачному ручью с холодной ключевой водой возле кордона, по соснам-великанам. Часто вспоминал отца и любимца Мушкета. Возвратившись со школы, оставлял сумку с учебниками и уходил бродить по лесу. Конечно, не тайга, запахи и те другие, но чем-то близки сердцу.

Баба Маша от свалившегося на её плечи горя стала чахнуть. Никакие травы и лекарства не помогали. Отлежала в районной больнице, а оттуда перед самым Новым годом вернулась домой. Не было уже прежней, улыбающейся, кипящей энергией, неунывающей старушки.

В мутном взгляде родных глаз читались боль и усталость, безнадежность и грусть. «Прости, Пашенька, старую бабку. У тебя забот и так хватает, а

тут я, да не вовремя! Как бы дотерпеть, чтоб праздник не испортить, – шептали потрескавшиеся сухие губы. – Была б в силе, уж настряпала бы чего-нибудь. Блестело бы всё, и ёлку установила».

Пашка места себе не находил, но ничего поделать не мог. Последнее время старался не отходить от кровати бабушки. Мыл посуду, стоял у плиты, добела шоркал полы.

В голове вертелись тяжёлые мысли о непредсказуемом близком будущем... «В старый бы омшаник на отцовском кордоне, весь увешанный пучками душистых трав! Травку заварить, глядишь, легче стало. А здесь где взять? Да ещё в такое время года».

«Пашенька, внучок! Не сиди возле меня. Иди до лесу, на свежем воздухе погуляй. Глядишь, и на душе светлее станет. Никуда в таком состоянии не сбегу! Дождусь. Не волнуйся!» – прошептала баба Маша с грустной улыбкой на губах, глядя на любимого внука.

Красота зимнего леса завораживала. Проникающий сквозь ветви сосен яркий солнечный свет слепил глаза, заставлял искриться снежные мохнатые шапки деревьев всеми цветами радуги. Ягоды калины, яркие, пурпурные, чуть припорошенные снежком, манили соблазнительной красотой. Два снегиря весело болтали, прыгая с ветки на ветку.

Так устроен мир: несмотря ни на что, живёт своей жизнью и радуется каждому солнечному лучику, каждому дуновению ветерка, каждому посвисту птахи.

Три тоненькие полтораметровые сосёнки прижались и стоят в обнимку, а расти – не растут. Одинаково тянут сок из земли и стремятся к солнцу. Не хочет никто из них уступку, послабление другому сделать. Потому и обречены на гибель.

Если никто в спор не вмешается, так и погибнут,

угнетая друг друга. А лесник бы выбрал, лучший побег оставил, а остальные удалил. Стояла бы одна сосна, но крепкая и высокая.

Сбежал Пашка домой за ножовкой и мигом ошибку исправил.

Вспомнились бабушкины слова, эхом в голове прозвенели: «Блестело бы всё, и ёлку установила...»

***

Попался Пашка с ножовкой и тоненьким деревцем на плече. Смутно вспоминалось, как везли в уазике в отделение милиции, как протокол составляли. Как выписали огромный штраф.

Вернулся домой без ножовки, с бумагой в кармане, которая душу жгла. Перед этим добежал до леса и прихватил с собой спиленную сосенку-сестричку. Виду, что произошла неприятность, не показал. А зачем бабу Машу расстраивать.

Нарядил деревце игрушками. Запах хвойный по избе разошёлся, в каждый уголок просочился, и баба Маша повеселела, обняла, расцеловала любимого внука.

После крещенских праздников с похоронами бабы Маши помогли добрые соседи и сельская администрация. А вот с поступлением в лесной колледж возникли проблемы из-за штрафа за спиленное дерево.

– Пойми, парень! Не имею права документы принять, пока не разберёшься со штрафом. Характеристики со школы отличные, люди отзываются хорошо. Но ничего поделать не могу, – успокаивал проректор. – В личном деле запись стоит. Статья 260 «Незаконная рубка лесных насаждений». Пока с законом отношения не наладишь – извини, брат, Чёрный Лесоруб».

Так и прилипла эта кличка надолго.

Заплатил бы Пашка штраф, да только где такую сумму взять! Пособия по потере кормильца никак не хватит. И на работу устроиться некуда.

Подрядился шлакоблоки лить, работал день и ночь до поздней осени, да хозяин реализовать не смог. Так и мыкался Чёрным Лесорубом, пока в армию не забрали.

***

Отслужил, вернулся из армии, подал документы для поступления в лесной колледж. Пока время свободное было, рванул в родные таёжные места, могилки родителей навестить да к любимому ручью возле кордона сбегать.

Купил билет. Двое с половиной суток в пути, и – на вокзале в Улан-Удэ.

До отправления автобуса в сторону родной деревни ждать около трёх часов.

Шёл Пашка по знакомому городу, с интересом поглядывая по сторонам. Навстречу попадались группы возбуждённых людей с лозунгами: «Не трогайте наш лес!», «Прекратите вырубку леса!», «За Байкал! За Родину!».

Люди громко спорили, размахивая руками. От них Пашка узнал, что только что разогнали митинг в защиту леса.

Оказывается, настали не лучшие времена. Появился новый Лесной кодекс. Наступило массовое сокращение лесников. Приватизация лесных участков, сдача их в аренду обострила обстановку. Начались поджоги лесов и незаконная вырубка деревьев. Защищать лес стало некому.

«Опоздал, парень. Какой такой таёжный край?!

От тех лесов одни пеньки и остались. Какие посадки, ты о чём говоришь? Лесопитомники существуют только на словах. На лесоповале никто ничего восстанавливать, очищать, а тем более садить и не собирается. Да и зачем? На этом капитала не заработать. Не для того участки в аренду брали и карманы на штанах расширяли...»

С тоской, с болью в сердце смотрел Пашка в окно автобуса на непривычную картину. Одно поле пеньков сменяло следующее.

Посидел возле деревянных крестов на могилках родителей. Подправил как смог, в пояс поклонился и двинулся по улице в направлении кордона.

Люди узнавали, здоровались. С годами Пашка стал ходить на отца и походкой, и характером, и лицом. А того в селе знали хорошо и поминали добрым словом.

Кордона как такового уже и в помине не было – раскатали по брёвнышкам, растащили. Один ручей гремучий и остался как память о былых днях. Так же пел. Только песня была не радостной и звонкой, а пронзительно-грустной.

Побродив по развалинам, Пашка отыскал старый закопчённый чайник и пару алюминиевых кружек. Соорудил на скорую руку шалаш из лапника и развёл костёр.

В ночном небе перемигивались мириады сияющих звёзд. Не было сосен-великанов, а их волшебный хвойный запах вместе с запахом дыма от костра и заваренных в старом чайнике лесных трав плыл и плыл по низине, волнуя Пашкину душу.

От нахлынувших воспоминаний, любимых с детства знакомых запахов голова у Пашки закружилась. Виделось, что в этой тёплой ночи вокруг стоят любимые сосны, звонко и весело поёт ручей...

Казалось, слышал хриплый голос отца: «Не напрасно мы, Пашка, шишки зимой таскали, грели да семена собирали, складывали. Завтра утром на большой поляне начнём питомник закладывать. Пока ты неделю в школе был, я всё подготовил, даже бороздки наделал. Осталось торфа с гнилого болота натаскать да песок из ямы. Дело, конечно же, хлопотное, но стоящее. А вот когда из семян ростки появятся и укрепятся, рассаживать будем. Дерево в земле лишним никогда не бывает».

С первыми лучами солнца Пашка проснулся и знал, что будет делать. Умылся, обжигаясь водой из ручья. Повесил над костром закопчённый чайник. Обследовал развалины кордона. Отыскал в полужасыпанной яме, что ранее была омшаником, пару старых ульев, ржавую лопату и полусгнившие мешки.

Выбрал мешки, какие получше, вытряс и аккуратно разложил на пеньках для просушки.

Поляна издали поразила огромностью. Бескрайнее поле зеленело всходами до самого горизонта.

У Пашки подкосились ноги: «Неужели вспахали наши посадки и чем-то засеяли?»

Бросил лопату и мешки на землю. Стремительно рванул к зеленеющим всходам.

У начала поляны упал на пень, вдыхая хвойный запах. По небритым Пашкиным щекам потекли слёзы радости и облегчения – тянулись к солнцу молодые сосёнки, которые они сажали с отцом.

Пашка, делая очередную ходку за саженцами, почувствовал, что устал. Но этот тяжёлый труд приносил радость и надежду на будущее.

По дороге изредка проезжали машины, гружённые до самого верха тяжёлыми брёвнами свежеспеленного леса. Они возвращались, гремели бортами

и цепями для крепления бревен, но Пашка на них внимания не обращал, а высаживал и высаживал саженцы с улыбкой на лице.

Потрёпанный временем, запылённый автобус, стреляя выхлопной трубой и дёргаясь, как в конвульсиях, дополз до ручья и заглох. Из радиатора валил пар со свистом, как в старых фильмах.

Двери пазика распахнулись. Из него, чертыхаясь и ворча, вывалились мужики в растёгнутых спецовках. Умывшись и напившись из родника воды, закурили.

– Слышь, парень, а ты кто такой? Чем занимаешься? Раньше что-то тебя здесь не видно было. Как кличут? – поинтересовался один. Толпа подошла и с интересом принялась наблюдать за Пашкиной работой.

Грязный, чумазый, но счастливый парень разогнул уставшую спину и улыбнулся.

– Кличут Чёрным Лесорубом, а зовут Пашкой. Это моя родина. Здесь родился, жил на этом месте. Там стоял дом, а вокруг него росли сосны. Теперь нет ни дома, ни сосен. Что делаю? Бор сосновый сажу, который вырастет здесь лет так через семьдесят, а может, через сто. Если, конечно же, никто не вмешается до этого с бензопилой в руках. Для чего, спросите? Для того, чтобы мои и ваши внуки и правнуки дышали здесь чистым хвойным воздухом и радовались ключевой воде. Клянусь, что будет здесь бор. На горбу сюда саженцы натаскаю. Пусть год пройдёт или два, но посажу обязательно.

Пашка повернулся, взял пустые мешки и двинулся по тропинке в направлении поляны.

Уже в темноте усталый, пропотевший, добрёл он до шалаша. Только на секунду прилёг и привиде-

лись во сне мать с отцом. Идут под ручку, улыбаются. «Пашка, на людей не сердчай. Они добрые – жизнь заставляет так делать. Семьи-то кормить надо. Будет у тебя всё хорошо – бор будет обязательно. А название его...»

– Эй, Чёрный Лесоруб, хорош спать, просыпайся!

Возле шалаша гудели машины и слышались голоса.

Седой, в потёртой спецовке мужик с хриплым голосом представился:

– Иваныч я, бригадир. Вчера с мужиками посоветовались и взяли два дня отгулов, да ещё два дня выходных впереди. Решили помочь. У нас у всех дети, и нам не безразлично, как они после жить будут. Начальство упиралось, но, когда узнало для чего, выделило трактор, две машины и десять человек в помощь. Давай командуй, инструктируй – ты в этом деле, видать, соображаешь. Так что, брат, не сомневайся, будет бор, а назовём его Пашкиным.

ОЧЕРКИ

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, или ЧЕЛОВЕК ИЗ СССР

Жизнь одного человека в истории человечества – это элементарная частица; в истории государства – песчинка; в истории края или области – она может быть камешком придорожным или увесистым камнем.

В истории же села – жизнь каждого видна как на ладони, и хорошего человека долгие годы будут помнить односельчане, особенно если его жизнь была монолитом и он был тем локомотивом, который вёл своё село, своих односельчан к достойной жизни.

Это звучит с пафосом, но это так.

1985 год – в СССР началась перестройка.

1987 год – ушёл на пенсию «по собственному желанию» Фёдор Леонтьевич Гуляев, проработав в правлении колхоза-миллионера «Россия» Каменского района Алтайского края 33 года. Из них 21 год беспрерывно руководил колхозом и поднял его с нуля на высокий уровень, сделав передовым как в социальном статусе, так и производственном: высокотехнологичным и экономически эффективным. А на «земле» к 1987 году его общий стаж составил 55 лет из прожитых им 61 года (имеется в виду, что деревенские ребята начинали помогать своим родителям при посадке и копке картошки на огороде и в поле на уборке урожая уже с 4–6 лет).

1991 год – распался СССР.

Много воды утекло с того времени.

В колхоз «Россия», состоявший из четырёх деревень, приходили, меняя друг друга через короткие промежутки времени, новые «эффективные менеджеры». И, откусив свой кусок от доброго каравая, отлаженного годами производства, уходили.

«Менеджеры» приходили и уходили, а председателей, настоящих хозяйственников, у колхоза «Россия» больше не было. Ни одного!

Так, со временем «благодаря эффективности но-

вых менеджеров» исчезли с лица земли Новоярковской:

- Дом быта, в котором работали свои швейная, сапожная и рембытмастерская, парикмахерская, фотосалон и пимокатный цех;

- солидная звероферма по выращиванию песцов и соболей;

- животноводческий комплекс с фермами КРС, свиноводства и овцеводства;

- мощный кирпичный завод, позволяющий ежегодно строить для работников колхоза и молодых специалистов по 8–10 двухквартирных жилых домов со всеми удобствами, а излишки кирпича продавать в другие хозяйства;

- столярный цех с пилорамой;

- общественная колхозная баня и прачечная;

- один из лучших в районе культурный стан ученической производственной бригады;

- прекрасный плодово-ягодный сад.

Всё это теперь ушло в далёкую историю – «успешно» поработали новоявленные молодые «менеджеры».

Дорога в председатели

Уроженец небольшого села Новообинцево Шелаболинского района Алтайского края, Фёдор Леонтьевич с малых лет познал тяжёлый крестьянский труд. Четырнадцатилетним начал работу плугарём, штурвальным, потом комбайнёром.

В 1942 году пятнадцатилетний Фёдор был награждён медалью «За трудовое отличие», которая в военное время приравнивалась к боевой медали «За боевые заслуги».

После войны поступил в Каменскую агрошколу.

Окончание учебы совпало с началом целинной эпопеи, и 28-летний молодой специалист в феврале 1954 года избирается председателем колхоза в посёлке Павловский Каменского района.

Возглавляемый им колхоз, а затем и Павловское отделение совхоза «Октябрь», созданное в апреле 1957 года, заметно выделялись по производственным показателям среди хозяйств района.

В 39 лет – руководитель одного из крупнейших на Алтае колхозов с почти тринадцатилетним стажем работы в сельском хозяйстве, он успешно защитил диплом учёного-агронома заочного отделения АСХИ.

Двадцать один год Гуляев был бессменным руководителем колхоза «Россия», в который входили четыре населённых пункта, расположенных в 15–20 километрах друг от друга.

Особой заботой председателя и правления колхоза были развитие социальной сферы и строительство жилья.

При Гуляеве в Новоярках появились новые улицы замечательных домов: строил колхоз много и не только на центральной усадьбе, но и в посёлках Зелёная Дубрава, Филипповский.

При Фёдоре Леонтьевиче колхоз готовил своих специалистов в вузах и техникумах – и массовых профессий, и руководящие кадры, выплачивая им колхозную стипендию в два раза больше государственной. В результате чего к руководству производственными участками колхоза пришли грамотные люди, выращенные в родном селе, в родном коллективе.

Фёдор Леонтьевич – заслуженный работник сельского хозяйства СССР, награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» и многими медалями и почётными грамотами СССР.

Иван Лоор (депутат Государственной Думы РФ с 2016 года) сказал о своём учителе Фёдоре Леонтьевиче Гуляеве во время посещения села Яровое 2 июля 2011 года:

«Я имею некоторую слабость – излишне придирчиво подхожу к руководителям в вопросе внимательного отношения к кадрам. Особенно к людям старшего поколения, внесшим значительный вклад в развитие какой-то области, какой-то территории. Фёдор Леонтьевич Гуляев – бывший председатель колхоза «Россия» Каменского района, один из опытнейших руководителей Алтайского края в области АПК.

Мои корни сельские, вы знаете, я девять с половиной лет работал директором совхоза и многому у него научился – мудрости, крестьянской основательности. Надо сказать, что Фёдор Леонтьевич сумел выстроить в колхозе социальную базу. Подход к этому у него был не жёсткий, государственный.

Он понимал, что крестьянин должен иметь собственную усадьбу, дом, надворные постройки, огород. И всё это ему удавалось сделать.

Он никогда не принимал шаблонных решений, поэтому этот колхоз был одним из лучших в Каменском районе.

Сегодня Фёдор Леонтьевич вынужден сменить место жительства и поселиться в Яровом, живёт у сына. Быть в Яровом и не посетить своего учителя, гордость сельскохозяйственного производства края, было бы не совсем правильно.

Я очень доволен, что Фёдор Леонтьевич в добром

здравии, интересуется делами края и города. И из его уст услышать оценку, что Яровое – красивый, чистый город, – это дорогого стоит».

Вот что рассказал мне о себе Фёдор Леонтьевич:

– Да, я бы тоже на фронт пошёл, в 1945 году, где-нибудь в январе-феврале, мне 18 стукнуло 21 декабря 1944, но не взяли. Я уже комбайнёром работал тогда. А комбайнёрам бронь давали от фронта. Да и Пащенко Александр Васильевич, директор МТС, горой за меня встал. Хороший был мужик. Рассудительный и грамотный. Война шла, а мы в поле работали. Потом награждать стали механизаторов. И меня тоже представили к награде осенью 1941 года. К медали. А мне ещё и пятнадцати лет-то не было. Я до смерти рад был, что наградили. А медаль была «За трудовое отличие». Особо-то она невысокая была, не орден, но важно то, что правительственная была награда. И то, что мне-то и пятнадцати лет не было. Гордость была у меня большая за ту медаль.

Так вот, в то время директор МТС имел большой вес в районе, это, конечно, было решение правительства, но МТС тогда и так сильно уважали. Механизаторов-то тогда было мало, а зерно-то надо было сеять, да и хлеб надо было убирать. Вот тогда такие, как я, восемнадцатилетние, и работали на комбайнах. Ну, конечно, и постарше нас были, но молодёжи больше было. Даже и девчонки, и женщины работали механизаторами. Я считался не на плохом счету, потому что вкалывал будь здоров – не считался ни с временем, ни с трудностями. Вот и дали мне отсрочку от фронта...

...Потом я уехал из деревни в Камень учиться в сельхозтехникум. Сразу там не приняли, опоздали мы с другом моим Обуховым месяца на три. Но на-

стырные были, да и директор техникума нормальный мужик оказался: «Вольными слушателями побудете, а там поглядим. Оправдаете доверие, значит, и в учащиеся переведём».

Оправдали, значит, мы доверие. После нового года приняли нас на постоянное обучение. Там меня вскоре избрали секретарём комитета комсомола. Потом в райкоме немного поработал инструктором по сельскому хозяйству. А после райком преобразовали в горком. И вот как-то приглашает меня первый секретарь горкома, толковый был такой мужик. «Ну, – говорит он мне, – решили мы направить тебя в колхоз председателем поработать. Голова у тебя работает, сам тоже деревенский, механизатор, вон, даже медаль трудовая у тебя уже есть. Пора, брат, и на самостоятельное руководство идти».

И мне дали колхоз. А я тогда молодо выглядел. Второй секретарь привёз, значит, меня водружать в председатели. Народу в старом здании собралось много, освещение плохое, накурено. Вот одна женщина ему и говорит: «Что вы его к нам привезли, пацана-то! Мы же его угробим!»

Деревня была такая захудалая. Все дома в деревне – завалюхи, и в основном саманные, из глины и соломы... Ну, в общем, когда мне предложили слово в заключение этого собрания, наговорил я им там разного: что трудно, но дисциплину кто нарушать будет, буду наказывать, лентяев не потерплю, и ещё много чего. Особо я неряшливых не любил, небритых и пьяных. Так им всё и высказал. Думаю, скажу, как думаю, авось не изберут – молод ещё вдобавок! А они взяли да и избрали меня!.. Ну, что делать? Избрали люди – работать надо! Пришёл на работу в первый день, а там, в конторе, – дымина! Накурено, хоть топор вешай! Кто как сидит: кто семечки щёл-

кает, тот шелуху на пол сбрасывает, у женщин на подбородках, а у мужиков некоторых на бородах эта шелуха висит... Я как начал их шерстить за это сразу с порога. «И что, – говорю, – будете с этими бородами в шелухе идти по всей деревне?! Чтобы ребятишки над вами смеялись? Не люблю я этого! Всем, говорю, ясно! Чтоб я больше этого не видел!»

А потом слышу, там между собой перешёптываются: «Смотри-ка какой! Молодой, а строгий! Круто берёт!»

А по-другому было и нельзя. Избрали – сами виноваты.

Вот так потихоньку порядок и навёл. Правда, потом ещё пришлось повозиться с некоторыми моментами, но главное было сделано в начале. Но мне как-то всегда везло: урожаи всегда были хорошие, часто, почти всегда самые большие в районе. Исходя из центнеров на один гектар. Земли были очень хорошие – новые, неизношенные. Это меня и выручало. Ну и конечно, люди. А потом меня везде в пример стали ставить, на разные совещания приглашать и всё время в президиум совещаний выбирали.

...А я тогда один из первых в районе, да и в крае, начал колхозникам деньги платить вместо трудодней! За это чуть партбилетом не заплатился, да и из председателей чуть не слетел. Ходил по инстанциям, доказывал, что деньгами надо платить людям. Деньгами, а не трудоднями. На грани прямо ходил, как по лезвию. Но в крайкоме партии секретарь поддержал меня, отстали. А там вскоре уже и в правительстве решение было принято об оплате труда деньгами.

...А начал я со стройки. В наш колхоз армяне приезжали лет семь или восемь подряд. Скотные дворы и фермы строить. А мне нужно было, чтобы они жи-

лые дома для колхозников строили. А они не хотели: скотные дворы проще было строить, чем жильё, ответственности меньше. Вот тогда я им и поставил задачу-условие: постройте качественно пять домов, а потом всё остальное. И промышленные здания, и фермы, и прочее разрешу строить! Вот они и начали строить – деваться-то некуда, заработать охота! Этим я и спасся. Они потом потихоньку строят дома, скрипя сердце, но договор есть договор! А мне хотелось всю деревню перестроить – переселить всех наших колхозников из лачуг в новые дома, чтобы с водопроводом, с электричеством были.

Вот так и удалось всё.

Потом года через два после этого мы за лето начали строить по двадцать квартир, то есть по десять двухквартирных домов. Улицами начали строить, всё капитально, вплоть до сарая и бани к каждой квартире. Поставил я себе задачу: все саманные дома убрать, а построить новые людям. Саманные-то они тёплые дома были, а вида не имели. А хотелось, чтобы деревня красиво выглядела, чтобы жилось в ней людям хорошо и интересно, как в городе. Вот это была моя мечта!

...А в 1965–1967 годах я завёл звероферму, пимокатную построили: валенки катали отличные, красивые такие. Ребят подобрал, платил им хорошо – от души, у них работа тяжёлая всё-таки, но и делали они свою работу здорово!

А баню какую тогда отстроили для колхозников! О-о-о! Чтобы пенсионеры-колхозники могли дома не топить, а в баньке помыться! Хорошая была баня, настоящая, просторная и тёплая. Так вот я принял решение такое!

Помню, случай такой был. В первые дни работы колхозной бани я проезжал мимо и думаю: дай-ка

узнаю мнение людей. Как им это, нравится или нет? Подъехал, а из бани дед вышел с веником и сумкой с бельём сменным, видимо. Так он возле бани, так, бух на колени прямо около меня, мне в ноги: «Спасибо, сыночек, спасибо тебе за баню, за воду!»

Мне так неловко было, что он на коленях передо мной.

...Про клуб. Первоначально меньше клуб собирались строить, а тут рабочие откопали клад и мне сообщили. Сколько смогли, собрали и в банк через милицию сдали. Всё по описи. А рабочие ещё долго там копали в разных местах, всё гроши искали, а вдруг. Колхозу премию за этот клад тогда выплатили, как полагается. Мы эти деньги на строительство клуба направили, дополнительно. Клуб построили тогда хороший, на четыреста мест. Архитектура, правда, его мне не совсем понравилась: крыша у него такая плоская, вида не имела, а внутри он ничего, просторный получился, будь здоров! Я тогда в Бердске закупил сиденья-кресла прямо полностью, сразу поставили, все четыреста.

...Потом я первое, что сделал, – это электричеством занялся. Сначала в деревне были две свои дизельные станции – одна электричество давала в дома, не во все правда, другая на фермы. Работали они до 12 ночи, с 6 утра. Неудобно было так. И вот я задумал к центральным сетям подключиться, чтобы электричество было всегда, централизованно. Закупил провода в бухтах, столбы заготовил. А что дальше делать, сразу не знал. Так мне один директор на совещании подсказал: «Ты пару плиточек шоколада возьми... Она очень шоколад любит...» И подсказал мне фамилию дамы одной из территориальных электрических сетей. Он, видимо, знал её хорошо, вот и посоветовал мне взять

пару шоколадок и ехать к ней. Слабость, видимо, у неё к шоколаду была. А она решала все вопросы с энергообеспечением всей западной зоны края. Ну, я эти плитки-то взял и поехал. Приехал к ней, подсел так к столу и шоколадки на край стола положил. А вручить – не знаю как! У меня аж уши загорелись... Неудобно! Да и нахально не могу. Сижу, краснею. А она посмотрела на меня так с улыбочкой и говорит: «Вы, наверное, что-то хотите решить? Вопрос какой-то?»

Меня даже как-то дёрнуло, как-то она мне вот так в такт подсказала, что ли. Я ей: «Да, хотел решить важный вопрос по электроснабжению нашего колхоза. Что же, с 6 утра и до 12 вечера только есть свет, а потом полная тьма в деревне!»

Она мне тогда и говорит: «Я могу всё это решить только с одним условием: бригаду свою пошлю, но чтобы вы кормили их хорошо. А то в одном колхозе, в Тюменцевском районе, мы обожглись, а теперь боюсь бригады посылать! Они же голодные не могут работать! А там подвели меня, почти не кормили ребят».

Я ей и говорю: «Даю клятву – голову на отсечение, что буду кормить, да ещё и в запас дам!»

Она посмеялась так от души: «Ну, уж если вы так серьёзно говорите, можно и поверить!»

Ну вот, приехала вскоре бригада и давай старые столбы валять, новые ставить. Быстро у них работа шла. Где бы мне своими силами колхозников было так сделать. Сделали бы, конечно, но долго бы, да и качество было бы всё равно не то, как государство делало. А потом мне же надо было подключиться к Новосибирской ГЭС! А это через Обь протянуть провода, перебросить линию. Где бы мне это было колхозом сделать, когда я понятия не имел, как это

делать. Она мне и тогда помогла. Эту линию вертолётами через реку тянули. А вертолёты выделить – решали только в Новосибирске. Вот эта женщина все эти вопросы и решила.

Вот так я пару шоколадок ей купил, а она мне для колхоза такое дело провернула. Вот я и голову не ломал, единственное, что сделал, скотским мясом обеспечил бригаду, да и кормили их здорово! Вся бригада была очень довольна. Так решился вопрос. И по сей день этим электричеством пользуются в деревне.

...У нас и пасека больша-ая была, хорошая пасека! Звероферма, кирпичный завод, пилорама и столярный цех приличные были. Кирпичный завод был будь здоров! Он обеспечивал почти весь Каменский район кирпичом. Это помимо того, что мы ещё сами строили по десять двухквартирных жилых домов в лето! Вначале у меня не получалось с кирпичом, потом я заменил руководителя кирпичного завода: женщину поставил – и дело сразу пошло в гору! Сначала мне все говорили: что ты, мол, женщину ставишь, чего она сможет сделать? Мужика бы надо. А у этого руководителя, которого я снял с работы, родни в деревне было много, вот они за него и заступались – взъерошились на меня! А потом женщина показала всем, как дело надо делать. А Парфёнов после давай меня звонками одолевать: «Этому дай кирпич, тому дай кирпича!» Ну и давал я кирпич...

Не бесплатно, конечно, прибыль получал с этого колхоз. Это тоже выручало здорово!

А сейчас уже всё! Говорят, что не работает больше кирпичный завод. И пилорамы со столяркой нет, и зверофермы тоже. Говорят, что даже следов не осталось... Как всё изменилось! Столько трудов было во

всё вложено, а теперь этого нет!..

...Тридцать лет я там только руководил в замах, потом председателем! Все молодые годы там остались!

***

2016 год – умер председатель Фёдор Леонтьевич Гуляев, не дожив до 90 лет четыре с половиной месяца. Похоронен Фёдор Леонтьевич с почестями в родном колхозе, в селе Новоярки.

После его ухода из председателей исчез и колхоз «Россия», став вначале «Востоком», затем «Новоярковским».

А память о нём у сельчан ещё живёт.

И асфальтированные улицы, сделанные при Ф.Л. Гуляеве, ещё держатся (качественно были сделаны в советское время), и Дом культуры с библиотекой и актовым залом стоит, слегка потрёпанный от времени, но ещё живой, и двухквартирные кирпичные дома светят окнами вечерами, и железобетонный мост через речку стоит!

Это всё – как памятник доброму хозяину, который думал о людях и работал для людей.

СЕРГЕЙ КРАСНОВ. Впервые на Алтае

Трагические события, развернувшиеся летом 1941 года в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз, стали тяжёлым испытанием для немцев, проживающих на территории СССР. Не обошли они стороной и семью Германов, которая на тот момент жила в городе Энгельсе – столице Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья. Там в предвоенные годы Адольф Иванович работал шофёром, а Клара Егоровна трудилась воспитателем в детском саду.

В августе семью Германов, как и семьи других поволжских немцев, депортировали на Алтай. Волею судьбы в сентябре того же года они оказались в селе Новый Чарыш Усть-Калманского района. Там Адольф Иванович стал работать на машино-тракторной станции.

Виктор Адольфович Герман, – как говорится в официальных документах, – родился 27 февраля 1948 года в селе Усть-Калманка Усть-Калманского района Алтайского края. На самом деле седьмой ребёнок в семье Германов появился на свет по дороге в роддом, в кабине грузовика, а роды у его мамы принимал сам глава семейства Адольф Иванович.

Детство у Виктора, как у многих детей послевоенного поколения, закончилось рано. После окончания четырёх классов Ново-Чарышской начальной школы он в возрасте одиннадцати лет поехал в райцентр – село Усть-Калманка, где продолжил учебу. Так у подростка началась самостоятельная жизнь.

Это обстоятельство не помешало ему успешно завершить среднее образование и перебраться в Барнаул, где уже обосновался его старший брат, который трудился на комбинате химических волокон.

В краевой столице юноша начал работать токарем на Алтайском моторном заводе (АМЗ). Вскоре

его перевели слесарем-сборщиком на участок сборки двигателей. Это было время, когда на предприятии разворачивали серийную сборку первых алтайских дизельных моторов марки А-01 для Алтайского тракторного завода.

Собирал привод гидронасоса. Работа ручная, требующая не только определённых навыков, но и терпения и аккуратности. А ещё большого чувства ответственности, и не только за себя. На конвейере, если ты оплошал, простаивают все остальные работники. Но семнадцатилетний Виктор справлялся, и справлялся хорошо. Уже через два года В.А. Герману присвоили звание «Ударник коммунистического труда». Такое звание получали далеко не все. На следующий год механосборочный цех, в котором он трудился, перевели в новый производственный корпус.

В цехе Виктор Адольфович проявил свои организаторские способности, и в 1968 году его назначили на должность мастера, затем начальника участка, старшего мастера и, наконец, заместителя начальника цеха по производству.

Эта должность в цеховой иерархии вторая после начальника цеха. Отвечать приходилось за всё: от организации производства до сдачи продукции контролёрам.

В то время в цехе работало более тысячи человек. Для Виктора Адольфовича это была серьёзная школа управления большим коллективом. Но для руководителя такого уровня нужны были знания, и он без отрыва от производства окончил Барнаульский вечерний моторостроительный техникум по специальности «технология машиностроения» и получил квалификацию «техник-механик».

Возможно, повлияло соединение практики с тео-

рией, полученной в техникуме, или сказались гены (отец Адольф Иванович любил технику, работая в МТС, восстанавливал тракторы и автомашины). Как бы то ни было, но у В.Г. Германа открылась тяга к изобретательству.

Первое авторское вознаграждение в размере 10 рублей он получил ещё в 1972 году за рационализаторское предложение. Кроме рацпредложений, а таких записей в его трудовой книжке более десятка, Виктор Адольфович имеет 16 авторских патентов на изобретения, полученных в разные годы.

Он так хорошо справлялся со своими служебными обязанностями, что за высокие производственные показатели в марте 1976 года был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Всего на сборочном производстве Виктор Адольфович проработал 15 лет.

В 1980 году профиль деятельности В.А. Германа кардинально меняется. Приказом М.И. Воронина, генерального директора Алтайского моторостроительного производственного объединения (так с 1978 года стал называться АМЗ), его назначили начальником цеха топливных насосов.

Разобраться в тонкостях производства этой весьма специфической части машиностроения может не каждый технар. Но он не просто разобрался, а полностью погрузился во все тонкости этого сложного процесса.

Скорее всего, по этой причине его перевели начальником цеха топливной аппаратуры № 2 (ЦТА-2), который в то время выпускал продукцию низкого качества и не справлялся с плановыми заданиями.

В стране вводили госприёмку, заводу требовалось повысить качество изделий. На этом поприще проявилось ещё одно качество Виктора Адольфовича,

которое сегодня называется «антикризисный менеджер». Через год, при поддержке генерального директора и вопреки мнению отдельных главных специалистов объединения, ему удалось резко повысить качество выпускаемой продукции и добиться стабильного выполнения плана.

Наступили времена перестройки, и в 1991 году ЦТА-2 был преобразован в ЗАО «Алтайский завод прецизионных изделий». О том, кто помогал Виктору Адольфовичу в приватизации предприятия, в этом уникальном для Алтая того времени эксперименте, и какие препятствия при этом пришлось преодолеть, можно написать отдельную книгу. Коротко скажем: процесс сдвинулся с мёртвой точки после вмешательства председателя президиума Алтайского краевого Совета народных депутатов А.А. Сурикова.

Впервые на Алтае новое предприятие получило сертификат собственности № 1. На тот момент случаев приватизации промышленных предприятий на всю страну были единицы. Не случайно Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, прилетевший на Алтай в конце мая 1992 года, ещё у трапа самолета, отвечая на вопрос корреспондента о цели визита, в том числе назвал «знакомство с приватизацией мелких предприятий». В процессе посещения Президентом РФ ЗАО «АЗПИ» Виктор Адольфович озвучил ряд проблем, в том числе потребность в новых производственных площадях. Выслушав, Б.Н. Ельцин дал отдельные поручения. Начиная с этого момента словосочетание «впервые на Алтае», связанное с именем Виктора Германа, будет звучать ещё не раз.

Технологическая перестройка, освоение востребованных на рынке, в том числе за рубежом, но-

вых видов продукции позволили создать базу для дальнейшего развития производства. Предприятие первым в России освоило выпуск высокоточного малогабаритного распылителя. И вновь впервые на Алтае – с 1994 года начались серийные поставки продукции в США, номенклатура которых вскоре достигла 70 наименований. Экономический кризис конца 90-х годов на АЗПИ преодолели достаточно успешно. В то же время переход на новый качественный и технический уровень требовал расширения производственных площадей.

Новые площади обеспечивали возможность создания рабочим условий труда европейского уровня. «Начав работать с американскими партнёрами, мы получили адаптацию к условиям мирового рынка, – вспоминал Виктор Адольфович. – Мы перешли на работу по американским стандартам, а они в некоторых отношениях выше европейских. Это была хорошая школа».

С 2004 года начинается успешное сотрудничество с международным концерном R. Bosch GmbH по поставкам топливной аппаратуры для ОАО «КАМАЗ». А с октября 2011 года начались серийные поставки более 40 модификаций распылителей под маркой «Bosch Made in Russia».

Барнаульская городская Дума отметила успешную работу В.А. Германа знаком «За заслуги в развитии города Барнаула». Администрация Алтайского края наградила медалью Алтайского края «За заслуги во имя созидания». В 2008 году ему присвоили звание «Почётный машиностроитель Российской Федерации».

Наконец предприятие достигло нового рубежа – орган по сертификации DQS GmbH (Германия) в 2015 году сертифицировал систему менеджмента каче-

ства АЗПИ, подтвердив её соответствие стандарту ISO/TS 16949. Этому способствовало и то, что заводская служба качества имела соответствующее оборудование, поставленное на предприятие производителями Великобритании и Германии.

Чтобы производить не только продукт высокой точности, но и оборудование, оснастку, стандовое хозяйство и электронику, ещё в начале 90-х годов на заводе приняли программу «Станкостроение». Организовали специальное подразделение, осуществлявшее изготовление и модернизацию станков, в которых нуждался завод. Сегодня основную часть оборудования на предприятии производят своими силами. Отдельные станки приобретают на вторичном рынке, с дальнейшей глубокой модернизацией и значительным улучшением качественных характеристик.

За высокие показатели в профессиональной деятельности в 2016 году коллективу ООО УК «АЗПИ» Президентом Российской Федерации была объявлена Благодарность. В том же году в немецком городе Карлсруэ, на совещании высшего руководящего состава концерна BOSCH, В.А. Герману вручили свидетельство о присвоении УК «АЗПИ» высшего ранга партнерства – статуса привилегированного поставщика. Второй случай в истории концерна и первый и единственный с российским предприятием.

Значимым событием для Алтая стал пуск в эксплуатацию в июле 2018 года первой очереди серийного производства полнокомплектных аккумуляторных топливных систем высокого давления типа Altay Common Rail System. А уже в декабре того же года с конвейера ПАО «КАМАЗ» сошли первые автомобили, оснащённые данной системой, которые успешно прошли эксплуатационные испытания.

Указом Губернатора Алтайского края сотрудникам УК «АЗПИ» присуждены две премии в области науки и техники за 2020 год. Первая – в номинации «Научные и технические исследования и опытно-конструкторские разработки, завершившиеся применением в производстве новых технологий, техники, приборов, оборудования, материалов и веществ». Вторая – за практическую реализацию изобретений решений в области управления и финансов. Ещё одна премия присуждена в 2021 году. И это не случайно.

Многие годы в содружестве с Алтайским государственным техническим университетом им. И.И. Ползунова предприятие готовит для своих нужд молодые кадры. Когда выпускники вуза приходят на завод, они попадают в руки опытных инженеров-наставников, как бы проходят своего рода доводку. Сегодня в коллективе трудятся 1100 работников, при этом средний возраст составляет 34 года.

Виктор Адольфович немало времени уделяет общественной работе. Когда в конце 90-х предприниматели Ленинского района создали Совет предпринимателей, В.А. Герман был избран первым его председателем. К этой общественной нагрузке он подошёл со свойственной ему основательностью. Совет, на тот момент единственный в Алтайском крае, получил статус юридического лица, на чём настоял Виктор Адольфович.

На посту председателя Совета предпринимателей он проработал 20 лет. Отстаивая интересы промышленности, малого и среднего бизнеса, участвовал в работе представительных органов города и края. Совет не раз выходил с законодательной инициативой по различным вопросам. Ряд предложений вошли в нормативные и правовые акты.

Четыре года В.А. Герман был членом правления, а с 2016 года является председателем правления Союза промышленников Регионального объединения работодателей Алтайского края. Он входит в попечительский совет Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Кроме того, в совет директоров промышленных предприятий Барнаула при главе администрации города, общественный советник главы администрации Барнаула по вопросам промышленности. Участвует в различных общественных и благотворительных проектах.

На протяжении ряда лет является членом Краевой национально-культурной автономии немцев Алтай. Герман Адольфович лауреат Всероссийского конкурса «Лучшие имена немцев в России – 2023» в номинации «Эффективный руководитель».

Помимо перечисленных наград, в разные годы был награждён орденом «За заслуги перед Алтайским краем» II степени, медалями Алтайского края – Юбилейной и «За заслуги в труде». Медалью «За доблестный труд» Союза машиностроителей России и нагрудным знаком «Барнаул». Медалью им. Акинфия Демидова Союза промышленников Алтайского края и медалью А.А. Ежевского от Минпромторга Российской Федерации под № 1.

Виктор Адольфович Герман кавалер золотого почётного знака «Общественное признание» Национального фонда «Общественное признание». Лауреат награды «Европейское качество» Европейского фонда управления качеством. Решением депутатов Барнаульской городской Думы в 2020 году В.А. Герману присвоено звание «Почётный гражданин города Барнаула».

ЮЛИЯ НИФОНТОВА. Эстафета доброты

В детстве очень сложно выбрать свой путь, понять, кем же ты на самом деле хочешь быть. Так и я очень долго не могла определиться, знала только одно, что жизнь моя будет связана с искусством.

В младших классах с удовольствием ходила в школьный хор, потом с упоением занималась в театральной студии. А ещё всю жизнь рисовала свои фантазии. Последние странички моих тетрадок были испещрены рисунками – сказочными историями с продолжением.

Помню, началось всё с того, что мне поручили оформить школьную стенгазету, а я до того увлеклась, что на большом ватмане почти не осталось пустого места, да ещё статейки были проиллюстрированы весьма узнаваемыми портретами учителей и одноклассников. Тогда-то классная руководительница посоветовала моим родителям записать меня в художественную школу.

Художка в то время (события происходили в 1984 году) была в городе единственной. Это сейчас их несколько, а раньше лишь деревянное старое зелёное здание, похожее на заброшенный дом разорённого помещика, могло дать начинающему художнику дорогу в искусство.

Я начала трепетно готовиться к поступлению: собрала в папку рисунки, спешно пыталась доделать незавершённые наброски. Но родители работали в больнице – им было некогда, папа-хирург не вылезал из ночных дежурств, а у мамы находились другие, более важные дела. Время шло, я же не находила себе покоя.

Курс обучения в художественной школе – четыре года, а я училась в предвыпускном классе и никак не могла бы успеть завершить учёбу в художке к окончанию общеобразовательной школы.

От этого становилось ещё тревожнее. И, в конце концов, я решилась идти сама.

Ехать нужно было с пересадкой на Гору. Слов нет рассказать, как мне было неловко и боязно переступить порог странного незнакомого дома.

В полной растерянности я стояла под высокими сводами в широком коридоре, больше похожем на танцевальный зал. Сверху вниз на меня удивлённо поглядывали длинные окна и белые могучие статуи. От полного смущения и подавленности я зашла в единственную открытую дверь. Как важно, оказывается, в жизни зайти именно в ту – самую нужную, необходимую дверь.

Сидящие за мольбертами ребята даже не обратили на меня внимания – мало ли кто ходит поглазеть на настоящих художников. Они внимательно изучали глиняную крынку с маленькой луковкой на ярко-красном фоне. От мольберта к мольберту сновал невысокий человек с круглой бородой, больше напоминающий сказочного гнома, чем строгого педагога.

Действительно, Валентин Людвикович Годлевский был вовсе не похож на учителя, то есть на важного строгого педагога, какие учили меня в обычной школе. Улыбчивый, суетливый, говорит быстро... и слишком много непонятных слов: «композиция», «рефлекс», «перспектива».

И всё же именно его я называю самым главным Учителем в моей жизни. Именно он тогда не оттолкнул меня – мол, поздно спохватилась, а дал шанс. Посмотрев мои рисунки, которые казались мне самой тогда почти шедеврами, он сказал лишь: «Ну что ж, давай попробуем».

Потом, обучаясь основам мастерства, я быстро осознала, как разительно отличались мои кружев-

ные танцовщицы и кудрявые феи, набросанные быстрым пером, от тех реалистических выверенных построений, которым учит изобразительная наука.

Но Учитель не сказал мне, что мои рисунки – это всего лишь непрофессиональные, любительские почеркушки, вкусовщина, дилетантская блажь, без тени попыток приблизиться к настоящему академическому рисунку. Нет! Он сказал: «Давай попробуем».

Не знаю, почему он решил так рискнуть? Загадка и поныне. Может, мои полные страха и надежды глаза его подтолкнули на эту чистой воды авантюру. Слышанное ли дело взять великовозрастную неумеху практически накануне последнего года обучения!

Но Валентин Людвинович на свой страх и риск зачислил меня сразу в третий класс (причём шла уже последняя четверть!), так что мне предстояло усвоить весь курс обучения художественному ремеслу почти за один год.

Я потом не раз задавала себе вопрос: а пошла бы я на такой риск, особенно когда через десять лет я стояла именно в этом классе, но только не в роли начинающей ученицы, а в роли молодого педагога выпускного класса художественной школы № 1, а моим подопечным предстояло сдавать экзамены по рисунку, живописи, истории искусств и писать дипломную работу по композиции?

Частенько впоследствии мне из-за собственной несдержанности подчас хотелось отчитать какого-нибудь нерадивого ученика, однако что-то останавливало меня. И, думаю, что это «что-то» – воспоминание о той сердечности, отзывчивости Учителя и Человека, который не оттолкнул, не от-

махнулся, не испугался лишних хлопот, а поверил в меня и сказал: «Давай попробуем».

А потом началась учёба, и не всё было гладко, ведь мне предстояло догнать моих одноклассников, которые по всем профессиональным навыкам и знаниям убежали далеко вперёд.

Художественную школу я окончила круглой отличницей, как и многие мои одноклассники. Да и как же могло быть по-другому! Как же можно подвести, разочаровать человека, который так беззаветно верит в тебя.

Душевность, терпение, уважительное отношение к маленькому человеку как к равному, умение разглядеть прекрасное даже в самых привычных вроде бы вещах – вот что отличало нашего Учителя. Весьма банальная, наверное, фраза: «Его глаза излучали свет удивительной доброты», но другой подобрать я не могу, потому что было это именно так.

Действительно, когда Валентин Людвилович разговаривал с кем-то из учеников, казалось, что этот мальчик или девочка самые главные для него люди, что никого нет важнее на всём белом свете. Помню, как он часами мог заниматься только со мной, терпеливо повторять и объяснять, приводя неожиданные и смешные примеры.

Иногда Валентин Людвилович приводил в класс известных алтайских живописцев, и мы внимательно следили, как наш постановочный натюрморт пишет настоящий мэтр. Но чаще всего Учитель сначала сам писал постановку, показывая на своём примере все этапы работы. Под ловкой и умной рукой мастера набившие оскомину крынки и муляжи фруктов с драпировками превращались на холсте в живой одухотворённый мир тихой жизни вещей.

Наш Учитель никогда не упускал шанса «выгулять отряд на пленэре». Как только выдавалась хорошая тёплая погода, мы шли на берег Оби или на улочки частного сектора, да просто в наш школьный сад, заросший дикими ранетками и кустарником, и зарисовывали с натуры свои наблюдения.

Благодаря Валентину Людвиновичу я не только освоила азы изобразительного искусства, но и смогла принять и полюбить окружающую реальность гораздо больше, чем надуманный эфемерный мир грёз, в котором парили мои изломанные экзальтированные танцовщицы и бестелесные феи.

После окончания художки многие ребята из класса, в котором преподавал Валентин Людвинович Годлевский, поступили в Новоалтайское художественное училище. Ведь все мы хотели быть именно такими, как он, – наш Учитель. Так получилось, что мои одноклассники стали ещё и однокурсниками: Оксана Божко, Наталья Осьмушкина, Павел Гавриченко, Евгений Семин, Оксана Шалухина, Наталья Лукьянцева и другие.

Большинство из учеников В. Л. Годлевского после окончания училища преподавали изобразительное искусство детям. Многие стали известными художниками, например, Павел Гавриченко, член Союза художников России. Окончив Российскую академию живописи ваяния и зодчества, принимал участие в росписи и реставрации многочисленных храмов Москвы и Подмосковья, в том числе и храма Христа Спасителя. За этот труд он награждён грамотой Святейшего Патриарха Алексия II.

Наталья Ланскова – преподаватель высшей квалификационной категории факультета искусств

Алтайского государственного университета, лауреат муниципальной премии Барнаула в области изобразительного искусства.

Думаю, таких учеников-продолжателей дела своего Учителя, что передают будущим поколениям художников тот свет любви и преданности искусству, что достался нам от него, на самом деле очень и очень много.

Мне же посчастливилось работать именно в той старой художественной школе и именно в том самом классе, куда я пришла когда-то со своими наивными набросками и большим желанием стать художником. Затем много лет преподавала специальные предметы эстетического цикла (живопись, графику, декоративно-прикладное искусство, мировую художественную культуру и т. д.) в профильном художественно-графическом классе гимназии № 25. Ныне и класса такого больше нет и гимназии тоже. Да и я занимаюсь теперь другим искусством.

Нет больше на свете нашего любимого Учителя... Но осталась память и тот негасимый свет, который он сумел вложить в нас. Этот живой огонёк мы постараемся передать дальше – детям, ученикам, людям, что идут с нами рядом по этой земле, и пусть никогда не закончится эта эстафета доброты и любви к настоящему искусству, которую передал нам наш Учитель.

ИВАН СКОРЛУПИН. Иван Рот: Я наработался всласть

Имя механизатора колхоза имени Ленина И. Э. Рота в годы его трудовой деятельности не сходило со страниц районной газеты «Ударник».

План двух пятилеток он выполнял за пять лет. За получение высокого урожая кукурузы на силос ездил на ВДНХ в Москву. Награждён тремя орденами, и его едва не приравнивали к званию Героя Социалистического Труда.

Это далеко не полный перечень заслуг Ивана Эдуардовича перед родным хозяйством. О нём можно слагать легенды. Выйдя на пенсию, он каждое лето трудится на тракторе.

В беседе участвовала жена Ивана Эдуардовича – Федосья Андреевна. Хозяйничая на кухне по случаю дня рождения мужа, она иногда выходила к нам в зал, чтобы поделиться своим мнением.

Улетели в никуда... Были? Не были?

– Иван Эдуардович, говорили, у вас в 1991 году на сберегательной книжке сгорела очень большая сумма. Это правда?

– Сорок две тысячи.

Федосья Андреевна: – Это ты только свои деньги считаешь? Если общую сумму, нашу с тобой, иметь в виду, то шестьдесят тысяч будет.

– Ну, значит, шестьдесят. Машину собирались новую купить, детям помочь. Дочь у нас, она сейчас в школе работает, в том году в Антоньевку переехала...

Помню, я трактор ремонтировал, когда пошли разговоры: мол, надо срочно деньги менять, куда-то надо тратить, чтобы не пропали. Но мы не верили, что советская власть народ обманет.

– А что, у вас не было возможности разумно потратить деньги? Или не хотели?

– Что значит «не хотели»? Мы их и тратили, но действительно разумно. Сыну на машину восемь тысяч дали (а её стоимость – 9,5 тысячи) дочери гарнитур купили.

Ф.А.: – Да, мы не бедствовали. Для жизни, что надо было, всё имели. К тому же привыкли складывать деньги на чёрный день. Поэтому не имели такой привычки, чтобы тратить как попало.

– И как вы эту трагедию пережили?

– Пришлось смириться, конечно. У некоторых сумма на сберкнижке до восьмидесяти тысяч рублей доходила. Но всё же хочется верить, что государство каким-то образом вернёт наши деньги.

Ф.А.: – Ушли – и ушли. Что теперь об этом...

Я в тракторе не скучал

– Какой же вы для себя сделали вывод, Иван Эдуардович? Вы ведь, как теперь бы сказали, работали по-чёрному. В буквальном смысле без выходных и праздников...

– Да ну, по-чёрному... Для меня работа всегда была в удовольствие. Предложи мне тогда «Беларусь» – ни за что бы не взял. Мне надо, чтоб действительно работать. Чтоб гусеницы у трактора были. Чтоб тяжело приходилось: в бор за лесом зимой ездить. Хоть на Луну – тоже ведь сложно. Такие вот выходки...

– Ну и что хорошего? Вы не обижайтесь, пожалуйста. Мне интересно докопаться до сути. Не секрет ведь, многие работают трактористами в силу необходимости кормить семью. Пришёл на работу, отбыл день...

– Да я пел в тракторе! Только вы об этом не пишете. А то скажут чего... Мне не было скучно в кабине трактора! Я придумал для себя игру: занимался умно-

жением чисел. Любые числа с окончанием на пятёрку брал и перемножал. Запишу результат, чтобы потом проверить. Я ведь до рабочего дня дома многое успевал. Жене помогал. Никогда на её плечи своего не перекладывал. И сейчас такой же. Вы вот спрашиваете: какой я вывод для себя сделал, когда деньги пропали? Меньше и хуже работать не стал.

– Помню, о вас говорили, будто зимой после бани вы надевали тулуп и ехали ночью в лес?

– (Смеется.) Басни это! Ездил в лес – это было. А чтобы сразу после бани...

Ф.А.: – Он дома ночевал дважды в неделю! Пока разгружает лес, я сумку ему в дорогу соберу, и он снова уезжает.

– Не сидеть же! Другие тоже ездили. Не один я такой был.

– Один из райкомовских работников рассказывал спустя некоторое время после того, как вас «прокатили» с третьим орденом Трудовой Славы, что вашу фамилию вычеркнули из наградного листа только потому, что в районе уже было два Героя Социалистического Труда. И третий для такого небольшого района, как Петропавловский, означал, извините, перебор. Кавалер трёх орденов Трудовой Славы ведь приравнивался к званию Героя. Вы знали, из-за чего вас не наградили?

– Я простой человек. Нет значит нет. Что теперь об этом говорить?

– И всё же, Иван Эдуардович, как вы к этому отнеслись? Наверняка ведь душа болела?

– За три своих ордена я сейчас получаю надбавку к пенсии.

– Признаюсь, случается про вашу несостоявшуюся награду рассказывать молодым. И всякий раз я поражаюсь тому, что вам не только ордена не дали,

но даже «взамен» медаль никакую не вручили. Можете прокомментировать?

– Сам я орденов не просил. Пороги ни до, ни после в кабинетах не обивал. Решили не награждать, ну и решили...

– Ордена и другие награды носите?

– А куда с ними ходить?

– Может, в школу приглашают? На какие-нибудь встречи? В клуб, например.

– Как-то собирались пригласить, награды переписали. Этим всё и закончилось.

– Извините, но не досадно ли – самые что ни на есть трудовые награды российская власть вычеркнула, а появились ордена с крестами?

– Общественный строй сменился. Власть вынуждена была вместо серпа и молота на орденах изображать орла, кресты. Стёрся старый строй, стёрлись и награды. Сейчас, судя по «Алтайской правде», склонны присваивать звания заслуженных механизаторов, работников сельского хозяйства, врачей, учителей.

– Получается, что вам впору сказать, будто напрасно жизнь прожили. Дай бог, чтобы я ошибся и вы думали иначе. Если хотите, готов за вопрос извиниться.

– Я доволен своей жизнью, хоть и провёл её пахарем. По туристическим путевкам все города-герои проехал. И не на один раз, а на три. С 1978 по 1988 год пять или шесть раз ездил по стране. Это же и сегодня интересно вспомнить! Я помню всех, с кем ездил, с кем общался. У меня и фамилии записаны.

– На курортах довелось побывать, наверное? При ваших-то заслугах...

– От курортов всегда отказывался. Что бы я там делал?

Ф.А.: – Он, Иван Фёдорович, и поныне не знает, что

такое головная боль. Зуб вот только некстати что-то разболелся. В первый раз.

– Не в первый... Я два зуба вырвал...

Спорт меня закалил

– Вот мы и подошли к теме здоровья. У меня как раз по этому поводу вопрос заготовлен. Чего греха таить, из-за ухудшения здоровья немногим трактористам удавалось доработать до пенсии на технике. Случается, люди вашей профессии раньше времени уходят из жизни. Как вам удалось сохранить здоровье? Родительские гены?

– Я рождён был здоровым. Это одно. Во-вторых, физкультура и спорт помогли мне закалиться. Бывало, в клуб придёшь – кино посмотреть – и до сеанса с ребятами штангу поднимаешь. Кто больше? Для меня 95–97 килограммов – край. А вот Владимир Вишняков, он живёт теперь в райцентре, 102 килограмма брал. Сашка Нечаев, он рано ушёл из жизни, по весовой категории нам уступал. Казалось бы, слабее должен быть, а поднимал 107 килограммов. В бильярд часто играли – тоже хорошая тренировка. К чему я об этом? А к тому, что азарт в нас сидел. Бывало, так заиграемся штангой или в волейбол, что и про кино забываем. Волейбол я очень любил. Сезона четыре сено вручную метал, на руках мозоли огромные от вил. Казалось, всё – никуда вечером не пойду. А разве усидишь? Свидетели есть, подтвердить могут.

Нам было по 20–30 лет. Я в высоту на соревнованиях прыгал, ДОСААФ в селе вёл. Это вообще интересно! Собираемся в воскресенье в клубе, поиграем в волейбол, а потом клич бросаем: «На стрельбы!» Устраивали соревнования в честь праздников, зна-

менательных дат. У меня и грамоты сохранились.

Порезвемся. Постреляем. Отдохнём. У нас были две винтовки, четыре воздушки. Потом, где-то году в 65-м, их, наверное, в милицию сдали. Помните, строже спрашивать стали за хранение оружия. А условий у нас не было. Словом, спорт помог мне не быть хилым.

Телевизор дан для вечера

– Сейчас, как я уже понял, на здоровье не жалуется, а больной зуб – явление временное. Вы, я слышал, продолжаете работать. Денег не хватает? Или дома скучно?

– Мне хватает того, что есть. А работать, я уже говорил, интересно. Я сам не буду никому завидовать и себя в покое не оставлю, чтоб в стороне не сидеть. На пенсии ни одного года без дела не был. Первые два года на ДТ-75 междурядья в колхозном саду обрабатывал, капусту поливал. Два последних года летом навоз с фермы выдвигаю. Только не перепутайте – зимой я не работаю, трактор приходится оставлять. Потому что для него нет нужной работы. Техника большая. Расходы немалые. А лишних денег нет. Дважды дамбу делал. Для конных гонок в топольнике площадку готовил – тополя вырывал.

– Пойдите-ка, вам разве 64, Иван Эдуардович?

– Сегодня вот как раз день рождения, 64 стукнуло.

– Примите мои искренние поздравления! Ещё сто лет прожить вам!

– Спасибо!

Ф.А.: – Ты скажи, что на рыбалку ходишь, грибы собираешь...

– Не буду же я дома сидеть! Иду на рыбалку, а если рыба не клюёт, грибы собираю.

Ф.А.: – Не грибы, так калину. Не калину, так бадан. Ему надо постоянно двигаться, он так привык.

– Когда остаюсь дома, читаю газеты. (Показывает на большую стопку.) И дровами занимаюсь. Кино сейчас... лучше не смотреть, ничего хорошего. День сидеть у телевизора – этого во мне нет. На телевизор вечер даётся.

Кто знает, что за горами?

– Иван Эдуардович, помните ваши чувства, когда Ельцин, придя к власти, по сути, запретил Коммунистическую партию?

– Я не только коммунистом, но и членом ЦК Компартии России был. В 1991 году 7 августа вернулся из Москвы, а 19-го началась эта заваруха. Честно говоря, я не был врагом партии. Ранило как-то меня всё это. Многие наши не понимали происходящего в стране. В СССР одна партия руководила, а сейчас вон сколько их. Где же им одну линию выработать? Да ни в жизнь не договориться.

– Ваше отношение к Гайдару? Горбачёву? Ельцину?

– Я с Ельциным был в Кремлевском Дворце съездов, когда тот после своего выступления отказался от партбилета и вышел из зала. Что говорить обо мне, когда повыше меня люди не всё происходящее понимали? С Горбачёвым я фотографировался в Москве. Не один, конечно, в составе делегации Алтая. С Лукьяновым, Николаем Ивановичем Рыжковым. Но говорить с Горбачёвым не довелось. Партия России ещё только строилась. Мы ведь хотели, чтобы Горбачёв возглавил её. Довелось слышать его выступление, я был на том пленуме ЦК.

– Вы смирились с новым общественным строем?

Или в душе продолжаете каким-то образом негодовать? О такой старости вы мечтали?

– Не знаю. Мечтал до старости остаться нормальным человеком. Не знаю, как повезёт в самые старые мои годы, но пока продолжаю сам себя обеспечивать. А что там, за горами?..

Дом, полный документов...

– Какие документы есть в вашем семейном архиве, которые напоминали бы о вашей трудовой биографии?

– Ордена с орденскими книжками храню. Пять или шесть бронзовых медалей Главного комитета ВДНХ СССР. Знаки победителя в социалистическом соревновании... Больше 30 почётных грамот и дипломов, в том числе и вручённых мне в Москве. Берегу удостоверение члена Центрального Комитета Коммунистической партии России за номером двести. В нём написано, что я избран учредительным съездом. Могу показать блокнот с записями на пленуме – все выступления коротко записывал. (Показывает.)

«Ударник», кстати, тоже храню, где обо мне писали. Показать, правда, могу не всё, потому что матери на Украину высылал. Фотографий много. Бывает, подержишь в руках, вспомнишь. Есть ведь о чём вспоминать. Начиная с 1960 года и до самой перестройки дома я никак не был: то на работе, то в поездках.

Ф.А.: – А за счёт кого? За счёт верной супруги. (Смеётся.)

- Это ты правду говоришь.
- Где бы вам хотелось сейчас побывать?
- Честно говоря, в черте своего села. Было время,

молодым ездил. Разве что к матери бы поехал. На Украине брат и сестра. Но теперь это заграница. Свидеться, точно знаю, не получится.

– Последний вопрос, Иван Эдуардович. У вас на фотографиях, публикуемых в газете, из-под рубашки всегда виднелась тельняшка. Тогда, во время наших с вами встреч в поле, всё как-то недосуг было спрашивать. А теперь скажите: она для вас была каким-то символом?

– Кто только меня про неё не спрашивал! Однажды даже первый секретарь райкома партии интересовался, почему я тельняшку всё время ношу, не служил ли на флоте.

Повтори-ка вопрос, пожалуйста. Как там у тебя написано? Все правильно. Нет, символом тельняшка не была. Их мне брат из Херсона присылал. А носил для теплоты и украшения себя. (Смеётся.) Привык к ней. А вот уже второй год почему-то тельняшку не ношу.

Петропавловский район.

P. S.

В изданной в 2014 году книге «Биография земли родной... Петропавловский район. История и судьбы» на странице 246-й главы «Люди, внёсшие большой вклад в развитие района» есть фотография И. Э. Рота. В краткой биографии сказано, что он награждён орденом Трудового Красного Знамени, орденом Трудовой Славы II и III степени, имеет 12 медалей. В 2009 году семья Ивана Эдуардовича и Федосьи Андреевны Рот награждена медалью Алтайского края «За любовь и верность».

ТАТЬЯНА ТОКАРЕВА. *Воин и хлебороб*

Алтайский край – одно из самых красивейших мест в России. Необозримые степи, горы, берёзовые колки, реликтовая лента бора, стремительные реки, зеркальная гладь озёр... А ещё современные города с крупными промышленными предприятиями, линии железных дорог, сёла (старинные и молодые), сельскохозяйственные предприятия. По праву наш край считается одной из главных житниц страны.

Но самое дорогое богатство нашего края – это его люди. Это те, кто живут на его земле, сражаются на фронтах за свободу нашей Родины, кто поднимал целинные и залежные земли, кто самоотверженно трудился от зари до зари для процветания края. Их было много, но об одном из них я хочу рассказать. Это Павел Иванович Горкальцев.

Большая семья Горкальцевых приехала на Алтай в село Чуманка Баевского района из Томской губернии в 1913 году, чтобы работать на земле. И дед, и дядья, и отец Павла Ивановича были хлеборобами. В Чуманке долгие годы земли, где трудилась эта большая дружная семья, так и назывались – «Горкальцевы пашни».

Павел Иванович Горкальцев родился в 1924 году, кроме него в семье были ещё два брата и три сестры. Мама была украинкой, отец – русский. Родители воспитывали детей в строгости, с детства приучали к труду.

В 1942 году Павел Иванович был призван в ряды Советской армии. Службу проходил в 586-м стрелковом полку в Иркутской области, затем был переведён в 97-й артиллерийский полк. В 1944 году полк был направлен в Читинскую область на Маньчжурскую границу, где находился в постоянной боевой готовности.

9 августа 1945 года началась война с Японией.

В 4 часа утра 97-й артиллерийский полк, в котором служил Павел Иванович, форсировал на понтонных мостах реку Аргунь и взял направление на город Хайлар. Город Хайлар был освобождён, затем велись бои за освобождение города Чжаланьтуня.

В 1945 году война для Павла Ивановича не закончилась, он был переведён в 298-й артиллерийский полк на охрану границы. Японцы диверсионными группами часто нарушали границу, поэтому приходилось нести службу в полной боевой готовности, ходить в дозоры.

За участие в боях Павел Иванович Горкальцев был награжден:

- медалью «За боевые заслуги»,
- Благодарственным письмом И. В. Сталина,
- орденом Отечественной войны II степени,
- медалью Жукова,
- медалью «За победу над Японией»,
- многими Юбилейными медалями.

Павел Иванович демобилизовался в 1947 году и приехал в родные края, на Алтай. В деревне не хватало мужских рук, многие не вернулись домой с войны. Дел было невпроворот. В первые послевоенные годы самой главной задачей было – накормить людей, которые в военное лихолетье жили впроголодь. А накормить могла только земля. И воины, пришедшие с войны, становились хлеборобами.

Одним из них и стал Павел Иванович Горкальцев.

В колхозе имени Будённого (в дальнейшем, в 1957 году, переименованного в совхоз «40 лет Октября») Панкрушихинского района Алтайского края началась его трудовая деятельность в качестве механизатора, комбайнёра.

Весна 1954 года – это особая страница в истории нашего края. Это начало освоения целинных и за-

лежных земель. За 1954–1956 годы в степных районах нашего края было освоено более одного миллиона гектаров пахотных земель. По призыву ЦК КПСС на целину ехали комсомольцы со всего Советского Союза. Только за первый год Алтай принял 50 тысяч человек из сорока областей СССР.

Это было время трудовых подвигов.

Наряду с приезжими целинниками полнее раскрывали свой хлеборобский талант и местные труженики. К этому времени Павел Иванович стал механизатором широкого профиля, и его избрали бригадиром полеводческой бригады. Он первым осваивал плоскорезы разных марок, культиваторы, бороны, стерневые сеялки, снегопахи. В 1955 году на полях появились прицепные комбайны.

На каком бы участке ни трудился Павел Иванович, он отдавал все свои силы работе. Часто случались поломки в технике, запчастей не хватало. Вот тут-то и помогала природная смекалка. Из того, что было под рукой, вытачивались в мастерской нужные детали.

На счету Павла Ивановича было много рационализаторских предложений. Он первым применил приспособление для очистки барабанов комбайнов, чем значительно сократил время простоев. Отличался высокой работоспособностью и пытливым умом.

Павел Иванович всем сердцем любил поле: когда пахал ранней весной, бережно высевал зёрна в черноземную почву, заботливо обрабатывал её от вредителей, радовался первым весенним всходам.

Но особую радость испытывал, когда вызревал колос и поле становилось золотым. И по этому полю шли комбайны, а зерно золотым ручьём сыпалось в бункер.

Кто хоть раз был свидетелем такого незабываемого зрелища, тот поймёт настоящую радость хле-

бороба, его гордость за свою причастность к такому великому делу. Трудное время уборки хлеба он всегда сравнивал с фронтовым сражением. Но это было радостное, мирное сражение на благо человека!

За сухими цифрами показателей в битве за хлеб стоял огромный и напряжённый труд с беспокойными днями и ночами. Именно благодаря целине Алтай имеет сейчас самую большую площадь пашни в стране – 6,57 миллиона гектаров.

Рекордный урожай зерновых был получен на Алтае в 1956 году. 23 октября 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Алтайский край был награждён орденом Ленина «За выдающиеся успехи в освоении целинных и залежных земель».

28 декабря 1970 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «За большие успехи, достигнутые трудящимися в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию народного хозяйства» Алтайский край получил ещё одну высшую правительственную награду – второй орден Ленина. В двух этих орденах есть неоспоримый вклад и Павла Ивановича Горкальцева.

Ввод в оборот новых земель требовал всё больше и больше техники. Это положительно сказалось на развитии алтайской промышленности. Появились Рубцовский тракторный завод, Барнаульский комбайно-сборочный завод, Алтайский моторный завод.

А село испытывало дефицит кадров механизаторов, поэтому открывались годичные курсы, широко распространялось наставничество, разворачивалось социалистическое соревнование между молодыми звеньями. Павел Иванович Горкальцев – уже опытный механизатор, поэтому ему было доверено возглавить эту работу.

В 1979 году в совхозе «40 лет Октября» было сфор-

мировано комсомольско-молодёжное звено из ребят, только что окончивших школу. Шеф-наставник не только учил их работать на комбайнах, но и устранять поломки, охотно делился опытом хлебо-роба и по-отечески заботился о каждом.

Ребята ценили поддержку своего шефа, с большим уважением относились к нему и работали с полной отдачей. Звено выполнило принятые обязательства, выдав из бункеров шести комбайнов более шестнадцати тысяч тонн зерна.

В 1989 году было организовано звено из женщин-механизаторов, шефом-наставником опять назначили Павла Ивановича. Звено вышло в победители по итогам соцсоревнования.

О трудовой деятельности Павла Ивановича Горкальцева красноречиво говорят награды:

- орден Трудового Красного Знамени в 1974 году – самая дорогая для него награда и поездка на ВДНХ в Москву в 1974 году,
- 1954 год: почётная грамота «За отличные показатели в уборке урожая»,
- 1957 год: почётная грамота «За успехи в хлебоуборке»,
- 1958 год: почётная грамота «За хорошие показатели в уборке урожая»,
- 1959 и 1973 годы: почётные грамоты «За высокие показатели в труде»,
- 1975 и 1976 годы: почётные грамоты «Победителю социалистического соревнования»,
- 1979 год: почётная грамота «Лучшему шефу-наставнику комсомольско-молодёжного звена»,
- 1980 год: почётная грамота «Шефу-наставнику лучшего женского звена механизаторов»,
- 1980 год: почётная грамота «За трудовые успехи в уборке урожая»,

- 1982 год: диплом «Наставнику молодёжи»,
- 1983 год: диплом «Наставнику молодёжи»,
- 1983 год: почётная грамота «За успехи в труде»,
- 1984 год: диплом «Звено – победитель социалистического соревнования. Жатва – 1984 год».

Благодарности за труд от РК КПСС, комитета РК ВЛКСМ, от партийного комитета, рабочего комитета, администрации совхоза «40 лет Октября». В 1995 году выдающемуся хлеборобу был вручён Памятный адрес (краевой).

О трудовой деятельности Павла Ивановича Горкальцева можно было узнать из материалов районной газеты «Трибуна хлебороба» и краевой газеты «Алтайская правда».

В 1974 году на Алтае побывал художник из Москвы, который нарисовал портрет Павла Ивановича. До сих пор в качестве бесценного экспоната он хранится в музее Зятковской средней школы.

Односельчане села Зятково помнят его как добродушного улыбчивого человека, с весёлой удалью гармониста и песенника.

Мать Павла Ивановича была родом с Украины, поэтому он с детства знал много украинских песен. С женой Аннушкой пел дуэтом так задушевно, что им равных не было.

В семье выросло две дочери и два сына.

Умер Павел Иванович в 1997 году. Он прошёл славный жизненный путь: пять лет своей жизни верно служа Отечеству и сорок лет проработав хлеборобом.

Потомки бережно хранят память о своём знаменитом воине – хлеборобе!

И гордятся им, и продолжают его дело.

ЛЮДМИЛА ЦЕЛИЩЕВА. Музыкант, коллекционер, наставник
(памяти В. Л. Мосунова)

Наша беседа с музыкантом и педагогом Виктором Леонидовичем Мосуновым состоялась 15 июня 2006 года. К сожалению, в 2014 году он ушёл из жизни.

22 мая 2006 года Виктору Леонидовичу исполнилось 76 лет, из которых 50 отдано Дому детского творчества № 1 города Бийска.

Родился Виктор Леонидович на Украине, в городе Житомире, но вскоре семья переехала в Бийск, да так и осталась на долгие годы.

Просто удивительно, сколько имён, событий и разной жизненной информации хранит память этого невысокого, по-мальчишечьи подвижного человека!

Помнит Виктор Леонидович всё, что рассказывала ему бабушка по материнской линии, простая крестьянка, служившая у графа Вульфа, и дед, приехавший по указу императора в Бийск поднимать маслосырное дело на Алтае.

Здесь, в Бийске, на улице Льва Толстого, прошло детство Виктора и двух его братьев: Владимира и Николая – детство, совпавшее с войной. В 1937 году был арестован и расстрелян как враг народа отец – скромный заведующий молочно-исследовательской лабораторией, а в 1938 году Виктор пошёл в первый класс школы № 3 на улице Советской (там находится сейчас факультет педуниверситета).

Помнит Виктор Леонидович свою первую учительницу Валентину Кондратьевну, которую они, вихрастые первоклашки, бегали встречать перед началом занятий.

Во время войны многие здания Бийска были от-

даны для размещения раненых. Школа № 11, где в то время учился в 6-м классе Виктор, тоже частично была занята госпиталем.

А в 1944 году было введено раздельное обучение, и Мосунов вернулся теперь уже в мужскую школу № 3, которую и окончил в 1949 году. К тому времени у него уже была трудовая книжка с записью 1948 года: «Принят на работу в качестве аккордеониста в Дом пионеров № 1».

А ходить сюда, на улицу Кирова, 5, Мосунов начал в 1943 году: сначала пел в хоре, потом занимался в драмкружке, участвовал в музыкальных постановках.

Здесь освоил аккордеон, здесь начал свой трудовой путь. Отсюда уезжал по направлению в Новосибирское музыкальное училище в 1952 году.

Окончил дирижёрское отделение, освоил ещё и фортепиано, и Дом пионеров вновь принял его, но уже в качестве музыкального руководителя, да так и не отпущал 50 лет!

А тяга к музыке была с самого детства.

– Мне очень хотелось учиться музыке, – вспоминает Виктор Леонидович. – Но наша семья жила очень бедно. Чтобы заработать деньги на обучение в музыкальной школе, мы с братом Володей (он прекрасно пел) всё лето пилили дрова жителям Заречья. Было жарко и до слёз обидно, когда мимо нас на речку бегали купаться мальчишки, а мы обливались потом. И всё же в сентябре 1944 года нас приняли в музыкальную школу № 1. Моим учителем был прекрасный педагог В. А. Бракас, который разрешил по вечерам играть на его баяне, так как своего инструмента у меня не было. Это уже позже, в Доме пионеров, я начал играть

на аккордеоне, и меня приглашали на субботние вечера в педучилище. Там я приобрёл много друзей, с которыми нас долгие годы связывала музыка (некоторых уже нет в живых).

Виктор Леонидович – труженик каких мало. А ещё он коллекционер, пожалуй, единственный в городе, кто собирает репродукции художников, музыкальную литературу, пластинки, и весь город пользуется материалами Мосунова, он никому не отказывает. Нотную библиотеку, например, он начал собирать с 1947 года. Редкие музыкальные программы, партитуры, клавиры для фортепиано (200 штук) – всё это в отдельных папках с номерами бережно хранится на полках в квартире.

А ещё раньше, с 1942 года, начиналась другая коллекция: сначала марки, потом репродукции, мелкие и крупные (их около тысячи), они занимают часть квартиры на специальных стеллажах, а рядом полки с книгами, пластинками, папки с газетными вырезками разных лет и на разные темы – от русских полководцев до Пушкина и Чехова.

В течение 20 лет В. Л. Мосунов работал учителем музыки в школе № 8, где создал уникальный по звучанию детский хор на пять голосов! В 1970 году этот хор выступал в Барнауле (дирижировал Ю. Т. Шарков) и был признан лучшим на Алтае, а Мосунов принял участие в Международной конференции в Москве вместе с такими композиторами, как Пахмутова, Хренников, Кабалевский. Это был незабываемый праздник души, и это было признание.

В. Л. Мосунов получил звание «Отличник народного образования», его труд отмечен двумя медалями. Понимают и поддерживают Виктора

Леонидовича в семье: жена Любовь Михайловна (в прошлом учитель литературы) – главный «эксперт» по картинам; дочь Вера – учитель музыки в гимназии № 11, сын Александр живёт в Москве, увлекался музыкой, но стал кандидатом физических наук. Подрастает внук, который учится у деда главному: трудолюбию, отзывчивости и восприятию красоты и вечности окружающего мира.

ВЛАДИМИР ШНАЙДЕР. Николай Павлов

К перрону барнаульского вокзала, устало выдыхая клубы дыма и скрежеща на стрелочных переводах, немало повидавший на своем трудовом веку паровоз затыгивал пассажирский состав.

Лязгнули буфера, и состав остановился.

Из вагонов, утомлённые длительной поездкой, стали спешно высаживаться пассажиры. Толчея, гам.

Когда суэта на перроне несколько утихла, с поезда сошёл молодой человек с чемоданами в сопровождении подростка и молодой женщины с ребёнком на руках.

Отойдя от края перрона, они остановились и огляделись.

Молодой человек, а это был Николай Васильевич Павлов, покачал головой. Вид вокзала, привокзальной площади и прилепившихся вокруг построек и хибарок действовали удручающе, настолько всё казалось неприглядным, провинциальным и чужим.

И одна только мысль ободряла: через три года можно покинуть заштатный городок и уехать туда, куда хотелось попасть сразу после института, – на Таганрогский котлостроительный завод.

Деревня Менюша, в которой родился Николай Васильевич, имела большую историю. Согласно одной из нескольких версий, название дано из-за множества постоянных дворов, на которых меняли лошадей, – находилась она на большаке (тракте), в 40 верстах от Новгорода.

Позже, когда был выстроен Санкт-Петербург, любой, ехавший из него в Европу или наоборот, не мог миновать Менюшу. Кроме постоянных дворов в ней действовало много торговых лавок, ведь каждый проезжавший нуждался в свежих лошадях, крове и пище.

Семья Павловых жила в достатке. Наёмных работников не держали, со всеми делами – и в поле, и во дворе управлялись своими силами.

Василий Гаврилович и Мария Ивановна были людьми, истинно верующими в Бога, чтители все церковные праздники и нередко делали пожертвования на содержание храма и богоугодные дела. Они знали грамоту и даже покупали газеты, доставка которых в Менюши не имела затруднений.

Николай Васильевич с детства любил читать, в школе учился прилежно и успешно. Но школьная программа любознательный и пытливый ум подростка не могла удовлетворить.

На его счастье, у близких друзей, детей местного священника, была домашняя библиотека, казавшаяся подростку настоящим кладезем знаний. Именно под влиянием книг из библиотеки священника Николай уже в то время начал писать стихи.

Это было в четвёртом классе. Учительница отмечала талант ученика и поддерживала его стремление писать.

Позже, став членом Союза писателей, Николай Васильевич записал на листке, что если бы не поддержка педагога, то, возможно, он оставил бы мысль стать писателем.

В конце 20-х на Кольском полуострове началось строительство апатит-нефелиновой обогатительной фабрики. Требовались бесплатные рабочие руки.

Семья Павловых попала под раскулачивание и выселение на Кольский полуостров. Условия для жизни были ужасные. Первое время расселялись в дощатых бараках, спали на голых нарах в верхней одежде.

Трудиться приходилось не только взрослым, но и

детям. Взрослые работали на строительстве фабрики, дети – на строительстве посёлка.

Взрослые работали по 14–16 часов. Питание скудное, медицинской помощи практически никакой. Больные занимались самолечением, народными средствами. Чудом, иначе не назовёшь, детям Павловых удалось выжить в нечеловеческих условиях, в атлантико-арктическом климате полуострова.

Когда Николай учился в седьмом классе, учительница русского языка и литературы Валентина Васильевна Бабенко объявила конкурс на лучший рассказ.

Николай расстарался, и... его рассказ признали самым лучшим!

Валентина Васильевна оказалась человеком неравнодушным и отнесла рассказ в городскую газету «Хибиногорский рабочий».

Рассказ в сокращении и с небольшой редакторской правкой напечатали.

Николай несколько дней ходил будто с крыльями за спиной.

Непомерный труд, постоянное недоедание, непривычный климат и душевные переживания не могли не сказаться на здоровье, и 18 сентября 1933 года от кровоизлияния в мозг в 50 лет умерла Мария Ивановна¹. Трагедия для всей семьи.

Первым Кольский полуостров покинул старший брат Николая – Леонид, а в 1937 году после успешного окончания средней школы Николай по настоянию отца получил разрешение выехать в Ленинград.

В Ленинграде он остановился у Леонида. К тому времени брат имел семью. Комната, в которой ютилась семья, была маленькой. Из мебели – стол, пара табуреток, настенный шкафчик да кровать.

Спать Николаю приходилось на полу. Не желая стеснять родственников, он старался приходить только переночевать, а остальное время проводил в городе.

1 сентября 1937 года приказом по институту № 619 Николай Васильевич Павлов был зачислен на энергомашиностроительное отделение Индустриального института. Получил койко-место в общежитии на Прибытковской улице, в доме № 14². Тогда же, в сентябре, Павлов вступил в профсоюз. Началась новая, полная открытий жизнь...

В 1938 году Николай Васильевич был принят во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи. Получив билет и нагрудный знак, он очень разволновался. Мог ли сын раскулаченного и сосланного мечтать, что станет своим в комсомольской среде? Но ведь стал! Приняли! Поверили!

В литературном кружке Николай Васильевич занимался с 1939 по 1941 год. Первые стихи опубликовал в институтской газете «Политехник».

Николай Васильевич вспоминал: «...Литературная студия при ЛПИ, руководимая писателем Александром Черненко (автором романов «Расстрелянные годы», «Моряна»), на занятия которой он приглашал Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, В. Шефнера, Е. Рывину...»

Четыре студенческих года пролетели как один день. Николай старался взять от жизни всё, что давало развитие душе и телу, – диспуты и студии, библиотеки и театры, спорт и шахматы. Ввязывался в любое дело, в котором мог почерпнуть что-нибудь новое, интересное. За общественную работу брался с большим желанием. Зная его порядочность, чело-
вечность и просто душевность, студенты и преподаватели института доверяли ему ответственные

посты – руководителя комсомольского стрелкового кружка, профгруппорга группы. В период выборных кампаний он был одним из самых активных агитаторов.

Всё перечеркнула война...

Первая боевая награда, медаль «За оборону Ленинграда», Николаю Васильевичу была вручена 6 июля 1943 года командиром 314-й стрелковой дивизии полковником И. М. Алиевым (серия О, № 02023)³.

В июле 1944 года Николай Васильевич награждён орденом Отечественной войны II степени, а 16 мая 1945 года – орденом Красной Звезды. Двумя днями позже – медалью «За боевые заслуги»⁴.

Фронтовой период жизни Николая Васильевича отмечен не только боями, наградами, выездами на передовую, но и рядом других событий, не связанных с войной. Одним из них является вступление в ряды КПСС в июле 1944 года (партийный билет № 00355495).

В начале октября 1945 года Николай Васильевич демобилизовался, и уже 30 октября был восстановлен на четвёртый курс ЛПИ.

После окончания института семья Павловых приехала в Барнаул. Молодого специалиста на заводе ждали – выделили комнатку в бараке (5-й Технический проезд, дом 9, квартира 4)⁵.

Несколько слов о том, в каких условиях пришлось работать: «В полутёмном, с низким дощатым потолком помещении сидело тридцать-сорок человек. Ни единого кульмана, ни одной приличной готовальни. Даже логарифмических линеек не хватало, рейсшина на шпигате с роликами – верх конструкторского комфорта...»⁶

Его способность вдумчиво и взвешенно подхо-

доть к решению любых вопросов понравилась не только руководству завода, но и товарищам по работе, и в октябре 1948 года его избрали в состав партийного комитета завода – первая ступень общественной деятельности.

В 1949 году Николай Васильевич получил первое повышение по службе – назначили старшим инженером-конструктором. Тогда же Николай Васильевич защитил первое авторское свидетельство.

В сентябре 1951 года в Доме культуры меланжевого комбината состоялась первая краевая конференция сторонников мира. Котлостроительный завод представлял Николай Васильевич. На конференции его избрали в краевой комитет защиты мира – второе направление общественной деятельности⁷.

В комитете защиты мира судьба свела Николая Васильевича с интереснейшим человеком – Михаилом Афанасьевичем Лисавенко, руководителем Алтайской опытной станции садоводства (с 1973 года – НИИ садоводства Сибири). У них оказалось много общего – оба любили своё дело и оба интеллектуалы. Сблизились, невзирая на разницу в возрасте – двадцать один год. Когда встречались, беседовали подолгу на разные темы.

В начале декабря 1952 года в Москве планировалось проведение Четвёртой Всесоюзной конференции сторонников мира. От Алтайского края делегаты – Лисавенко и Павлов. Случайно? Нет. Склад характера, вдумчивость, скромность и хорошая база знаний молодого инженера и начинающего литератора импонировали Михаилу Афанасьевичу, и он рекомендовал Николая Васильевича на Всесоюзную конференцию сторонников мира⁸.

Две недели бок о бок в поезде, гостинице, на конференции ещё больше сблизили земляков.

После возвращения из Москвы Николая Васильевича пригласили в крайком партии, где он узнал, что «есть мнение о выдвижении его кандидатуры на выборах в Алтайский краевой Совет депутатов трудящихся».

Для Николая Васильевича эта новость была ошеломляющей. Не в районный Совет, не в городской, а сразу в краевой!

Будучи человеком самокритичным и скромным, Павлов сомневался: «А справлюсь ли?» В крайкоме сомнения рассеяли – справитесь, поможем.

В марте 1953 года Николая Васильевича избирали депутатом Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся. А спустя несколько месяцев назначили начальником котельного отдела СКБ завода⁹.

И это ещё не всё. В том же 1953 году Павлов взял на себя ещё одно весьма ответственное дело: при детской библиотеке Дома культуры завода транспортного машиностроения был создан литературный кружок, и его попросили им руководить.

В начале 1957 года в биографии Николая Васильевича происходят изменения – его назначают заместителем главного конструктора завода. А в марте в третий раз избирают в краевой Совет депутатов трудящихся.

В 1957 году Николай Васильевич начал работу над диссертацией.

В марте 1959 года на районной конференции КПСС Николая Васильевича избирают членом Бюро Октябрьского райкома партии, а в ноябре назначают главным конструктором завода¹⁰.

Кроме того, в декабре того же года Николая Васильевича избрали членом ТЭС (технико-экономического совета) Алтайского совнархоза¹¹ и на очередном заседании краевого комитета защиты мира

избирали членом президиума комитета и делегатом от Алтайского края в Москву на Всесоюзную конференцию.

В марте 1960 года Николая Васильевича избрали делегатом от Алтайского отделения Всесоюзного общества «Знание», в котором он состоял с 1954 года, на VI съезд ВО «Знание» РСФСР, проводившийся опять же в Москве¹².

С июля 1961 года к тем делам и заботам, в которые Николай Васильевич был погружён с головой, добавилось ещё одно ответственное дело: Государственный комитет Совета министров СССР по автоматизации и машиностроению письмом № 10-13-308 от 17.06.1961 официально уведомил Павлова о том, что он утверждён членом постоянной комиссии по паровым котлам секции энергетических машин.

На заводе шла напряжённая работа по внедрению мощного осевого дымососа ДО-31,5, началось производство высокоэкономичных вентиляторов с КПД 84–86%, и главный конструктор, конечно же, находился в центре процессов.

Первый дымосос ДО-31,5 был выпущен в 1962 году.

Ещё конструкторский аппарат завода занимался сложнейшими разработками оборудования для атомных электростанций.

Каждое ответвление деятельности завода требовало от главного конструктора максимум внимания и концентрации. В особенности разработка оборудования для атомных электростанций. А кроме того, Николай Васильевич с 1962 года (начало строительства) и до выпуска первой продукции принимал активное участие в строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода и атомной электростанции в Болгарии.

Защита диссертации на соискание учёной степени кандидата наук состоялась 29 января 1963 года в Ленинградском политехническом институте¹³.

Вернувшись из Ленинграда, Николай Васильевич попал в новое русло общественной работы – 13 февраля его избрали членом крайкома КПСС¹⁴.

Кроме того, в том же году на общественных началах Николай Васильевич принимал активное участие в создании кафедры «Парогенераторостроение, теплотехника и гидравлика» в Алтайском политехническом институте им. И. Ползунова. Это дело Николай Васильевич считал очень важным – котельный завод остро нуждался в специалистах.

До сих пор инженерные кадры пополнялись за счёт приезжих. И чаще всего это были выпускники вузов из-за Урала. Они приезжали по распределению, отработывали положенный срок и возвращались домой.

Конечно, кто-то приживался на Алтае, но потребность в специалистах оставалась острой. Кадровую проблему можно было решить только своими, алтайскими специалистами, выращенными в стенах своего вуза.

Ещё один штрих из производственной жизни Павлова. В июле 1964 года на завод прибыл посол Народной Республики Болгария Стоян Караджов.

Прямо на заводской площади растянули огромную географическую карту, на которой от Барнаула во все стороны расходились яркие стрелки. Они показывали международные связи котельщиков.

На площадке собрались рабочие завода, а на импровизированной трибуне – руководство завода и посол Болгарии в СССР.

Он зачитал Указ Президиума Народного Собрания НРБ о награждении Барнаульского котельного

завода орденом «Красное Знамя Труда» за техническую помощь в строительстве и пуске азотно-тукового завода и ТЭЦ «Марица-Восток 1» и прикрепил орден на заводское Красное знамя. В этой награде была частица труда Николая Васильевича.

С 20 по 24 августа 1968 года в Москве проходил VII конгресс Мировой энергетической конференции, в котором приняли участие учёные СССР, Югославии, Болгарии, Китая, Ганы, ГДР, США, Румынии, Польши, Турции, Чехословакии и других стран. Принять участие в работе конгресса было делом почётным. От БКЗ такая честь выпала Николаю Васильевичу¹⁵.

На заводе тем временем жизнь продолжала кипеть. За четыре года – с 1967-го по 1970-й – был сдан в эксплуатацию цех блочной сборки, создана аэродинамическая станция, вступил в строй информационно-вычислительный центр с самой современной на то время в СССР ЭВМ «Минск-22».

Работая для большой энергетики, завод не забывал и о малых предприятиях и селах, остро нуждавшихся в центральном отоплении. Для этого в 1970 году предприятие освоило выпуск котлов малой мощности для сельского хозяйства (котел Е-1/9), а спустя три года перешло к выпуску котлов с газоплотными панелями.

В Большом Кремлёвском дворце 20–22 июня 1972 года состоялся VI съезд Всесоюзного общества «Знание». Делегатом от Алтайского краевого общества «Знание» был Николай Васильевич Павлов, ректор Народного университета технического прогресса¹⁶.

В 1973 году в жизни Николая Васильевича начался новый виток деятельности – он стал преподавать на кафедре «Парогенераторостроение, теплотехника и гидравлика».

Здесь уже упоминалось, что Павлов «приложил руку» к созданию кафедры, и отмечалось, почему он считал это важным. Теперь на завод приходили хорошо подготовленные выпускники политехнического института.

У вчерашних студентов была достаточная теоретическая база, но, оказавшись на производстве, они терялись. Вот эту связку теории с практикой, по мнению Николая Васильевича и руководства политехнического института, студенты и должны были получать ещё в процессе учебы.

Найти преподавателя с богатым опытом и глубокими знаниями производства нелегко, а Николая Васильевича в институте знали давно. Потому ректор и попросил его поработать на кафедре.

Учитывая производственную загруженность и общественную деятельность, Николай Васильевич сначала отказался, но потом всё-таки принял приглашение.

Приказ ректора Алтайского политехнического института им. И. Ползунова № 1215 от 19 октября 1973 года §10. «Тов. Павлова Николая Васильевича, кандидата технических наук, главного конструктора Барнаульского котельного завода, зачислить на должность доцента кафедры «Парогенераторостроение, теплотехника и гидравлика» с 1 октября 1973 года на 0,25 ставки с окладом 70 рублей в месяц. Основание: заявление тов. Павлова Н.В. с согласием зав. каф. тов. Фурсова И.Д., проректора тов. Троицкого Б.Б., разрешение Министерства МВ и ССО РСФСР»¹⁷.

Под непосредственным руководством Павлова достаточно назвать сооружение атомной станции «Ловииса-1» в Финляндии, победу во Всесоюзном соревновании за повышение эффективности производства и качества работы.

В 1978 году за успешное выполнение государственного плана коллектив завода был награждён переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

В тот же период Президиум Верховного Совета СССР наградил работников БКЗ орденами и медалями за успехи, достигнутые в создании и монтаже гидравлического пресса 65000 тс для Франции. Это был весомый вклад в экономику и промышленность не только края, но и страны.

С этого года Николай Васильевич начинает интенсивно готовиться к защите докторской диссертации.

В период с 1979 по 1985 год разработана и освоена новая продукция – деаэратор ДП-2600 единичной производительностью 2600 т/час для АЭС и паровой котёл производительностью 420 т/час с новой технологией сжигания твёрдого топлива в кипящем слое.

Данная модель котла отвечала современным мировым стандартам в экологическом плане.

Для изготовления сложнейших сосудов на предприятии вводится в строй новый пролёт с самым мощным в Алтайском крае электромостовым краном грузоподъёмностью 360 тонн. Такого уровня технологии не знало ни одно предприятие края.

Кроме того, в 1983 году производственное объединение стало лауреатом премии Совета Министров СССР за разработку и внедрение в производство котла БКЗ-420-140НИМ-4 для работы под наддувом.

А ещё через три года предприятие получило орден «Знамя Труда» I степени КНДР за развитие энергетики братской страны.

Павлов, пожалуй, был единственным производственником на Алтае, кто использовал свой твор-

ческий потенциал и все имеющиеся возможности для прославления родного предприятия и его тружеников на всесоюзном уровне.

Он использовал каждую возможность и любую площадку, чтобы рассказать о БКЗ. Так, в восьмом номере ежемесячного журнала «Энергомашиностроение» в 1982 году он опубликовал статью «Пора технической зрелости», посвящённую 40-летию БКЗ.

Трудовые награды Николая Васильевича: Почётная грамота¹⁸; Почётная грамота¹⁹; орден Трудового Красного Знамени, орден «Знамя Труда» I степени КНДР²⁰; Почётная грамота²¹; Почётная грамота²²; Почётная грамота²³; орден Октябрьской Революции²⁴; звание «Заслуженный машиностроитель РСФСР»²⁵.

Первый вклад в литературу Алтая Николай Васильевич сделал в 1948 году – рассказ «Литейщики»²⁶. Конкурсной комиссией крайкома ВЛКСМ рассказ был оценен высоко – присудили первое место и наградили автора Почётной грамотой крайкома ВЛКСМ²⁷.

С того года произведения Николая Васильевича практически ежегодно публиковались не только в краевых изданиях, но и в центральных: журналах «Сибирские огни», «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов» и коллективных сборниках, в том числе московских издательств.

Ещё один немаловажный штрих – Павлов почти два десятилетия был единственным писателем на Алтае, писавшим на производственные темы: повесть «Горячее лето», роман «Первый проект» (позже переименован в «Конструкторы»), сборники рассказов «Разные взгляды», «Морозы, метели» и др. Даже через несколько лет, в 1959 году, москов-

ский критик Г. А. Ершов в статье «В атмосфере творческого беспокойства», опубликованной в журнале «Москва», отметит, что роман Павлова «Конструкторы» является «...единственным из крупных произведений, непосредственно затрагивающих тему индустриального труда на большом заводе, до сего времени остаётся роман «Конструкторы» – книга писателя Николая Павлова, инженера, главного конструктора Барнаульского котельного завода...»

В 1954 году руководство края оказало Николаю Васильевичу доверие – делегировало в Москву на II Всесоюзный съезд советских писателей²⁸. Более того, ему предстояло не просто принять участие в съезде, а отстаивать издание альманаха «Алтай»²⁹. В 1965 году крайком делегировал Николая Васильевича на Второй съезд Союза писателей РСФСР.

Заслуги Николая Васильевича в развитии промышленности и экономики Алтайского края, да и в культуре, ещё не оценены по достоинству, потому что всё, сделанное им, полностью не изучено.

Примечания

---

¹ АО ЗАГС г. Кировска.

² Научно-фондовый сектор Музейного комплекса СПБПУ Петра Великого.

³ ЦА МО РФ, акт вручения медали «За оборону Ленинграда» от 06.07.1943, управление 314 СД.

⁴ ЦА МО РФ, из наградного листа от 16.05.1945, приказа от 18.05.1945 № 037-Н действующей армии.

⁵ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 2.

⁶ Юдалевич М. Годы и люди/Сибэнергомашу – 50 лет/ - Барнаул: изд-во «Алтайская правда». 1992. – с. 76–77.

⁷ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 89.

⁸ Там же.

- ⁹ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 32.
- ¹⁰ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 1, д. 2.
- ¹¹ Там же
- ¹² Там же
- ¹¹ Там же
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же
- ¹⁴ Там же
- ¹⁵ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 1, д. 21.
- ¹⁶ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 1, д. 31.
- ¹⁷ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 2.
- ¹⁸ БКЗ, прик. № 209 от 05.11.1954, КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 3.
- ¹⁹ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 3, исполком Алтайского Совета депутатов и бюро крайкома КПСС 1957 г.
- ²⁰ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 78, 1966 г.
- ²¹ КГКУ ГААК, ф. Р1393, оп. 1, д. 8. Президиум Алтайского краевого правления Научно-технического общества «Машпром», 1966 г.
- ²² Там же, Президиум Алтайского краевого правления НТО, 1967 г.
- ²³ КГКУ ГААК, ф. Р1393, оп. 1, д. 8, Алтайский краевой Совет ДСО «Труд», 1968 и 1971 гг.
- ²⁴ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 109, Президиум Верховного Совета СССР, 1976 г.
- ²⁵ КГКУ ГААК, ф. Р1383, оп. 2, д. 2, Президиум Верховного Совета РСФСР, 1979 г.
- ²⁶ Сборник «Племя молодое», Барнаул, 1948, АКИ.
- ²⁷ КГКУ ГААК, ф. Р1393, оп. 1, д. 8.
- ²⁸ Декабрь 1954 г.
- ²⁹ С лета 1954 г. по стране стали закрывать «местечковые» альманахи. Чаще всего это происходило там, где писательские организации были малочисленными, а на Алтае на тот год был всего один член ССП.

СОЧИНЕНИЯ УЧЕНИКОВ
ТРОИЦКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 2

Электронная библиотека АКУЛБ, elib.altlib.ru

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ. Три майора

В нашей стране очень много героев. Кто-то стал героем, спасая чужую жизнь, кто-то защищал Родину, а кто-то является героем, исполняя свой служебный долг на страже общественного порядка. Но я хочу рассказать о своей семье и о трёх майорах нашего семейства Ивановых.

Мой папа – Михаил Геннадьевич Иванов. Он возглавляет Росгвардию – отделение вневедомственной охраны по Троицкому району. Его сестра, моя тётя Екатерина Геннадьевна, в настоящее время обучается в Академии управления МВД России в Москве. Дедушка Игорь Александрович Новожилов служил в пограничных войсках, прадедушка Михаил Григорьевич служил в милиции, а мой прапрадедушка Василий Михайлович – участник Великой Отечественной войны.

Свой рассказ я начну с папы, который после окончания ТСП № 1 в 1999 году был призван Троицким военкоматом в армию.

Он служил два года во внутренних войсках МВД, демобилизовался в 2001 году в звании старшины. Сразу после армии устроился на работу в Троицкий РОВД во вневедомственную охрану, где работает уже более 23 лет. За это время он прошёл путь от милиционера до начальника Росгвардии. В настоящее время он в звании майора полиции.

Мой отец постоянно учился, совершенствуя свои навыки в работе на таком ответственном участке, как Росгвардия. В 2005 году окончил Алтайский государственный профессиональный педагогический колледж по специальности «экономист-бухгалтер», а в 2017 году окончил Барнаульский юридический институт МВД России по специальности «юрист».

Мой папа к учёбе и работе относится с большим

уважением, считает это главным смыслом своей жизни. Я горжусь им ещё и потому, что он относится доверительно к людям.

Я люблю бывать на работе у папы. Сотрудники его очень дисциплинированные и ответственные, исполняют свой долг честно и добросовестно.

Папина сестра, моя тётя Екатерина Геннадьевна, родилась в 1979 году в городе Алма-Аты Казахской ССР. После школы окончила Алтайский государственный университет, а затем Барнаульский юридический институт МВД России. На протяжении 20 лет служит в органах внутренних дел Российской Федерации.

В настоящее время она в звании майора полиции и постоянно находится в командировках. По роду службы была вынуждена неоднократно менять место жительства. Екатерине Геннадьевне приходилось исполнять службу в Алтайском крае, Томской области, Республике Алтай и Москве. И где бы она ни работала, всегда с благодарностью вспоминает Троицкий РОВД, где она начинала свой служебный путь.

Большую часть времени тётя служила в инспекции по делам несовершеннолетних, где в круглосуточном режиме нужно было реагировать на экстренные ситуации в неблагополучных семьях. С трудными подростками она общалась легко и свободно, доверяла им и с пониманием к ним относилась. Поэтому её любили и прислушивались к её советам.

За время службы Екатерина Геннадьевна изменила судьбы многих детей в лучшую сторону. С некоторыми из них она до сих пор поддерживает связь.

Интересную жизнь прожил и мой дедушка Игорь Александрович Новожилов. Он родился в 1955 году в селе Лыкошино Бологовского района Калининской области. В 1975 году был призван в пограничные войска, через год службы поступил в Московское

высшее пограничное командное Краснознамённое училище КГБ СССР.

После окончания училища проходил службу на ОКПП в городе Ленинграде и на границах с Финляндией, Турцией, Афганистаном, Китаем.

В настоящее время он является майором в отставке и принимает активное участие в патриотическом воспитании молодёжи нашего района вместе с другими ветеранами воинской службы.

Прадедущка Михаил Григорьевич Иванов тоже служил в милиции, был участковым в селе Ельцовка Троицкого района.

Другой мой прапрадедущка – Василий Михайлович Смурьгин родился в 1900 году и во время Великой Отечественной войны воевал в кавалерийских войсках под командованием маршала С.М. Будённого.

К большому сожалению, он героически погиб при штурме Берлина в 1945 году, за 1 месяц и 3 дня до Победы над фашистской Германией.

Три майора в нашей династии Ивановых для меня важный знак – быть четвертым майором в этом списке. Это мой долг не только перед родными и близкими, но и перед Родиной.

Я очень горжусь своими родственниками и хочу продолжить традицию нашей семьи – получить образование в БЮИ, пройти службу в армии, а затем работать в полиции. Хочу приносить пользу гражданам своей страны, охраняя их покой.

ЕФИМ ЧУМОВ. Лучший криминалист Алтайского края

Евгений Александрович Чумов – мой отец. Он родился в селе Южаково в рабочей семье. В школе увлекался техникой, физикой, астрономией, фотографией, много читал технической литературы, усиленно изучал радиотехнику и электронику. Учитель физики Вячеслав Викторович Климов помогал ему в приобретении навыков пайки радиодеталей и чтении радиосхем.

В 1991 году папа поступил в Алтайский индустриально-педагогический техникум на отделение «Механизация сельского хозяйства», по специальности «техник-механик, мастер производственного обучения».

В декабре 1993 года был призван в армию, где проходил службу в 88-м радиотехническом полку войск противовоздушной обороны страны в городе Красноярске. По военной специальности – командир отделения приёмных радиоустройств, радиотелеграфист. Дополнительно исполнял обязанности специалиста группы фотоконтроля, по фотофиксации планшетов направления радиолокационной разведки.

После армии папа окончил АИПТ и поступил на службу в Троицкий РОВД. Сначала его приняли стажёром на должность милиционера ППС с присвоением звания сержанта милиции. В 1998 году прошёл специальную подготовку в учебном центре ГУВД по Алтайскому краю. Несение службы в должности милиционера ППСМ продолжал до августа 1998 года. Во время службы в подразделении ППСМ с ними проводились занятия по изучению криминалистической техники и по изучению основных методов поиска и фиксации следов и вещественных доказательств.

Папу очень привлекала эта техническая работа,

тем более что основные навыки специальной фотографии были приобретены в армии. С 1998 года он работал старшим экспертом экспертно-криминалистической группы Троицкого РОВД в звании младшего лейтенанта милиции.

Впереди молодого криминалиста ждало много служебных командировок по обучению и получению допусков на право самостоятельного производства экспертиз и исследований вещественных доказательств, изъятых при осмотрах мест происшествий, других следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Чтобы исполнять поставленные задачи, ему необходимо было иметь соответствующую квалификацию и допуск к осмотру места происшествия (ОМП). Он должен был правильно применить криминалистические средства и методы обнаружения, фиксации и изъятия следов, а также других вещественных доказательств.

После курсов мой отец успешно сдал экзамены и получил свой первый допуск и к ОМП, и на право производства экспертиз холодного оружия и дактилоскопических экспертиз. В последующие годы он получил допуски на право производства трасологических экспертиз, баллистических неидентификационных экспертиз, технико-криминалистических экспертиз документов.

Я всегда поражаюсь, как мой папа всё это умещал в своей голове, все эти допуски, экспертизы и документы! Сколько надо было знать, чтобы правильно составить акты осмотра места преступления! Только подумать – семь допусков на право самостоятельного производства криминалистических экспертиз с дальнейшим подтверждением этих допусков в экспертно-криминалистическом центре ГУ МВД

России по Алтайскому краю, где еще ему надо было пройти рецензирование данных допусков.

У моего папы была очень интересная, творческая, захватывающая работа, которая исполнялась им со знанием дела и всей ответственностью перед законом. В случае экспертной ошибки была предусмотрена уголовная ответственность эксперта, о которой отца предупреждали, он подписывал каждое заключение.

В течение всей профессиональной деятельности ему необходимо было учиться, совершенствоваться, изучать новые методики и опыт зарубежной экспертной практики. Поэтому папа занимался самообразованием постоянно.

Он рассказывал, что до 2004 года вся практическая деятельность экспертно-криминалистического подразделения строилась на применении плёночной «мокрой» фотографии с использованием специальной фотоплёнки и фотобумаги. Это создавало определённые трудности при производстве экспертиз и исследований: много времени уходило на обработку фотоматериалов, нужно было соблюдать предельную осторожность при работе с вредными реактивами.

Первый цифровой фотоаппарат появился в отделении уголовного розыска только в 2004 году. Не дождавшись очереди поступления цифровой техники в лабораторию, мой отец за свой счёт купил цифровой фотоаппарат и цветной принтер для фотопечати. Деньги были немалые, зато он быстро перешёл от «мокрой» фотографии к «цифре».

Криминалистический чемодан нового образца поступил только в 2008 году, что существенно облегчило работу экспертов при проведении осмотров мест происшествий и других следственных действий.

Большой радостью для отца стало поступление в 2010 году автоматизированных рабочих мест (АРМ) «Экспертиза», укомплектованных приборами нового поколения. Это очень облегчило и ускорило производство экспертиз и исследований по уголовным делам.

Без папы не обходилось ни одно расследование. Он являлся связующим звеном между всеми структурными подразделениями отдела внутренних дел. У каждого подразделения своё направление деятельности, свои задачи, но друг без друга их работа невозможна.

При осмотре места происшествия мой отец помогал следователю или дознавателю в описании обстановки, применяя специальные средства и методы. Он осуществлял фотосъёмку, видеосъёмку, поиск и обнаружение следов, вещественных доказательств, производил их фиксацию и изъятие, а также оказывал помощь в упаковке.

Я много слышал от моего папы о его работе, и мне было интересно всё это посмотреть, но нельзя было быть на месте преступления посторонним, поэтому я мысленно представлял, как он проводит разные экспертизы.

Без него не обходился ни один выезд следственной группы. Поэтому отец приходил домой уставшим, и мы с мамой старались создать ему все условия для отдыха.

Наступало утро, и мой отец, как воин, спешил на передний фронт, чтобы участвовать в следственных экспериментах, в описании и изъятии вещественных доказательств и образцов для сравнительного исследования.

За время своей экспертной деятельности мой отец с уважением вспоминает сотрудников уго-

ловного розыска: С.П. Гутмана, С.А. Мамаева, А.С. Осипова, Р.Г. Суханова, С.Н. Дятлова, а также сотрудников следствия: В.И. Каркавина, Е.Д. Влазову, О.В. Зырянова, С.В. Заремба, А.В. Передерей, и дознания – Е.Г. Никифорова.

Отцу приходилось работать не только руками, головой, но глазами и носом.

Я всегда удивляюсь, как много знает мой любимый папа. Он помнит все свои расследования, всех сотрудников, с которыми пришлось работать, которые тоже с большим уважением к нему относятся, до сих пор обращаются за помощью.

В 2011 году экспертно-криминалистическая группа ОВД Троицкого района в связи с реформой тоже была переименована в подразделение экспертно-криминалистического направления МО МВД России «Троицкий». Отдел полиции по Косихинскому району стал структурным подразделением МО МВД России «Троицкий».

Должность старшего эксперта в Косихинском районе сократили, поэтому нагрузка папы увеличилась вдвое, тем более его назначили начальником экспертно-криминалистического направления Троицкого РОВД.

Территория обслуживания практически увеличилась в два раза. Мой отец стал один выезжать на осмотры происшествий на территории Троицкого и Косихинского районов.

Приходилось работать без выходных, потому что человек в погонах должен стойко переносить все тяготы и лишения службы.

В 2016 году мой папа завершил свою экспертную деятельность, отдав экспертно-криминалистическому подразделению 18 лучших лет своей жизни. Ушёл на заслуженный отдых в звании майора полиции.

За время службы он имеет 22 поощрения, награждён медалями «За отличие в службе» III и II степени, нагрудным знаком «Лучший сотрудник ГУВД по Алтайскому краю», нагрудным знаком ЭКЦ МВД России «Лучший эксперт». В 2011 году был занесён на Доску почёта ГУВД по Алтайскому краю. Решением Администрации Алтайского края ему присвоено почётное звание «Ветеран труда».

Проходят годы, папа стареет, я взрослею. Теперь уже в нашей семье всех волнует вопрос о моей будущей профессии: кем я буду?

Мне так хочется продолжить дело моего папы, но я не уверен, что смогу осилить такие высокие требования в овладении профессией эксперта-криминалиста. А так хотелось бы, ведь рядом со мной такой замечательный профессионал и друг, мой папа – Евгений Александрович Чумов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О ПРОЕКТЕ	5
-----------------	---

РАССКАЗЫ

Анатолий Арестов	
«Практика».....	9
«На пилораме».....	19
«Жизненный урок».....	24
Виктор Афоничев	
«Записки председателя».....	26
Алла Балабина	
«Хирург от Бога».....	42
Игорь Бородаев	
«АМО».....	55
Евгений Брикман	
«Ещё одна ночь».....	66
Дмитрий Каюшкин	
«Коррозия совести».....	74
Владимир Левченко	
«Здесь люди живут».....	82
Валерий Неудахин	
«Учительница».....	95
Юрий Пастухов	
«Записки сельского врача».....	105
Андрей Пучков	
«Ранетки».....	108
Андрей Эйсмонт	
«Завещание Деда Мороза».....	119
«Чёрный Лесоруб».....	124

ОЧЕРКИ

Владимир Гуляев	
«Председатель, или Человек из СССР».....	135

Сергей Краснов	
«Впервые на Алтае».....	147
Юлия Нифонтова	
«Эстафета доброты».....	155
Иван Скорлупин	
«Иван Рот: Я наработался всласть».....	161
Татьяна Токарева	
«Воин и хлебороб».....	170
Людмила Целищева	
«Музыкант, коллекционер, наставник».....	176
Владимир Шнайдер	
«Николай Павлов».....	180

СОЧИНЕНИЯ УЧЕНИКОВ
ТРОИЦКОЙ СОШ № 2

Александр Иванов	
«Три майора».....	197
Ефим Чумов	
«Лучший криминалист Алтайского края».....	200

НА ЗЕМЛЕ ЕДИНОЙ
Сборник рассказов и очерков

Руководитель проекта — А. А. Самойлова
Редактор-составитель — И. Ю. Образцов
Художественный редактор и вёрстка — Н. М. Ревкова
Корректор — Н. Л. Гриневич

Подписано в печать 08.07.2024

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии АО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28.

тел.: 8 (3852) 63-79-71

e-mail: zakaz@adp.alt.ru

